

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«ГОРЛОВСКИЙ ИНСТИТУТ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ»

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Сборник научных трудов
Выпуск 15
История

Горловка
2021

УДК 009
ББК Ф66/Ш81
Г69

*Рекомендовано к изданию на заседании Учёного совета
ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
(протокол № 5 от 26.05.2021)*

Ответственный редактор: *С. Э. Зябрева* – к. пед. н., доц. ГОУ ВПО «ГИИЯ»,
г. Горловка (ДНР)

Редакционная коллегия:

С. А. Кочетова – д. филол. н., проф. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); *И. А. Герасименко* – д. филол. н., проф. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); *В. В. Липинский* – д. ист. н., проф. ГОУ ВПО «ДонНУ», г. Донецк (ДНР); *И. А. Андреева* – к. психол. н., доц. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); *М. Р. Арпентьева* – д. психол. н., ст. науч. сотрудн. Калужского государственного ун-та имени К. Э. Циолковского (РФ); *Н. В. Евсюкова* – к. ист. н., доц. ГОУ ВПО «ГИИЯ», г. Горловка (ДНР); *Н. А. Егорова* – к. пед. н., доц. Белорусского государственного университета, г. Минск (Республика Беларусь); *Р. А. Назмутдинов* – к. психол. н., доц. Костанайского государственного пед. ин-та (Казахстан); *В. В. Патерыкина* – д. филос. н., доц. Алчевского технического ун-та (ЛНР); *Н. В. Фунтикова* – к. пед. н., доц. Луганского национального университета имени Владимира Даля, г. Луганск, (ЛНР); *Д. А. Чернышёв* – д. пед. н., проф. ГОУ ВПО «ДонНУ», г. Донецк (ДНР)

Включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ):
лицензионный договор № 231-04/2016 от 19.04.2016 (редакция от
03.10.2016).

Гуманитарный вестник : сб. науч. тр. / ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков». Редкол. : *С. Э. Зябрева* и др. – Горловка : Изд-во ГОУ ВПО «ГИИЯ», 2021. – Вып. 15 : История. – 128 с.

Сборник посвящён исследованию актуальных проблем истории.
Для научных работников, аспирантов, студентов, школьных учителей.

**УДК 009
ББК Ф66/Ш81**

*Руслан Александрович Баталин,
г. Горловка, ДНР
Елена Владимировна Рочняк,
г. Горловка, ДНР*

УДК 172.15

ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И ВИДЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПАТРИОТИЗМА

На протяжении веков представление о сущности патриотизма, как любви к своей Родине, менялось. Проблема правильного понимания этого термина и его роли в современном обществе, на ваш взгляд, является актуальной темой современности.

В повседневной жизни мы почти не задумываемся над такими понятиями, как «Отечество», «Родина» и что они означают для каждого из нас. Эти вопросы остро стоят во времена международных конфликтов или военных действий. Именно в этой моменты благодаря взрыву энтузиазма и патриотизма страна может преодолеть сложные периоды своей истории.

Чтобы патриотизм не стал политической идеологией (идеологема – политический термин, часть какой-либо идеологии или элемент идеологической системы, который не имеет четкого определения и меняется в соответствии с политической прагматикой, практически слово-символ), нужно разобраться в определении термина «патриотизм» с научной точки зрения.

Патриотизму, как сложному образованию, трудно дать точное и краткое определение. Современное понимание патриотизма имеет много аспектов и вариантов характеристик. Это связано со сложной природой этого явления, богатством форм проявления патриотизма как феномена, всесторонним изучением которого занимались исследователи по философии, психологии, социологии, политологии и педагогике.

В философском толковании патриотизм определяется как нравственный и политический принцип, социальное чувство, заключающееся в любви к Родине и готовности подчинять ее интересам собственным интересам. В. А. Скуратовский пишет, что как социально-психологическое чувство, патриотизм имеет широкую гамму проявлений: начиная от гордости за достижения Родины (в науке, экономической деятельности, спорте и т.д.), уважения к историческому прошлому, бережного отношения к народной памяти, сохранение и овладения национальными и культурными традициями и заканчивая горечью переживаний за недостатки и потери родной страны, страданий из-за ее бед. В условиях развития капитализма, формирования наций, образования национальных государств патриотизм становится неотъемлемой чертой общественного сознания, ярким проявлением

связи индивида и общества, одним из критериев оценки гражданина [6, с. 17].

Таким образом, патриотизм выступает как важный компонент в структуре личности, так и как социально-историческое явление. Для личности патриотизм является чувством, морально-политическим принципом, гражданской позицией, духовной и моральной ценностью и проявляется как в повседневной жизни, так и в чрезвычайных обстоятельствах. Патриотизм как социально-историческое явление, развивался параллельно с развитием общества. Поэтому, учитывая его конкретно-исторический характер, содержание патриотизма невозможно оторвать от данного исторического контекста, который построен на культурно-историческом опыте народа, его традициях, обычаях, обрядах, многовековой мудрости, духовности.

Русский мыслитель В. Белинский предлагает для осмысления высокой социальной значимости и политической активности патриотизма проанализировать объект, на который направлены чувства, мысли, патриотическая деятельность. Это – Родина, Отечество. «Нет отечества вообще и человечества в целом, а есть их конкретно-историческое содержание: классовое, этническое, экономическое, духовное и т. д. А значит, нет патриотизма вообще, как некоего врожденного, биологического, человеческого чувства» [1, с. 35].

В связи с различными основаниями классификации различают следующие типы патриотизма:

- в связи с пониманием содержания понятия «Отечество»,
- в связи с проявлением патриотического сознания личности,
- по степени осознания патриотической идентичности личности.

В соответствии с содержанием понятия «Отечество» патриотизм может рассматриваться как:

1. Родина – род, семья. Такое понимание сформировано на разных этапах жизни человечества, в тот период, когда коллективная жизнь первобытного человека держалось на кровной связи между членами небольших групп. Чувство общественной солидарности было обусловлено в этот исторический период семейной привязанностью.

2. Отечество – родная земля. При переходе племен к оседлому образу жизни, патриотизм связывается с любовью к родной земле, которая накормила и вырастила человека.

3. Отечество – особый культурный центр, среда обитания. Это чувство патриотизма связано со своей культурой или с родной общественностью.

4. Отечество – государство (власть и религия). В данном понимании патриотизма к природно-родовым основам патриотизма присоединяется нравственная основа как добродетель и обязанности человека. Благодарность родителям связывается с обязанностью по отношению к тем общественным организациям, без которых родители сформировали

бы только родительское общество, но не смогли бы предоставить ей преимуществ достойного существования. В определенный период произошел закономерный переход от патриотизма, связанного с территориальными границами к патриотизму общей государственности. Символом государства для гражданина становится царь или монарх, на которого также было перенесено и религиозное отношение к родине.

5. Отечество – нация как совокупность граждан. В чисто национальном виде патриотическое чувство ярко проявилось в начале 15 века во Франции в фигуре Жанны д'Арк [2, с. 12].

В учебно-методическом пособии «Система патриотического воспитания детей и учащейся молодежи в условиях модернизационных общественных изменений» проблема формирования патриотизма рассматривается через конкретные подходы:

1) антропоцентрический подход. Предполагает в основе своей убеждение, что субъектом – носителем патриотизма в социуме является личность. Социум состоит из личностей, благодаря которым развивается патриотизм. Ведь патриотизм – это не только чувство, принцип, но и моральная ценность. Именно в этом качестве он больше всего вписывается в антропоцентрическое мировоззрение. Антропоцентрический подход, определяя первичность прав человека, одновременно предусматривает их согласование с интересами общества и государства.

2) Теоцентрический подход. В нем патриотизм трактуется как приоритетное духовное служение Родине, которое сочетается с деятельным богослужением и совпадает с благочестием.

3) Социоцентрический подход. Социоцентрическая концепция основывается на принадлежности к единому социуму, единому государству. Человек ищет поддержку не в сверхъестественных силах, а опирается на силу природы и поддержку единого сообщества (государства или класса). Этот подход органично включает в себя новую составляющую патриотизма – конструктивный критицизм в отношении к своему народу, государству. Однако, преувеличенная, неконструктивная, бездеятельная критика своего народа и своего государства может привести к уничтожению национальных и государственных идеалов, ценностей, традиций, к стремлению позаимствовать чужие, часто не лучшие обычаи и ценности, которые не способствуют развитию собственной страны. Объединение народа основывается на принадлежности к единому государству как политической нации. Преодолевая рамки национальностей и конфессий, этот вид патриотизма, бесспорно, носит прогрессивный характер [5, с.10-12].

Через исследование различных подходов к содержанию и сущности патриотизма, можно сделать вывод, что патриотизм – это комплекс взаимосвязанных качеств личности, а именно:

1) социальное чувство (любовь к Родине);

2) моральный принцип (патриотическое мировосприятие);
3) политический принцип (выражение интересов своего народа);
4) духовная ценность (одна из базовых ценностей
общегосударственного уровня);

5) гражданская позиция (вектор практического поведения, готовность
к практическим патриотическим действиям);

6) критерий этнической самоидентификации (осознание личностью
своей принадлежности к определенному этносу).

Анализ концептуальных исследований по проблеме патриотизма позволил упорядочить современные представления о данном феномене. Итак, патриотизм выражается на уровне чувства (чувство любви к Родине), на уровне сознания, как ценностно-рациональная установка (одна из самых высоких ценностей национального государства, осознанная готовность служить Родине и защищать ее от врагов) и на уровне поведения, как активная деятельная позиция (выполнению своих гражданских и нормативно-правовых обязательств). Носителем патриотизма в социуме является личность. Социальный феномен патриотизма развивается благодаря личности, ее творчеству, усилиям и идеям. Как любовь к Родине, патриотизм можно конкретизировать в разных направлениях: страна, народ, культура, религия, язык, история народа; родной край, родная природа; дом; место рождения; семья, друзья и т. д.

Патриотизм – сложное, многогранное явление. Его нельзя упрощать. Он всегда выступает в разнообразных формах и эти формы существенно отличаются. Современное патриотическое воспитание отличается по содержанию, целям и задачам в мирное и военное время. Итак, по нашему мнению, существуют две сферы проявления патриотизма:

1) самоотверженный труд в пользу народа (патриотизм мирного времени);

2) защита Отечества от захватчиков (патриотизм военного времени).

Для воспитания патриотизма в мирное время человеку нужно чувство защищенности, чувство благодарности, уверенности в завтрашнем дне, доверия государству. То есть, как считают многие исследователи, патриотическому воспитанию молодежи мешает такая проблема, как нестабильность социально-экономического состояния государства.

Характерными чертами патриотизма военного времени является активизация патриотизма через ненависть к врагу; массовый героизм и готовность к самопожертвованию; надполитическое сознание, то есть, вне зависимости от формы власти или доминирующей политической партии, готовность защищать свою страну; независимость от экономических трудностей в государстве.

Для воспитания патриотизма следует учитывать его специфическое структурное образование, которое исследовал в советские времена А. Русецкий. Он отмечает, что по структуре патриотизм делится на

две подсистемы – эмоционально-психологическую и рационально-идеологическую. Если первая формируется стихийно в повседневной практической деятельности людей под влиянием общественной психологии, то вторая является результатом воспитательной работы [3, с. 43-44].

На уровне поведения можно выделить следующие формы проявления патриотизма:

1. Эмоционально-чувственные проявления патриотизма (выражаются в определенных переживаниях по отношению к родной стране, любви к Родине, чувстве сопричастности судьбе своей страны, гордости за прошлое, борьбе за современность и вере в будущее).

2. Деятельностные проявления патриотизма (связанные с практической деятельностью на пользу своего государства: защита Отечества от врага; профессиональная, волонтерская или любая другая деятельность, направленная на заботу о благополучии соотечественников и процветания своей страны).

А. Рядовой в статье «Патриотизм как системно-комплексное качество личности: сущность и содержание» обнаруживает, что формы проявления патриотизма реализуются на различных уровнях:

- общегосударственном;
- социально-групповом;
- личностном.

На общегосударственном уровне патриотизм выражается в конкретной патриотической внешней и внутренней политике государства, патриотической идеологии. Социально-групповой уровень связан с местом и ролью в социальном устройстве общества и господствующей в нем идеологии (системы идей и взглядов, которые отражают интересы определенной социальной группы). Формируются мировоззренческие установки данной группы, ее готовность к патриотической социальной деятельности. На личностном уровне формами проявления патриотизма являются патриотические чувства, разделение патриотических духовных ценностей, патриотическое мировоззрение, этническая самоидентификация, практическое патриотическое поведение [4, с. 100-101].

Итак, сущностью патриотизма является любовь к Родине, которая включает в себя любовь к своему народу, заботу о его благе, готовность бороться, служить и защищать, разделить с ним свою судьбу. Патриотизм проявляется по-разному в мирное и военное время на разных уровнях: общегосударственном, общественно-групповом и личностном. Важным направлением в современном воспитании должно стать воспитание активного, деятельного патриотизма. Чтобы воспитать общество патриотов своей страны, нужно задействовать все социальные институты общества в комплексе для развития патриотизма в каждой личности, которая является его носителем. Благодаря воспитанию

патриотизма как целостного комплекса, системы разнообразных чувств, эмоций, потребностей, принципов, ценностных ориентаций, действий и поступков происходит личностное, социальное, культурное и духовное развитие человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский, В. Г. Сочинения в 3-х т. / В.Г. Белинский. – М. : Госполитиздат, 1948. – Т.1. –639с.
2. Пути формирования российской нации. Гражданственность и патриотизм: монография / Под ред. Н. С. Мухаметшиной. – Самара : СГАСУ. – 2012. – 158 с
3. Русецкий, А. Художественная культура и патриотическое воспитание. / А. Русецкий. – Минск : Беларусь, 1980. – 326 с.
4. Рядовой, А. Г. Патриотизм как системно-комплексное качество личности: сущность и содержание / А.Г. Рядовой // Психологические и педагогические науки. Омский научный вестник. – №3 (67). – 2008. – С. 99-103.
5. Система патриотического воспитания детей и учащейся молодежи в условиях модернизационных общественных изменений: учебно-методическое пособие / авт. кол.: Бех И. Д., Журба К. А., Киричек В. А. и др. – К.: Пед. мысль. – 2011. – 240 с.
6. Скуратовский, В. А. Актуальные вопросы патриотического и интернационального воспитания в современных условиях / В. А. Скуратовский. – К. : Знание, 1980. – 26 с.

АННОТАЦИЯ

Баталин Р.А., Рочняк Е.В. Основные формы и виды проявления феномена патриотизма

В статье уточнена сущность понятия «патриотизм», выявлены различные формы и виды, а также и сферы проявления данного феномена.

Ключевые слова: патриотизм, феномен патриотизма, формы и виды патриотизма.

SUMMERY

Batalin R.A., Rochnyak E.V. The main forms and types of manifestation of the phenomenon of patriotism

The article clarifies the essence of the concept of “patriotism”, identifies various forms and types, as well as the spheres of manifestation of this phenomenon.

Keywords: patriotism, the phenomenon of patriotism, forms and types of patriotism.

*Владислав Владимирович Величко,
г. Горловка, ДНР
Елена Владимировна Рочняк,
г. Горловка, ДНР*

УДК: 371.899:622 (477.6)(045)

ПРИЧИНЫ ЗАБАСТОВОК ШАХТЕРОВ ДОНБАССА ПОСЛЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ

Начиная с конца 80-х годов XX века наряду с появлением новых общественных объединений, деятельностью общесоюзных организаций и региональных общественных союзов, политический вес приобретает рабочее движение. Бастующие шахтеры показали себя в качестве новой организованной силы, не считаться с которой было невозможно. Изучение этого вопроса дает возможность лучше осмыслить суть и направленность изменений, происходивших на тот период.

Цель работы – анализ социально-экономических причин забастовок в первые годы после провозглашения независимости Украины.

Историки, которые исследовали проблему рабочего движения нашего края [1; с. 11], считают, что причин для забастовочного движения в рассматриваемый нами период было несколько, но все они принадлежали к социально-экономической и политической сфере существования страны.

Так, в 90-х годах XX в. постсоветское общество переживало острый общественный кризис, связанный со становлением новых государственных образований. Общественный конфликт охватил все сферы жизни. Однако на первое место вышел экономический кризис, который был связан с трудностями трансформации административно-командной экономики в рыночную. Возникла проблема социальной защиты широких малообеспеченных слоев населения. Заработная плата и пенсия находились на низком уровне.

После обретения Украиной независимости экономические и социальные проблемы не исчезли, а еще больше обострились. И для того были объективные основания. В угольной отрасли на фоне старых проблем, которые были накоплены в течение существования СССР, возникли новые, которые не могли не привести к распространению рабочих выступлений.

Так, в течение 90-х годов наблюдалось падение уровня балансовых, промышленных, подготовленных и готовых к выемке запасов угля. Такая тенденция свидетельствовала о фактическом постепенном сворачивании угледобычи в Украине. Шахтный фонд имел высокую степень изношенности (производственные фонды были выработаны в среднем на 65%). Используемое оборудование было устаревшим и не соответствовало требованиям. Почти четверть основного стационарного оборудования полностью исчерпали нормативный

ресурс эксплуатации. Среди действующего забойного оборудования удельный вес очистных механизированных комплексов, проходческих комбайнов, погрузочных машин и ленточных конвейеров нового поколения составило лишь несколько процентов. На шахтах с пластами крутого падения около 70% добычи осуществлялось отбойными молотками. Вследствие этого производительность шахт была низкой: одна шахта Донбасса производила в среднем 400 тыс. т угля в год, в то время как в Польше этот показатель составлял 2 млн. т. В то же время сокращались объемы капитального строительства: в течение 1991-1999 гг. количество очистных забоев уменьшилось более чем втрое, в частности, комплексно-механизированных забоев – в 2,5 раза [14, с. 8].

Разрыв экономических связей, нехватка сырья, материалов и комплектующих, непродуманность финансовой политики привели к падению добычи угля в течение первой половины 1990-х годов. Так, в 1991 г. по сравнению с 1990 годом снижение угледобычи составляло 18,5%, в металлургическом комплексе – 20%, а в среднем – 13 % [2]. Если сравнивать с 1990 г., то темпы падения производства в 1994 г. в Донецкой области составили 54,2 % (Луганской области – 47,7 %), а темпы падения производительности труда – 61,5 % (Луганской – 52,7 %) [12, с. 179]. Падение добычи угля достигло наименьшего значения в 1996 г. – 74,8 млн. т (по сравнению с 135,6 млн. т в 1991 г.). Добыча энергетического угля уменьшилась с 80,3 млн. т до 44,3 млн. т; коксующегося – с 55,3 млн. т до 30,5 млн. т [14, с. 9]. Хотя с 1997 г. наблюдалась тенденция роста добычи угля, однако она не была постоянной. Рост происходил медленными темпами (среднегодовой прирост составил лишь 1,1 млн. т) [14, с. 10].

В 1996 г. объем капитальных вложений в угольную промышленность упал до минимальной отметки 1066 млн. грн. (из них бюджетных средств – 115 млн. грн.), что сделало невозможным стабильное функционирование отрасли [14, с. 11]. В течение 1997-1999 гг. ежегодные объемы капитальных вложений хоть и оставались меньшими, чем это было необходимо, всё же значительно возросли как за счет увеличения использования собственных средств угледобывающих предприятий, так и поступлений из государственного бюджета. Подавляющая часть указанных средств направлена на обновление шахтного добывающего оборудования и примерно 30 % – на капитальное строительство. Тем не менее, увеличение объемов капитальных вложений не позволило остановить отмеченный выше стремительный процесс сокращения количества очистительных и комплексно-механизированных забоев, что свидетельствовало о нерациональном использовании финансовых ресурсов – их распыление между значительным количеством объектов без определения приоритетных направлений. В сочетании с общими недостаточными объемами капитальных вложений, это приводило к

постепенному сворачиванию строительства новых и реконструкции действующих шахт и разрезов, к низким темпам модернизации и технического переоснащения угольного производства [13, с. 23].

С 1992 г. численность занятых в отрасли постоянно сокращалась. При этом прослеживалась опасная тенденция опережающего сокращения численности рабочих основных профессий. Так, численность рабочих по добыче угля в целом, и в частности – горных рабочих очистных забоев уменьшилось почти вдвое – в соответствии с 870 тыс. и 100 тыс. человек в 1991 г. до 565 тыс. и 52 тыс. в 1999 г. [14, с. 12]

Очевидно, к главным причинам уменьшения численности занятых в угольной отрасли следует отнести низкий уровень зарплаты и значительные задолженности по ее выплате. По среднему уровню заработной платы угольная отрасль находилась на 15-17 местах среди других отраслей экономики. Так, в 1992-1995 гг. национальной валютой были купоны, которые не имели никакой ценности на международном рынке. В течение первого полугодия 1992 г. на 100% повышения цены приходилось 83% роста средней заработной платы. Зарплата шахтеров составляла примерно 3000 купонов в месяц. Социологи подсчитали, что человеку для нормального существования нужно было на тот период 104,50 купонов в день и 4135 купонов в месяц [5]. Таким образом, ситуация в Украине с началом «либерализации цен» привела к обнищанию большей части населения. На конец года зарплата в среднем в Украине составляла 15 тысяч купонов, в угольной промышленности – 29 тысяч купонов. Цены же на рынке выросли более чем вдвое [7]. Но и недостаточная зарплата выплачивалась несвоевременно. Так, задолженность по заработной плате по состоянию на конец 1998 г. превышала 5 млрд., стабильные тенденции ее погашения отсутствовали [13, с. 24].

Сложные горно-геологические условия подземной угледобычи, значительная степень износа основных производственных фондов, несовершенство техники и технологий добычи угля обусловили повышенную аварийную опасность работы украинских шахт. Поэтому, несмотря на существенное сокращение объемов угледобычи и численности рабочих по добыче угля, уровень производственного травматизма, в т. ч. со смертельным исходом, только увеличивался им. Так, если в 1991 г. уровень травматизма со смертельным исходом, лиц / 1 млн. т. составлял 2,2, то в 1999 г. – 3,6 [10].

Анализ несчастных случаев на шахтах показал, что на технические причины приходится 25 % производственных травм, а 75 % – на причины организационного характера: недостатки в организации рабочих мест и технических операций, недостаточный уровень обеспеченности шахтеров средствами индивидуальной и коллективной защиты, несовершенство системы управления охраной труда, низкая дисциплина работников.

Таким образом, возникло еще одно обстоятельство, которое способствовало распространению забастовочного движения. Так, главными причинами смертельного травматизма были субъективные факторы, которые свидетельствовали не только о деградации отрасли, но и о пренебрежении жизнями людей. Шахтеры осознавали тот факт, что они каждый день рискуют своей жизнью ради того, чтобы иметь работу и при этом часто с большими задержками получают деньги, которых не хватает на существование семьи. Следовательно, можно говорить о психологической причине рабочего движения, а именно: неудовлетворенность условиями труда и при этом отсутствие оплаты, которая бы отвечала этим условиям.

Должное внимание к вопросам охраны труда в угольной промышленности стало уделяться только после 1998 г., когда, после ряда крупных аварий одним из главных факторов массовой гибели рабочих был назван недостаточный уровень обеспеченности шахтеров средствами индивидуальной и коллективной защиты. Среди крупнейших аварий этого периода можно назвать взрыв угольной пыли на шахте «Суходольская-Восточная» Луганской области 9 июня 1992 (погибло 63 человека), взрыв метана и угольной пыли на шахте «Славяносербская» Луганской области (30 человек) и конечно взрыв метана и обвал породы на шахте имени А. А. Скочинского в Донецке 4 апреля 1998 г. (погибло 63 человека).

Из-за проблем в угольной отрасли значительно ухудшилось общее экономическое положение, т.к. значительную часть бюджета региона составляли отчисления из угольной и металлургической промышленности, произошло резкое снижение жизненного уровня. Наиболее тяжелыми оказались первые годы независимости. На первый план была выдвинута проблема физического выживания людей. В правительственном постановлении № 715 «О регулировании цен» от 23.12.1992 г. было сказано о повышении минимальной заработной платы до 4600 купонов, но это не могло обеспечить прожиточного минимума наименее социально защищенным категориям населения. На конец 1992 г. за чертой бедности в Украине оказались 58 % населения, уже в январе 1993 г. – 76 % [15, с. 84]. Действия правительства особенно ударили по каждой семье еще и потому, что повышение цен на продукты питания произошло одновременно с многократным ростом тарифов на коммунальные услуги, оплату жилья, электроэнергии, проезд в транспорте. Акции протеста против роста цен состоялись в начале 1993 г. во многих городах Украины. Повторялась ситуация, которая уже была в 1991 г. В обоих случаях людьми двигали экономические интересы. В 1991 г. это были вопросы о пенсиях и зарплатах, в 1993 г. – о расценках на произведенную продукцию, регулярность выплаты денег, повышение размеров пенсий и зарплат, их индексация, установление моратория на повышение цен. Обе забастовки были направлены против высших структур государственной власти – Президента и Верховного Совета.

Экономический курс того периода можно определить как постепенно-эволюционные рыночные реформы при сохранении сильного государственного вмешательства в экономику с целью приоритетной защиты производственного сектора и населения. Этот курс фактически провалился. Страна получила вместо стабильности гиперинфляцию и спад производства. На протяжении трех лет (1992-1994 гг.) правительство фактически проводило проинфляционную политику, мотивируя ее стремлением поддержать производство. Делалось это с помощью денежных инъекций – бюджетных дотаций и льготных кредитов отраслям, особенно АПК, неограниченной денежно-кредитной эмиссии. В итоге нарастал бюджетный дефицит, поднимались цены катастрофически падали реальные доходы населения. В 1992 году дефицит бюджета в Украине составлял 12,2 % от ВВП; в 1993 г. – 6,5 %; в 1994 г. – 9,5 % ВВП. Доля денежной эмиссии в покрытии расходов бюджета превышала в 1992 г. 27 %, в 1993 г. – 14 %, в 1994 г. – 18 %. Потребительские цены в 1992 г. выросли в 33,5 раза, в 1993 г. – в 47 раз, в 1994 г. – в 14,4 раза. Реальная зарплата при таком росте цен в 1994 г. не достигала и трети от уровня 1990 г. [6, с. 45].

При таком общем положении угольная промышленность должна была пройти через ряд изменений, чтобы выжить. Реформирование угольной отрасли в 1993 году началось Постановлением «О государственной поддержке предприятий и организаций угольной промышленности» [8], а 21 января 1993 г. вышел Декрет Кабинета Министров Л. Д. Кучмы «Об объединении предприятий угольной промышленности» [3]. Своим постановлением правительство освободило в 1993 г. угольные предприятия и организации от уплаты налога на прибыль. Средства отчислялись в отраслевой фонд финансового регулирования. Поручено предусмотреть в проекте государственного бюджета ассигнования для компенсации в январе-феврале 1993 г. производственных расходов угольной отрасли (кроме фонда потребления), непосредственно связанных с подорожанием сырья, материалов, оборудования и других материальных ресурсов, в сумме 66,4 млрд. рублей. Также было намечено ввести, начиная с 1993 г., механизм рентного регулирования цен на уголь и угольную продукцию с учетом горно-геологических и технических условий предприятий отрасли.

Декрет Кабинета Министров «Об объединении предприятий угольной промышленности» установил, какие государственные предприятия, подчиняющиеся Государственному Комитету Украины по угольной промышленности, будут входить в состав создающихся производственных объединений (комбинатов, трестов), какие реорганизуются и ликвидируются данным Комитетом по согласию антимонопольного комитета Украины и могут выйти из состава объединений только с согласия этого Комитета. Все остальные государственные и негосударственные предприятия угледобывающей

отрасли создавали объединение в соответствии со статьей Закона «О предпринимательстве в Украине» [4].

Следующим шагом правительства было решение в 1995 г. поднять цену украинского угля до мировой. Это было сделано для того, чтобы избавить государственный бюджет от бремени дотаций. Решение простое, но, как показала практика, в корне неправильное. В итоге – выручка от реализации угля шахтами покрывала их полные затраты на 30 %, максимум 50-70 %. Был нанесен удар по металлургии и энергетике [13, с. 24].

В сентябре 1996 г. была обнародована «Программа деятельности Кабинета Министров», в которой утверждалось, что «с начала 1996 г. был принят ряд мер, направленных на стабилизацию работы угольной отрасли, реструктуризацию и развитие энергетики» [9]. То, что «ряд мер» не приобрел нужного влияния на отрасль, доказало лето 1996 г., когда в Донбассе снова начались забастовки и государство потеряло триллионы рублей. Шахтеры выходили на площади с требованиями выплаты задолженности по зарплате, которая достигала 5-6 месяцев. Отрасль приходила в упадок, люди оставались без работы и средств существования, росла социальная напряженность. На конец 1998 г. в промышленном Донбассе отмечался самый высокий уровень бедности – на 7% выше, чем в среднем по Украине [13, с. 25].

Незавершенность структурных реформ негативно сказалась на устойчивости системы государственного управления отраслью. В частности, в течение 9 лет (1991-1999 гг.) трижды менялся статус центрального органа исполнительной власти, в сферу управления которого входила угольная промышленность, в конце концов он был снижен с уровня профильного министерства в департамент в составе Министерства топлива и энергетики Украины. При этом сменились шесть руководителей отрасли в ранге министерства или главы другой структуры, в управление которой передавалась угольная промышленность. Отрасль возглавляли: М. Сургай (1987-1994 гг.); В. Полтавец (1994-1995 гг.); С. Поляков (1995-1996 гг.); Ю. Русанцов (1996-1997 гг.); С. Янко (1997-1998 гг.); С. Тулуб (1998-2000 гг.). Частые изменения статуса центрального органа управления, высокая текучесть руководящих кадров свидетельствовали об отсутствии стратегического видения места и перспектив угольной отрасли в экономике страны. Кроме того, это обусловило отсутствие наследственности в управлении отраслью, снижение уровня ответственности ее высшего руководства и негативно сказалось на управляемости отрасли.

Таким образом, можем сделать вывод, что среди главных причин развития забастовочного движения в Украине в 1992-1999 гг. были:

- общие трудности трансформации административно-командной экономики в рыночную;
- разрыв экономических связей со странами СССР в начале 90-х годов;

- нерешенные с советских времен проблемы угольной отрасли (изношенность основных фондов угольной отрасли; низкая производительность шахт; сокращение объемов капитального строительства; постепенное сворачивание угледобычи в Украине; недостаточные объемы капитальных вложений);

- появление на фоне нерешенных проблем новых, как то: задолженность по зарплате и различных формах выплат; отток квалифицированных кадров; высокий уровень травматизма;

- неразумные действия правительства по реформированию и реструктуризации угольной отрасли;

- постоянные повышения цен и инфляция без надлежащего механизма социальной защиты населения;

- общая социальная напряженность в шахтерских городах, связанная с закрытием шахт.

Следовательно, распространение забастовочного движения шахтеров при наличии нерешенных социально-экономических, политических и психологических предпосылок и появлении на их фоне новых проблем было закономерным и неизбежным в условиях становления нового государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурносков, В. Ф. Соціально-економічне становище та політичне життя в Донбасі (1989-1994 рр.). – Донецьк: ДонДУ, 1995. – 98 с.
2. Виноградова, С. С чем едят независимость // Ветеран. – 1993. – № 5. – С. 12.
3. Декрет Кабінету Міністрів Л. Д. Кучми «Про об'єднання підприємств вугільної промисловості» // Голос України. – 1993. – 2 лютого. – С. 1
4. Закон «Про підприємництво в Україні» // Голос України. – 1993. – 5 лютого. – С. 3.
5. Лях, Л. У донецких художников случилось дежавю? // Город. – 2004. – 26 ноября. – С. 9.
6. Международная Ассоциация Журналистов АСМО-пресс // Альманах «Восточная Европа: путь в мировой рынок». – М: АСМО-пресс, 1998. – 145 с.
7. Не думайте о ценах свысока // Наша газета. – 1993. – 9 января. – С. 2.
8. Постанова «Про державну підтримку підприємств і організацій вугільної промисловості» // Голос України. – 1993. – 15 січня. – С. 1
9. Програма діяльності Кабінету Міністрів // Урядовий кур'єр. – 1996. – 12 вересня. – С. 1 – 2.
10. Романчук, А. СУОП на підприємстві // Охорона праці. – 2001. – № 5. – С. 11 – 12
11. Русначенко, А. М. Пробудження. Робітничий рух на Україні в 1989. – 1993 рр. – К.: КМ Академія, 1995. – 266 с.

12. Саржан, А. О. Социально-экономические и политические процессы в Донбассе (1945-1998 гг.): Монография. – Донецк: Сталкер, 1998. – 300 с.
13. Толстенко, О. А. Жить в Украине – верить в неё, – Донецк: Донеччина, 1998. – 180 с.
14. Центр Разумкова. Вугільна промисловість України: стан і тенденції на фоні реструктуризації // Національна безпека і оборона. – 2003. – № 8. – С. 8-15\
15. Щербань, В. П. Как нам жить дальше.... – Мариуполь: ЛТД Сов-Пак Посейдон, 1994. – 342 с.

АННОТАЦИЯ

Величко В.В., Рочняк Е. В. Причины забастовок шахтеров Донбасса после провозглашения независимости Украины

В статье проанализированы основные причины забастовочного движения шахтеров Донбасса в 1992-1999 гг. Автор приходит к выводу, что следует говорить о целом комплексе нерешенных социально-экономических, политических и психологических проблем, которые и стали предпосылками для развития мощного стачечного движения в указанный период.

Ключевые слова: забастовка шахтеров, забастовочное движение, шахтеры Донбасса

SUMMARY

Velichko V.V., Rochnyak E.V. The reasons of miners strikes in Donbass after the declaration of ukrainian independence.

The article analyzes the main reasons for the strike movement of Donbass miners in 1992-1999. The author comes to the conclusion that it should be spoken about an entire complex of unsolved socio-economic, political and psychological problems, which became the prerequisites for the development of a powerful strike movement in this historical period.

Keywords: strike of miners, strike movement, miners of Donbass

*Сергей Юрьевич Вельгуцкий,
г. Горловка, ДНР*

*Елена Владимировна Рочняк,
г. Горловка, ДНР*

УДК: 94(470) 081

КРУШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА

Изучение истории Первой мировой войны и участия в ней донского казачества, сопровождалось вполне определенными оценками, в

которых советские идеологические штампы порой довели над здравым смыслом. Война непременно «привязывалась» к последующей революции, и выступала как непосредственная ее предпосылка, свидетельствующая о глубине назревших империалистических противоречий, требующих своего безотлагательного и радикального разрешения. Война России была навязана в определенной мере геополитическим раскладом исторического времени.

В отечественной и зарубежной исторической науке обобщающих работ, посвященных донским казакам в Первой мировой войне, нет. В 20-30-е годы XX века отдельные вопросы участия донских казаков в Первой мировой войне рассматривались прежде всего в эмигрантской научной литературе, вышедшей за рубежом.

В частности, А.А. Гордеев в 4-ом томе «Истории казаков» значительное место отвел описанию Великой войны 1914-1918 гг. Непосредственно участию в этой войне донского казачества, в данном исследовании посвящены четыре сюжета, имеющие важное историографическое значение. Автор первым поставил вопрос о стратегическом предназначении казачьей конницы в условиях крупномасштабных боевых действиях, описав опыт создания конной армии с привлечением казачьих частей [3, с. 743].

Многочисленные примеры участия донских казачьих частей в военных операциях русской армии в годы войны приводит А. А. Керсновский в 3-4 томах «Истории русской армии» [6, с. 257-259; 7, с. 189-193].

В советской историографии проблема донского казачества была достаточно актуальной. Однако военная история донских казаков, за исключением участия их в Отечественной войне 1812 г, вплоть до 70-х годов, как это видно из историографических работ А.П. Пронштейна и К.А. Хмелевского, практически не изучалась [10; 15].

Начиная с 70-х годов прошлого века, в рамках марксистской методологии, советским историкам удалось создать целый ряд оригинальных, основанных на широкой источниковой базе работ, в том числе и обобщающего характера, в которых рассматриваются разнообразные военные сюжеты донской истории. В первую очередь следует выделить коллективную монографию, вышедшую в 1973 году «Сыны Донских степей», подготовленную группой ученых Ростовского университета, совместно с коллегами из Донецкого университета. Авторы этого исследования подчеркивали, что «славные боевые дела донских казаков вошли яркой страницей в летопись военного прошлого России» [13].

Однако, реконструировав участие донских казаков в войнах России XVI-XX вв., они, как и их предшественники, обошли проблему участия донского казачества в Первой мировой войне. По всей видимости это объясняется методологической заданностью, ориентировавшей ученых

на изучение данной темы лишь как пролога Великого Октября, и тем априорным суждениям, что казачья конница в Первой мировой войне не могла играть существенной роли, и поэтому донские казаки несли, в основном, внутреннюю службу. Подобное суждение подкреплялось ссылками на сильную распыленность казачьих сотен по военным гарнизонам России, и идеологическую заангажированность участия казаков в подавлении антиправительственных выступлений 1905 и 1917 годов.

Интерес к проблеме участия донского казачества в Первой мировой войне наметился в исследованиях В. А. Золотова, который на основе архивных материалов первым в советской историографии актуализировал эту проблему. Описывая Дон в период Первой мировой войны, он рассмотрел некоторые вопросы участия в ней донских казаков [5, с. 214-225].

Автор предпринял попытку установить численность донских казачьих частей на фронтах войны в целом, и, в частности, казачьей конницы. По его подсчетам, в Первую мировую войну донское казачество выставило на фронт более 100 тысяч казаков. При этом он полагал, что численность казачьей конницы составляла одну четвертую часть всей русской кавалерии. Казачьи воинские подразделения, по словам В. А. Золотова, отличалось высокой боевой выучкой и выносливостью. Они принимали участие во всех важнейших операциях [там же, с. 214-225]. Остановливаясь на характеристике отдельных операций русской армии, автор приводит данные об участии донских казачьих полков и отдельных сотен в этих операциях. Большое внимание он уделяет русской коннице из казачьих частей, которая показала полнейшее превосходство над конницей противника. Он пишет, что «ужас и паника охватывала неприятеля при мчащейся казачьей лаве» [там же, с. 214-225]. В результате, за все время войны ни венгерская, ни германская кавалерия, даже в превосходящих силах, не решилась не только атаковать казаков, но даже принять их атаку. Автор особо отмечает тот факт, что донское казачество получило за боевые заслуги в войне 40 тысяч орденов и медалей [там же, с. 214-225].

В начале войны, в первых числах августа 1914 года, активно действующая конница имела непрерывные стычки с противником по всему фронту. Именно к этому времени относится знаменитый боевой эпизод, буквально потрясший всю Россию. 30 июля 1914 года, казачий разъезд 6-ой сотни 3-го Донского казачьего Ермака Тимофеева полка, в составе приказного К. Ф. Крюкова, казаков В. А. Астахова, И. Н. Щегольнова (ст. Усть-Хоперской) и П. П. Иванкова (ст. Вешенской) наголову разгромил германский кавалерийский взвод, численностью 37 человек. В завязавшейся рукопашной схватке, приказной Козьма Крюков лично уничтожил 11 вражеских солдат, но и сам получил в ожесточенном бою 16 ран. Он стал первым российским

воином, которому заслуженно пожаловали Георгиевский крест 4-й степени в годы войны. Этот донской казак буквально в считанные дни превратился в подлинного национального героя [там же, с. 248].

Казачьи части не только прекрасно исполняли роль боевой завесы, но и активно работали в тылу противника. Так, казаки 10-го Донского казачьего Генерала Луковина полка, 1 августа 1914 года, у города Любича смело выбили неприятеля из железнодорожной станции, предусмотрительно взорвали железнодорожный мост и полностью уничтожили станционные постройки, основательно затруднив дальнейшее продвижение вражеских войск [11, с. 155].

Примеры истинного служения Отечеству, образцы честного исполнения воинского долга являли собою донские казачьи части, мужественно дравшиеся в составе окруженных соединений 2-ой Русской армии генерала Самсонова в августе 1914 года. Потеряв всякое руководство подчиненными войсками, командующий 2-ой Русской армией генерал А.В. Самсонов вместе со своим штабом спешно выехал в расположение штаба 15 корпуса, в местечко Нодрау, откуда все-таки предпринял отчаянную попытку выйти из немецкого окружения. К сожалению, она закончилась неудачно, а находившаяся на самом острие атаки конвойная Донская казачья сотня полностью героически погибла, стремясь прорвать плотное кольцо немецких войск.

В ночь на 17 (30) августа 1914 года, как настоящий русский офицер, генерал А.В. Самсонов застрелился у фермы Каролиненгоф (вблизи Вилленберга). После его смерти командование армией принял на себя командир 13 армейского корпуса генерал Н.А. Клюев, и отдал приказ всем частям прекратить сопротивление и сдаваться в плен, при этом и сам со своим штабом сдался в плен. Однако, входившие в состав корпуса казаки 40-го Донского казачьего полка, отказались выполнить приказ о сдаче в плен, и стали пробиваться сквозь вражеское кольцо. Донцы, совместно с тремя пехотными полками, успешно прорвали кольцо немецких войск у Валендорфа, но понесли при этом большие потери. Донской казачий полк потерял отважного командира полка – полковника С.Г. Пушкарева. Спасая полковое знамя, заботливо спрятав его на груди, без всяких запасов пищи, без карты и ориентирующего компаса, на четвертые сутки казаки вышли в расположение русских войск в районе г. Прасныш (примерно 77 км севернее Варшавы). В декабре 1914 года полк был сформирован заново [там же, с. 189-201].

В то время, когда происходили описанные выше события в Восточной Пруссии, русская армия разгромила четыре австро-венгерских армии на полях Галиции. Неоценимый вклад в разгром австро-венгров внесло донское казачество. Поражение войск Австро-Венгрии в Галицийской битве поставило их почти на грань полной катастрофы, и если бы германское командование не перетянуло свои войска с Западного фронта, Австро-Венгрия вынуждена была бы капитулировать еще в 1914 году.

На рубеже 1914-1915 годов военная активность противоборствующих сторон заметно снижается. К середине декабря 1914 года фронт стабилизировался на левом берегу Вислы. Боевые действия постепенно начинают принимать позиционный характер. В этой связи, ряд донских полков последовательно спешивается, и казаки занимают позиции в окопах, или отводятся в тыл для пополнения. Таким образом, очевидно, что военная кампания 1914 года была выиграна русской армией. Боевые действия донского казачества, вне всякого сомнения, помогли русским войскам нанести ряд серьезных ударов по противнику, в результате чего стратегический план Германии по ведению «молниеносной» войны (план Шлиффена) удалось окончательно похоронить. Однако Германия была еще очень сильна, а немецкое командование уже стратегически решило главные усилия в 1915 году предпринять на Восточном фронте с целью разгрома русской армии и вывода России из войны.

Отразив январское наступление в Карпатах, войска Юго-Западного фронта перешли в контрнаступление. В авангарде шли казачьи части. В ожесточенных боях в марте 1915 года казаками 1-ой Донской казачьей дивизии была наголову разбита 42-ая венгерская пехотная дивизия, обходившая левый фронт Юго-Западного фронта. В ходе непрерывных боев донские казаки и офицеры проявили подлинное мужество, показали образцы героизма, хорошую боевую выучку и военную смекалку [12, с. 20].

К весне 1915 года соотношение сил на Восточном фронте изменилось в пользу австро-германского блока. В России уже отчетливо обозначилась угроза катастрофы в боевом снабжении армии. Превосходство врага к началу летних операций 1915 года стало подавляющим. Усиливая и без того значительное преимущество в традиционных видах оружия, германское командование в мае 1915 года впервые применило на русском фронте отравляющие вещества. Этому страшному испытанию подверглись и донские казаки. 45-й Донской казачий полк, занявший спешными рядами окопы на участке 14-й Сибирской стрелковой дивизии, полностью погиб во время первой газовой атаки у Боржимова [2, с. 135].

Уже в период наступления германо-австрийских войск, русское командование нередко и очень успешно применяло партизанские действия конных отрядов, специально сформированных из кавалерийских частей. Для целенаправленного руководства новыми воинскими подразделениями к концу августа 1915 года централизованно продумали и разработали «Наставление для организации партизанских отрядов», и в октябре, при Ставке, создали Штаб Походного Атамана Казачьих войск великого князя, генерал-майора Бориса Владимировича Романова, который лично принял участие в формировании партизанских отрядов [там же, с. 148].

Всего же в 1916 году на русско-германо-австрийском фронте активно выполняли оперативно-тактические задания русского командования

53 отряда, из них – 13 донских, то есть изначально сформированных исключительно на базе донских казачьих частей. Помимо этого, донские казаки входили во все отряды, созданные командованием при обычных кавалерийских частях.

В ходе военных действий на всех фронтах войны донские казачьи части обнаружили наибольшую степень надежности и мобильности, а сами казаки – высокий боевой дух и воинскую выучку [там же, с. 179].

Однако, за годы Первой мировой войны усилились межсословные противоречия в Области Войска Донского. Казачьи хозяйства приходили в упадок, сложилась многослойная структура населения, чему послужила крестьянская реформа 1861 года и приток на Дон иногородних крестьян, а в 1880-1890-х годах – и рабочих из других губерний России, привлекаемых наличием свободных земель, относительно низкой арендной платы за них и сравнительно высокой оплатой труда в промышленности. Имел место и выход казаков из своего сословия, связанный либо с обнищанием, либо с желанием изменить сословную принадлежность, избавившись от тягот обязательной военной службы. Фронтное казачество за годы войны стало лучше разбираться в политических вопросах под влиянием пропаганды эсеров, социал-демократов, народных социалистов. Поэтому основная часть фронтового казачества достаточно нейтрально отнеслась к отречению Николая II, и приняла Февральскую революцию, поддержав Временное правительство. С 23 по 29 марта 1917 года, в Петрограде, прошел общеказачий съезд (300 делегатов от 11 войск), на котором был создан Временный совет «Союза казачьих войск», ставившей целью сплотить все казачество, и отстаивать его права и интересы в условиях новой власти. Эти функции решила взять на себя атаманско-офицерская верхушка, тяготеющая в своих политических симпатиях к кадетам [4].

После Февральского переворота, в 1917 году был избран войсковым атаманом боевой казачий генерал от кавалерии А.М. Каледин, возглавлявший Войсковое правительство, Войсковой Круг. Он выступал за защиту и сохранение всех основных привилегий казачества, в первую очередь войскового и юртового, а также их землевладения. В ситуации углубляющегося кризиса, казачество, особенно его верхушка, поддерживали идею сильной власти, не исключавшей и военной диктатуры. Так, атаман Каледин в августе 1917 года пытался открыто поддерживать выступления генерала Корнилова. После Октябрьского переворота, в Петрограде, и провозглашения Советской власти, донской атаман Каледин заявил о непризнании СНК во главе с Лениным, и о принятии Войсковым правительством на себя всей полноты власти, вплоть до созыва Учредительного собрания [1].

Совет Народных Комиссаров объявил Дон мятежной провинцией, а лидеров мятежа поставил вне закона. С начала января 1918 года начались колебания среди фронтового казачества, и 15 полков было

отозвано с фронта на Дон. Именно на них делал свою ставку Каледин. Однако казаки-фронтовики, в основной своей массе, представляли средняцкую часть казачества, и вернувшись на Дон не решились выступать с оружием в руках как против «своих» верхов, так и против иногородних, с которыми их связывали узы фронтового братства. Эта ситуация порождала определенную психологию фронтового казачества, нашедшую свое выражение в политике нейтралитета: «Мы не большевики и не кадеты, мы нейтралитеты» – говорили казаки [там же].

В этот период новая Советская власть проводила гибкую политику по отношению к различным слоям казачества, оценивая его как замкнутую, привилегированную часть русского общества, сохранившего множество феодальных пережитков. Пытаясь внести раскол между казачьей верхушкой и массой рядового казачества, нейтрализовать его военную силу, правительство приняло целый ряд декретов и постановлений, которые привели к отказу основной части казачества выступать против Советской власти на этом этапе.

Эти декреты о ликвидации сословий, об отмене обязательной воинской повинности, об обмундировании за счет государства. При этом всячески подчеркивалась близость интересов рабочих, крестьян и рядового казачества. Было обещано решить сложный аграрный вопрос при обязательном участии и с ведома казачества. Был создан и стал активно действовать казачий комитет при ВЦИК Советов. После съезда фронтового казачества в станице Каменской и отказа основной части фронтовиков воевать с отрядами Красной гвардии, подошедшими из центра к Дону, кризис Войскового правительства усилился [там же].

Исчерпав все доводы в попытках проводить свой особый «казачий путь» в революции, атаман Каледин сложил с себя полномочия и 29 января 1918 года застрелился. После первых серьезных боев, дислоцировавшаяся на Дону Добровольческая армия во главе с генералом Корниловым, ушла на Кубань. 23 и 24 февраля 1918 года были заняты города Ростов и Новочеркасск, и началась подготовка к выборам на областной съезд Советов [8, с. 7]. Казачеству стала навязываться новая форма власти и самоуправления, которая для многих была еще не знакома и непонятна. Однако, учитывая сложную стратегическую обстановку, наступление немецкой армии с Украины к границам области и устойчивый интерес части казачества к автономии, первый съезд Советов Дона (9-12 апреля 1918 г.) провозгласил область Донской Советской Республикой во главе с Донским ВЦИКом и СНК, который возглавили казаки-демократы М. Кривошлыков и Ф. Подтелков [там же, с. 14].

Однако Донская Советская Республика просуществовала недолго, ибо положение в области было крайне нестабильным. Острота и промедление в решении аграрного вопроса приводили к попыткам

малоземельной массы иногороднего крестьянства разрешить его «явочным» порядком, путем уравнительного передела земель в ходе начавшихся весенних полевых работ. Но при этом требовали передела не только бывших помещичьих и войсковых запасных земель, а и станичных юртов, с чем рядовое казачество не могло и не хотело мириться [16, с. 5-6]. Это вело к обострению межсословных противоречий в крае, новым вспышкам гражданской войны. Используя сложную военно-стратегическую и внутреннюю обстановку в области, казачий генерал Краснов, опираясь на помощь Германии и используя волнения в казачьих округах, уже в мае 1918 года сверг Советскую власть и развернул репрессии, переломив нейтралитетные настроения казачества.

11 мая 1918 года собрание представителей донских войсковых частей, изгнавши большевиков, провозгласило себя «Кругом спасения Дона» [9]. 16 мая Круг принял на себя всю полноту верховной власти, создав тем самым и фактически, и юридически новое государственное образование «Всевеликое Войско Донское», атаманов которого был избран П. Н. Краснов. 17 мая Круг утвердил «Основные законы Всевеликого Войска Донского». Однако организовать на основе этих законов широкого государственного народного представительства так и не удалось. Круг стал органом политической власти казачьих верхов и близких к ним кругов иногородней буржуазии и зажиточного крестьянства, объединившихся на общей платформе антисоветского сепаратизма [там же].

Вновь возникла возможность объединения всех антисоветских сил на Юге России в так называемый Юго-Восточный союз. Но его окончательное образование, как шаг на пути к будущей «единой и неделимой России», сдерживался непрекращающимся соперничеством между командующим Добровольческой армии генералом А. И. Деникиным и Донским атаманом Красновым, делавшим ставку на поддержку Германии, и подключении к будущему союзу Украины и Белоруссии. Командование Добровольческой армии, находясь в Екатеринбурге, всячески препятствовало взаимодействию Краснова с Кубанским и Астраханским казачьими правительствами, что заводило решение вопроса в тупик [там же].

Затянувшиеся военные действия на Южном фронте, склоки правителей, привели к новым колебаниям в казачьей среде. Казаки под напором просоветской агитации, устав от войны, стали бросать фронт и целыми частями сдаваться Красной Армии. Но предыдущие события, частые колебания казачества в сторону контрреволюции, усилили недоверие среди большевиков ко всему казачеству. Идея искоренения «Русской Вандеи» на Дону, разделявшаяся Свердловым, Троцким, Сталиным, Сырцовым привели к реализации политики расказачивания [14, с. 24-29]. Было решено провести «красный террор» по отношению

ко всему казачеству, о чем давались четкие инструкции в особом циркулярном письме ЦК РКП(б) от 24 января 1919 года. Казачество должно было быть принесено в жертву российской и мировой революциям [там же].

Эта политика стала трагедией для целого народа с его уникальной и сложной историей. Сегодня она расценивается как преступный геноцид казачества (массовые казни, переселения, эмиграция, расчленение казачьих территорий). Даже само слово «казак» хотели вытравить из обихода. [там же, с. 36-39]. Естественно, что возмущенное казачество ответило новой партизанской войной, известной как «Вешенское восстание», но, по сути, глобально изменить ситуацию уже не смогло.

ЛИТЕРАТУРА

1. Байбурин, Р. Калединщина на Дону / Р. Байбурин [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://proza.ru/2017/11/05/1434> (просмотр страницы 02.11.2020)
2. Воскобойников, Г. П. Казачество в Первой мировой войне 1914 – 1918 гг. – М., 1994. – 174 с.
3. Гордеев, А. А. История казачества – М. : Вече, 2006. – 635 с.
4. Донские областные ведомости – 1915 г. – № 178 от 6 августа [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://www.donvrem.dspl.ru/archPeriodikaArtText.asp> (просмотр страницы 17.10.2020)
5. История Дона (эпоха капитализма) / Под ред. В. А. Золотова. – Ростов н/Д : Изд-во Ростовского университета, 1974. – 296 с.
6. Керсновский, А. А. История русской армии : в 4-х томах / [коммент. С. Нелиповича]. – Т. 3: 1881-1915 гг. – М : Голос, 1992. – 348 с.
7. Керсновский, А. А. История русской армии : в 4-х томах / [коммент. С. Нелиповича]. – Т. 4: 1915-1917 гг. – М : Голос, 1992. – 362 с.
8. Кириенко, Ю. К. Революция и донское казачество (февр. - окт. 1917 г.) / Отв. ред. А. И. Козлов; Сев.-Кавк. науч. центр высш. шк. – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1988. – 249 с.
9. Краснов, П. Н. Всевеликое войско донское [Электронный ресурс] – Режим доступа : <https://www.litmir.me/br/?b=114265&p=1> (просмотр страницы 02.10.2020)
10. Пронштейн, А. П. Земля Донская в XVIII веке – Ростов н/Д : Изд-во Рост. ун-та, 1961. – 375 с.
11. Ростунов, И. И. Русский фронт первой мировой войны – М. : Наука, 1976. – 387 с.
12. Рыжкова, Н. В. Донское казачество в войнах начала XX века – М. : Лит Мир, 2004. – 444 с.
13. Сыны донских степей / [Науч. ред. д-р ист. наук, проф. В. А. Золотов]. – Ростов н/Д : Кн. изд-во, 1973. – 192 с.
14. Трут, В. П. Трагедия расказачивания (к событиям весны 1919 года на Верхнем Дону) // Донской временник. – 2004. – С. 24-39.

15. Хмелевский, К. А. История донского края : учебное пособие для учащихся 9 - 10-х классов средней школы / Е. И. Демешина, К. А. Хмелевский – Ростов-на-Дону: Ростовское книжное издательство, 1983. – 112 с.
16. Шишкина, Д. Ю. Землевладение и землепользование Донского казачества: исторические и геоэкологические аспекты // Научная мысль Кавказа. – 2007. – №2 (50). – С. 61-67.

АННОТАЦИЯ

Вильгуцкий С.Ю., Рочняк Е. В. Крушение российской империи и трагедия казачества

В статье проанализированы основные события Первой мировой войны и Великой Октябрьской революции, ставшие основанием для исчезновения донского казачества. Автор приводит и анализирует факты, не имеющие широкого освещения на страницах современных российских исторических исследований.

Ключевые слова: история казачества, донское казачество, Всеволокное войско донское, Области Войска Донского, Донская Советская Республика, Первая мировая война, Великая Октябрьская революция, рассказывание, «красный террор»

SUMMARY

Vilgutsky S.Yu., Rochnyak E. V. The collapse of the Russian Empire and the tragedy of the Cossacks

The article analyzes the main events of the First World War and the Great October Revolution, which became the basis for the disappearance of the Don Cossacks. The author cites and analyzes facts that are not widely covered on the pages of modern Russian historical research.

Keywords: history of the Cossacks, Don Cossacks, All-Great Don Army, Regions of the Don Army, Don Soviet Republic, First World War, e Great October Revolution, storytelling, «red terror»

*Александра Сергеевна Войцыховская,
г. Горловка, ДНР*

*Ирина Александровна Навка,
г. Горловка, ДНР*

УДК: 94(470) (091) «1921/1924»

**ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ И МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ В 1921-1924 ГГ.**

Переход к мирному строительству в СССР оказался более сложным и трудным, чем виделось руководству партии и страны по окончании Гражданской войны. В ЦК партии и Совнарком полагали, что победив

с помощью методов «военного коммунизма» в Гражданской войне, можно было этими же методами восстановить и народное хозяйство в мирный период. Явной переоценкой реальных возможностей страны стали решения VIII съезда Советов в декабре 1920 г., наметившего восстановление крупной промышленности (на 1921 г. планировалось почти двойное увеличение производства) и даже доведение ее до уровня новейшей техники к весне 1921 года привычными методами тотального государственного принуждения [13, с. 146-147]

Переход к НЭПу первоначально изменил очередность плана восстановления отраслей народного хозяйства. Горький опыт кризиса начала 1921 г. вынудил правительство пойти на пересмотр программ крупной промышленности в направлении развертывания производства предметов широкого потребления. Но это было скорее бумажной декларацией, поскольку уже в декабре 1921 г. IX съезд Советов в постановлении по вопросам новой экономической политики в очередной раз провозгласил восстановление крупной промышленности основной задачей наряду с восстановлением сельского хозяйства. Причем основные усилия предполагалось сосредоточить на топливдобывающей промышленности и металлургии [там же, с.186-187].

Подобные приоритеты в значительной степени определяли конкретные формы и темпы трансформации хозяйственной системы и механизма управления 1920-х годов. Тогда как программа производства предметов широкого потребления была переложена на среднюю и мелкую промышленность. 17 мая 1921 г., в рамках «поэтапного углубления нэпа» Совнарком приостановил национализацию мелкой и средней промышленности, а декретом от 7 июля разрешил создание частных предприятий с числом рабочих не более 20 человек [3, с. 240].

Но вряд ли можно говорить о сколько-нибудь широкой денационализации на фоне не прекращающегося процесса укрепления госсектора. Так, ВЦИК декретом от 27 октября 1921 г. подтвердил всю национализацию промышленности, проведенную до 17 мая. В результате этих мер в первой половине 20-х годов удельный вес госсектора в промышленности медленно, но неуклонно рос: с 88% в 1920 г. до 89,4% (а в крупной индустрии – на 99%) в 1924/25 г. [4, с. 5]

С самого начала работа по обобщению первого опыта формирования основ хозяйственного механизма контролировалась специальной комиссией ЦК РКП(б) и СНК под председательством Л. Б. Каменева. А на X съезде партии (март 1921 г.) была создана и финансовая комиссия под председательством Е.А. Преображенского, цель которой состояла в приспособлении к новым условиям кредитной политики, денежного обращения, бюджетного дела и налогового законодательства.

С первых шагов нэпа в идеологию и практику партии закладывались представления о том, что нэп – кратковременный этап переходного периода от капитализма к социализму. Соединение же в лице

пролетарского государства функций собственника средств производства и хозяйствующего субъекта рассматривалось как коренная черта социализма. Резолюция XII съезда партии «О промышленности» подтвердила, что переход к нэпу не вносит принципиальных изменений государственную идеологию [6, с. 61]. Либерализация централизованной плановой экономической системы, сложившейся в 1918-20 гг., была связана лишь с частичной легализацией рыночных отношений, поэтому хозяйственная модель так называемого восстановительного периода имела в своей основе практически полностью огосударствленную промышленность.

Складывающаяся система управления промышленностью была рассчитана на выполнение политических команд власти, а не на удовлетворение потребностей населения. Все многочисленные и часто малоэффективные меры по перестройке управления государственной промышленности отражали общую тенденцию усиления централизма и бюрократизма. Объем национализации требовал соответствующих управленческих структур и методов хозяйствования. Незыблемыми оставались принципы диктатуры пролетариата и ведущей роли рабочего класса, первоочередных забот государства о развитии крупной промышленности и т.п.

Основой экономической политики 1920-х годов стала концепция единого хозяйственного плана восстановления народного хозяйства, принятая раньше, чем были сформированы принципы нэпа. Именно решения IX съезда партии в марте 1920 г. задали общее направление и рамки реорганизации сферы управления промышленностью. Разбитый на периоды хозяйственный план на первое место выдвигал задачу восстановления транспорта, образования запасов топлива и сырья, развития машиностроения для добывающих отраслей, тогда как производству продукции массового потребления отводилось последнее место [9, с. 405].

На деле по отношению к большинству отраслей народного хозяйства хозяйственный план оказывался «спущенным сверху» и никак не зависящим от реальной хозяйственной практики. Электрификация, объявленная основной идеей хозяйственного развития страны и ставшая практической реализацией государственного единого плана, требовала соответствующего обеспечения, прежде всего, подведения материальной базы под крупную индустрию и снабжения последней топливом и железной рудой. Планы развития этих отраслей и составили при переходе к нэпу единый хозяйственный план, из которого были изъяты отраслевые группы «Б» (учитывались только минимально возможные темпы роста текстильной и пищевой промышленности) [7, с. 22].

Несколько предвзято перевод промышленности на хозрасчет, декретом СНК от 22 февраля 1921 г. в целях построения единого хозяйственного плана на базе комиссии ГОЭЛРО была создана

Государственная общеплановая комиссия (Госплан). Так как переход к нэпу не менял содержания единого государственного планирования, изначально, наряду с ростом хозяйственной самостоятельности, предусматривалось укрепление плановых механизмов. Новое положение о Госплане, утвержденное декретом ВЦИК и СНК 8 июня 1922 г., предусматривало создание Бюро по организации исследований, необходимых для осуществления плана государственного хозяйства. А для разработки и увязки общегосударственного хозяйственного плана в отраслевом и территориальном отношении были образованы областные плановые комиссии (облпланы).

Если план электрификации стал практической реализацией государственного единого хозяйственного плана, то отраслевым научным исследованиям и перспективным разработкам отводилась вспомогательная, сугубо практическая роль. Этому были объективные экономические причины (тяжесть экономической ситуации в стране), но решающими были политические аргументы (опора на собственные силы, неприятие заимствования опыта Запада и т. п.).

Однако существовала проблема организационного согласования задач текущего регулирования народного хозяйства и проработки общехозяйственных перспектив. Первым занимался в основном Наркомфин, жестко контролируя бюджет и кредитную систему, а вторая задача легла на плечи Госплана. В первый период своей работы он сосредоточился на составлении отраслевых планов: в 1921 г. был принят ориентировочный план по топливоснабжению и разработан план на 1921/22 г. по трем отраслям (металлургической, резиновой и сахарной). Далее этот процесс шел по нарастающей: на 1922/23 г. Госпланом были утверждены планы уже по 13 отраслям, а на 1923/24 г. – по 19. В совокупности эти планы охватывали 65-70% производства продукции в госпромышленности. [8, с. 568]

Производительные силы страны были расшатаны до основания. Промышленное производство в стране в 1920 г. сократилось по сравнению с 1913 г. в 7 раз: крупная промышленность до 12,8%, а мелкая – до 44,1%. Не хватало самых необходимых предметов – керосина, спичек, мыла, стекла, обуви. В стране стремительно нарастал топливный кризис (запасов топлива оставалось на 3-4 дня). Годные паровозы составляли не более 1/4 довоенного подвижного состава. Особенно сильно за годы войны и революции пострадала тяжелая индустрия: производство чугуна составляло 2,5-3%, добыча железных руд – 1,7%, валовая продукция металлообработки и машиностроения – 7,4% по сравнению с 1913 г. Производительность труда в промышленности к началу НЭПа опустилась до 1/6 довоенных показателей [11, с. 198].

Экономическая разруха повлекла за собой социальную напряженность кризисного характера. Спасаясь от голода, часть рабочих уходила в деревню, деклассировалась, а многие, оставшиеся на производстве,

занимались изготовлением зажигалок, чайников и других предметов домашнего обихода, обменивая их на продовольствие. За годы войны и революции жизненный уровень рабочих снизился примерно в 3 раза (реальная зарплата упала с 1913 г. по 1920 г. с 22 до 8,3 тов. руб.), а численность промышленных и горнозаводских рабочих в конце 1920 г. по сравнению с 1913 г. сократилась наполовину [там же, с. 533].

Негативные социальные процессы, в свою очередь, вели к серьезным и непредсказуемым политическим трудностям. Стремительно нараставший с конца 1920 г., топливный кризис уже в январе 1921 г. привел к остановке движения на ряде железных дорог, к закрытию многих крупных машиностроительных и металлургических заводов. Стали ощущаться перебои с хлебом в Москве и Петрограде. В середине февраля в столице фактически остановилась промышленность, а в конце месяца начались антиправительственные волнения рабочих, К весне забастовки охватили многие города республики. Причины забастовок типичны – плохое продовольственное снабжение и несвоевременная выплата зарплат. Например, в феврале 1921 г. в Камышине рабочие отказались выходить на работу, ввиду того, что три месяца не получали жалованья. Побудительный мотив рабочих выступлений определялся элементарным выживанием. «Заговорил просто пустой желудок рабочего», – в этой короткой фразе из письма в местную газету рабочего-железнодорожника Карева из Саратова метко схвачена суть проблемы [1, с. 28].

Под давлением столь острого кризиса 1921 г. и, в большей степени, 1922 г, прошли в спешной перестройке хозяйства, в которой предпринималась попытка сочетать «высоты коммунизма» с реалиями рынка.

Переход к нэпу вовсе не означал отказа от отраслевого принципа управления производством. Это скорее была попытка реализации горизонтальных связей предприятий по линии хозяйственных районов при сохранении вертикального централизма. Проведенная в конце 1920 г. первая реорганизация центральных органов управления промышленностью привела к сокращению числа главных управлений и центров ВСНХ с 71 до 16. Этот процесс сопровождался и значительным сокращением численности сотрудников разбухшего центрального аппарата: если на 1 января 1921 г. их насчитывалось 27 тыс. чел., то в октябре 1922 г. – до 3800 чел. [12, с. 8] Завершение процесса реорганизации системы главков было декларировано летом 1922 г., но реально процесс перехода к формам и методам рыночного хозяйствования растянулся до 1923 гг.

Возникшая накануне НЭПа тенденция в сторону умеренного централизма, а также ослабление в 1921-1922 гг. вертикальных связей в промышленности натолкнулись на стремление центра усилить систему «сцепок» с местами. Для этого были свои основания и, прежде всего, то, что в изменившихся хозяйственных условиях местные

органы не терпели огульного вмешательства Центра в дела местной промышленности, а требовали, как минимум, согласованности в принятии решений. Пользовались на местах и тем, что нэповский хозяйственный механизм заработал не сразу, а старый – военнo-коммунистический – агонизировал. Например, Царицынский управторг в январе 1922 г. аннулировал наряды Центра на отпуск лесных материалов, причем отказ мотивировался отсутствием таковых. Тогда как чиновники этой организации распродавали лес частным лицам: на Кавказ было отправлено 36 вагонов для частной продажи и заготовлено еще 250 вагонов [1, с. 39].

Решить задачу усиления влияния на органы местного управления была призвана система органов СТО разных уровней – от областных до фабрично-заводских экономических совещаний (экосо). Последняя реорганизация была связана с разграничением в январе 1922 г. компетенции СНК и СТО: в ведении последнего остались только экономические функции (утверждение хозяйственных планов и экономических отчетов наркоматов, руководство отдельными отраслями промышленности). На первых порах нэпа экосо стремились применять испытанные методы давления: жесткое планирование и всевозможные согласования. С середины 1922 г. упор в их деятельности был перенесен на попытки установления контроля над рыночным механизмом, особенно на губернском и областном уровнях. В 1923 г. СТО РСФСР был преобразован в Экономическое совещание (Экосо) РСФСР, и во всех исполкомах советов были созданы экономические совещания для координации работы местных хозяйственных органов.

На противоречивость и неоднозначность («шаг вперед, два шага назад») процесса формирования механизма управления экономикой в начальный период нэпа существенное влияние оказали интеграционные процессы на территории бывшей Российской империи. Переход к мирному строительству способствовал экономическому объединению республик путем усиления централизованного контроля со стороны высших общегосударственных органов. Развитие народного хозяйства всех республик, как единого целого, предусматривали показатели плана ГОЭЛРО. ВСНХ РСФСР в этой системе с 1921 г. превратился в общегосударственный орган, непосредственно управляющий промышленностью через промбюро и совнархозы республик. По смете ВСНХ проходило финансирование промышленности общегосударственного подчинения во всех республиках.

Образование СССР сопровождалось созданием в июле 1923 г. общегосударственных органов управления народным хозяйством: ВСНХ СССР, общесоюзных и союзно-республиканских наркоматов, специальных отраслевых и функциональных комиссий, главных управлений СССР. Принципиальное значение для судеб государственной промышленности имели постановление ЦИК

СССР от 12 ноября 1923 г. «О порядке управления промышленными предприятиями, имеющими общесоюзное значение и находящимися в ведении Высших Советов Народного Хозяйства» и «Положение о ВСНХ СССР». Эти юридические акты предусматривали ограничение прав союзных республик в области управления промышленностью в пользу Союза как целого: в компетенции центра оставалось руководство общесоюзной крупной промышленностью и общее регулирование всей остальной промышленности, в том числе кооперативной и частной. В группу союзных трестов вошли предприятия металлургической, горной, топливной, пищевой, лесной, химической, бумажной, текстильной, электротехнической и кожевенной промышленности, а к ведению совнархозов союзных республик, находившихся в двойном подчинении (ВСНХ СССР и Совнаркома своей республики) были отнесены в основном предприятия легкой и пищевой промышленности. В подчинение губернским органам советской власти перешли средние и мелкие предприятия местного значения [10, Ст. 1039].

Предложенный вариант перехода к рынку выдвигал на первый план изменение форм реализации государственной собственности. Это было сделано путем разделения функций хозяйствования и собственности. Формами такого разделения стали аренда, концессия, трест, государственные акционерные общества (АО), кооперативные объединения (паевые товарищества) и т.п. С другой стороны, законодательством первых лет нэпа аренда, концессии и акционерные общества рассматривались как формы частной промышленности [5, с. 3-4], что заставляло смотреть на них как на средство ограничения частной инициативы.

Процесс концентрации производства шел стихийно – предприятия, снятые с государственного снабжения и оказавшиеся неспособными организовать самозаготовки на основе рыночных операций, были вынуждены сокращать производство или останавливать его. Кроме того, велась целенаправленная работа по сосредоточению ресурсов на наиболее эффективных предприятиях, консервации или сдаче в аренду остальных. Результаты были серьезными. Так, к началу 1923 г. в текстильной промышленности числилось 303 фабрики, в том числе 213 действующих. Было решено оставить за трестами 259 фабрик, из них 177 должны были продолжать работу, 56 подлежали консервации, а 26 ликвидации. В лесной промышленности количество действующих предприятий сокращалось на 32%, а число занятых на них работников – на 21% [2, с. 129].

Широкое партийное вмешательство в экономику приводило к тому, что в руководстве имело место столкновение более прагматичной линии в управлении производством (ВСНХ) с партийной линией: партийное руководство сопротивлялось необходимости закрытия убыточных предприятий тяжелой индустрии, боясь взрыва недовольства

рабочих, но было вынуждено пойти на сокращение промышленного производства путем концентрации в важнейших отраслях и на закрытие ряда предприятий и шахт Донбасса.

Начиная с 1923 г. юридическими актами все определеннее закреплялись возможности вмешательства государства путем планирования в промышленное производство. XII съезд партии в апреле 1923 г., подтвердив основные принципы хозяйствования в условиях нэпа, в то же время отметил активную и господствующую роль государства в хозяйственной жизни страны. Решениями съезда, подчеркнувшего руководящую роль ВСНХ по отношению к трестам, было погашено стремление к трестовской автономии и подтверждено неограниченное право государства распоряжаться свободным от обязательств достоянием трестов. Предел и формы вмешательства государственной власти в текущую работу трестов неопределенно декларировались как «исключительно с точки зрения хозяйственной целесообразности» [6, с. 60]. Решения партийного форума стали отправной вехой в деле укрепления централизованного планирования и администрирования в работе государственных предприятий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, С. В. Нэп: опыт создания многоукладной экономики – М. : Ин-т российской истории РАН; Ин-т молодежи, 1996. – 124 с.
2. Гайдар, Е. Соблазн простых решений // Звезда. – 1990. – № 1. – С. 118-123.
3. Директивы и постановления КПСС и Советского правительства по хозяйственным вопросам. 1917-1957: Сб. докум. – В 3-х тт. – Т.1. – М. : Госиздат, 1957. – 879 с.
4. Еськов, Г. С. XI V съезд ВКП(б). – 2-е изд., доп. – М. : Политиздат, 1986. – 78 с.
5. Законы о частной промышленности : (Промышленность мелкая и кустарная, со включением законодательства о промысловой кооперации) : Сборник декретов, постановлений, разъяснений и инструкций с коммент. / Сост. проф. А. Э. Вормс и С. В. Минц ; Под общ. ред. А. М. Винавера. – М. : Право и жизнь, 1924. – 111 с.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – Т.2. – М. : Политиздат, 1983. – 606 с.
7. План электрификации РСФСР: Доклад VII I съезду Советов Гос. комиссии по электрификации России. – 2-е изд. – М.: Госполитиздат, 1955. – 660 с.
8. Планирование народного хозяйства СССР : Учеб. пособие / Общая ред. Н. В. Цапкина и В. И. Переслегина. – М. : Мысль, 1964. – 414 с.
9. РКП(б). Съезд, 9-й. Москва 1920 г.: Протоколы. – М.: Госполитиздат, 1960. – 650 с.
10. Собрание узаконений РСФСР. – 1923. – № 109-110.

11. Советское народное хозяйство в 1921-1925 гг. / Под ред. А. И. Гладкова. – М. : Изд-во АН СССР, 1960. – 559 с.
12. Структура и состав органов ВСНХ в центре и на местах в 1921 году / Высш. совет нар. хозяйства. Центр. упр. учета и статистики. – М., 1922. – 84 с.
13. Съезды Советов Союза ССР, союзных и автономных Советских социалистических республик: Сб. докум. – В 3-х тт. – Т.1. – М.: Госюриздат, 1959. – 836 с.

АННОТАЦИЯ

Войцеховская А.С. Навка И.А. Приоритеты развития и методы управления советской экономикой в 1921-1924 гг.

Автором предпринята попытка обозначить основные причины перехода от политики «военного коммунизма» к «новой экономической политике». Рассматриваются особенности реализации на практике концепции единого хозяйственного плана восстановления народного хозяйства. Акцентируется внимание на противоречивости и неоднозначности процесса формирования механизма управления экономикой в рассматриваемый период.

Ключевые слова: СССР, НЭП (новая экономическая политика), восстановление народного хозяйства, партийное вмешательство в экономику, X съезд РКП(б)

SUMMARY

Voitsekhovskaya A.S. Navka I.A. Development priorities and management methods of the Soviet economy in 1921-1924.

The author attempts to identify the main reasons for the transition from the policy of «war communism» to the «new economic policy». The features of the implementation in practice of the concept of a unified economic plan for the restoration of the national economy are considered. Attention is focused on the inconsistency and ambiguity of the process of forming the mechanism of economic management in the period under review.

Keywords: USSR, NEP (new economic policy), restoration of the national economy, party intervention in the economy, X Congress of the RCP(b)

УДК 338.242.4
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ
ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ
В КНР

Государство является основой любого общества, играет ведущую роль и оказывает влияние на все без исключения сферы жизнедеятельности человека, в том числе и на экономику. В этой связи научный и практический интерес представляет анализ эволюции государственного регулирования экономики в Китайской Народной Республике. Актуальность темы исследования определяется возросшей ролью экономики Китая в современной системе мирохозяйственных связей, что было обусловлено, в первую очередь, стабильными и высокими темпами экономического роста страны на протяжении последних четырех десятилетий. Вместе с тем, уникальность модели социально-экономического развития Китая заключается в том, что развитие экономики страны в последние годы происходило на основе использования комбинации механизмов государственного планирования и рыночного регулирования. Поэтому рассмотрение и анализ методов и инструментов государственного регулирования китайской экономики в историческом развитии является целесообразным в связи с возможностью их использования при разработке стратегических планов и программ развития отечественной экономики.

В последние годы в исторической и экономической науках было проведено ряд исследований, посвященных, как анализу основных тенденций социально-экономического развития Китая, так и изучению его опыта государственного регулирования. В числе исследований последних лет – работы китайских экономистов Линь Го [5], Дин Жуджуня [8], Ван Сяо Чуня [2] и др., а также ученых из общепризнанных центров научной китаистики, таких, как Институт востоковедения РАН, Институт Дальнего Востока РАН и др. В частности, указанные проблемы рассматриваются в работах Я. М. Бергера [1], А. В. Виноградова [3], В. В. Карлусова [6], М. М. Ковалева [8], А.П. Кудина [6], Е. И. Максимовой [7], В. В. Новика [8] и др.

Однако, несмотря на столь пристальное внимание к данной проблеме, очевидным представляется все еще имеющийся дефицит в научной проработке и обобщении исторических этапов становления государственного регулирования экономики КНР, а также обобщении отдельных элементов стратегии социально-экономического развития Китая.

Целью данного исследования является характеристика и анализ исторических этапов становления государственного регулирования экономики (ГРЭ) в КНР.

Государственное регулирование экономики является необходимым условием обеспечения социально-экономического развития страны. Это комплекс государственных мер, направленных на создание условий эффективного функционирования рынка, координацию экономических отношений между хозяйствующими субъектами и решения сложных социально-экономических проблем национальной экономики.

Изучения и анализ тенденций взаимосвязи государственного регулирования и экономического развития КНР в XX - начале XXI вв. позволяет выделить пять этапов эволюции государственного регулирования экономики КНР и рассмотреть их отличительные особенности, связанные прежде всего с радикальными изменениями общественного механизма соединения факторов производства и отношений собственности.

Эволюция государственного регулирования экономики КНР рассматривается с учетом таких критериев, как уровень экономического развития и активность государства в регулировании экономики (см. таб. 1).

Таблица 1

Основные этапы государственного регулирования экономики Китая в XX - начале XXI вв.

Этапы	Активность государства в регулировании экономики	Уровень экономического развития
I этап 1949-1958	Централизованная система управления национальным хозяйством	Восстановление национального хозяйства, с 1953 по 1957 годы – выполнение первого пятилетнего плана. Создание начальной базы социалистической индустриализации.
II этап 1958-1978	Административно-командная экономика китайского типа Жесткий централизм хозяйственной жизни на базе государственной собственности.	Попытки резко повысить темпы роста промышленности в 1958–1960 гг. на основе массового использования примитивных технологий и ручного труда; заимствованная у СССР ориентация на приоритетное развитие тяжелой промышленности. Попытка реализации этой стратегии, несмотря на ряд достижений в 1950-е годы, в итоге привела к острому социально-экономическому кризису.
III этап 1978-1992	Плановая экономика – основа, рыночное регулирование - дополнение. Политика макрорегулирования и макроконтроля	Активное развитие многоукладной экономики, формирование базы социалистической рыночной экономики. Ускорение экономического роста за счет возрождения и допуска частного предпринимательства в большинство отраслей экономики (как «дополнения экономики, основанной на общественной собственности»).

IV этап 1992-2002	Построение социалистической рыночной экономики. Политика «реформ и открытости». Формирование новой системы макрорегулирования и контроля со стороны государства. Использование косвенных методов регулирования.	Ускоренное развитие рыночной экономики, рост долевого участия в мирохозяйственных связях. Формирование новой экономической системы, где главным является дальнейшее расширение и развитие рынка. Создание новой системы управления предприятиями.
V этап 2003 по настоящее время	Взаимное проникновение государственного регулирования и рыночных начал. Совершенствование социалистической рыночной экономики».	Стабильные и высокие темпы экономического роста. Формирование «экономики знания, ориентация на человека». Построения всестороннего общества «малого благоденствия» (сяокан). Создание эффективной системы социального обеспечения.

Источник: авторская разработка

Первый этап охватывает период с 1949-1958 гг. Этот этап развития китайской экономики характеризует начальный период создания КНР, ознаменовавшийся заметными достижениями страны в развитии экономики. Создатели нового Китая во главе с Мао Цзэдуном выдвинули стратегию «уверенного преобразования Китая из аграрной страны в индустриальную страну, перехода к социалистическому обществу». Была предпринята попытка совместного изменения экономического и социального строя: индустриализация страны стала материальной предпосылкой создания социалистического общества [8, с. 46].

В первые годы образования КНР проводились значимые общедемократические преобразования, и была сохранена политика классового союза с национальной буржуазией (которую называли политика «новой демократии»). В 1952 году было завершено восстановление национального хозяйства, означавшее превышение максимального довоенного уровня производства. В конце 1953 г. была окончательно поддержана «генеральная линия переходного периода». Конституция Китая, принятая в 1954 г., провозгласила задачу плавного перехода страны к социализму. Была выбрана советская модель индустриализации, в которой приоритетное положение отводилось тяжелой промышленности.

Анализ научной литературы по данной проблематики [2, 5, 6] позволяет выделить особенности экономического развития данного исторического этапа эволюции ГРЭ КНР, к которым относятся: централизованная система управления национальным хозяйством;

преобладание государственной формы собственности; приоритет на национальный капитал как существенный источник финансирования и субъект индустриализации.

Второй этап охватывает период с 1958–1978 гг. Этот этап развития китайской экономики связан со стратегией развития административно-командной экономики китайского типа, т.н. коммунистической («советской» и т.п.) моделью Мао Цзэдуна. Его характерные особенности – стратегическая цель «перегнать Англию и догнать Америку»; заимствованная у СССР ориентация на приоритетное развитие тяжелой промышленности и ВПК; «опора на собственные силы», усилившаяся после рокового размежевания с Советским Союзом в начале 1960-х гг.; ставка на тотальное импортозамещение; выкачка финансовых ресурсов для индустриализации из деревни посредством механизма «ножниц цен» на промышленную и сельскохозяйственную продукцию; политика «высокого накопления и низкого потребления»; запрещение и попытки полной ликвидации частного предпринимательства; построение «чистого социализма» в виде народных коммун в деревне с их тотальным обобществлением.

Этот этап преобразований китайской экономики прервался неуправляемым спадом производства. Несмотря на ряд достижений в 1950-е годы, нововведения в итоге привели к острому социально-экономическому кризису, особенно в годы «культурной революции» (1966–1976 гг.). Кризис требовал пересмотра экономической политики, смена которой произошла в 1962 г. Новая экономическая политика позволила добиться первых признаков улучшения ситуации в экономической сфере КНР. Ван Сяо Чунь считает, что важным итогом политики государственного регулирования первой половины 1960-х годов стала выработка в КНР достаточно детальной технологии выхода из экономического кризиса. К основным элементам которой, он относит: приоритет задач стабилизации экономики, жесткая централизация финансовых и материальных ресурсов на период преодоления кризиса, перестройка структуры экономики и инвестиционный маневр в сторону сельского хозяйства и легкой промышленности, подчинение внешнеэкономических связей целям стабилизации [2, с. 14].

Третий этап охватывает период 1978-1992 гг. Данный этап трансформации государственного регулирования экономики берет отсчет с III пленума ЦК КПК 11-го созыва (1978), на котором было принято решение о проведении «политики реформ и открытости» в экономическом строительстве. Курс реформ в основном опирался на плановую экономику и лишь дополнением к нему было рыночное регулирование. Была осуществлена попытка расширения прав предприятий в направлении «передачи прав и прибыли низовым организациям и предприятиями» при сохранении централизованного планирования.

Наиболее отличительные черты данного периода являются [2, 5, 6]: активное развитие многоукладной экономики, являющейся базой формирования социалистической рыночной экономики; ускорение экономического роста за счет возрождения и допуска частного предпринимательства в большинство отраслей экономики (как «дополнения экономики, основанной на общественной собственности»); делегирования части прав управления предприятиям на местный уровень; расширения прав госпредприятий на самоуправление; политика внешнеэкономической открытости и экспортной ориентации экономики, прежде всего через создание специальных экономических зон (СЭЗ) и ставки на эффективное использование КНР своего основного международного конкурентного преимущества – обильных и дисциплинированных трудовых ресурсов.

Четвертый этап охватывает период с 1992 г. по 2002 г. Это период радикальных рыночных преобразований, целью которых было создания системы социалистической рыночной экономики. Программа направления китайских реформ была сформировано в ходе поездки Дэн Сяопина в южные регионы КНР, продолжавшаяся с 18 января по 21 февраля 1992 года. Главным требованием была необходимость реформирования всех экономических институтов, сдерживающих «развитие» производительных сил. В центре реформы лозунги: «создать на месте госпредприятий систему современных (конкурентных) предприятий», «опора на науку и образование», «создание общества среднего достатка (сяокан)» [8, с. 64].

В китайской экономической науке принято считать этот период этапом экспериментальных реформ государственного сектора экономики. Была поставлена задача выстроить такую концепцию реформ, которая бы оптимальным образом связала власть КПК и стратегические цели Китая — экономическую мощь и авторитет на международной арене. В 1992 году Дэн Сяопин заявил о необходимости подчинить деятельность государства трем критериям: развитию производительных сил социалистического общества; укреплению совокупной мощи социалистического государства; повышению уровня жизни народа [3, с. 73].

Важным событием данного периода является создание в 2001 г. Комитета по контролю и управлению государственным имуществом Китая (SASAC). Крупные государственные предприятия должны были привлекать иностранный капитал и социальный капитал, с целью сбора средств для поддержания и укрепления стабильности госпредприятий, для реализации многообразия форм собственности и выдачи акций и облигаций [5, с. 24].

Впервые было провозглашено, что рынок должен играть основную роль в распределении ресурсов общества при осуществлении обществом макрорегулирования и макроконтроля. В этот период начала

формироваться система социального обеспечения, призванная ослабить социальное бремя государственных предприятий.

Принципиальными характеристиками данного периода являются: вступление Китая в ВТО (11 декабря 2001г.); расширение и развитие рынка; приватизации малых и средних государственных предприятий; создание новой системы управления предприятиями; формирование новой системы макрорегулирования и контроля со стороны государства; введение системы «экономической ответственности», которая позволяла прибыль, оставшуюся после отчисления базисной части государству, расходовать на коллективное благосостояние и индивидуальное премирование.

Пятый этап охватывает период с 2003 по настоящее время. Этот этап трансформации государственного регулирования экономики берет отсчет с третьего Пленума ЦК КПК 16 созыва (октябрь 2003 г.) как «этап совершенствования социалистической рыночной экономики». Современный этап развития китайской экономики окончательно закрепил курс перехода к социалистической рыночной экономике, которая стала определяющей в становлении «китайского экономического чуда» в начале XXI века. Центральное место в идеологии заняла концепция «научного развития» страны, которая подразумевает переориентацию роста производства от экстенсивного к интенсивному, большую ориентацию экономики на социальные нужды широких слоев населения, ресурсосбережение и защиту окружающей среды, а также внедрения инноваций для всестороннего развития [4, с. 48].

Отличительными характеристиками китайской модели государственного регулирования, на современном этапе, являются: активное участие Коммунистической партии Китая (КПК) в государственном регулировании экономики, а именно в вопросах пятилетнего планирования многоукладной экономики и перспектив ее развития; разработка долгосрочных и среднесрочных государственных программ экономического развития и контроль их исполнения; применение директивных методов воздействия на экономические процессы; эффективное корпоративное управление госсектором и формирование транснациональной компании (ТНК); поэтапность и вторичность политического реформирования относительно экономического; ориентация на долгосрочные цели; использование экономических преимуществ страны; обеспечение повышенной роли государства в развитии рыночной экономики; приоритетность модернизации и внешнеэкономической экспансии.

Анализ эволюции государственного регулирования экономики КНР позволяет сделать следующие выводы:

1. Система плановой экономики в течение сравнительно короткого исторического периода имела большое значение для продвижения хода индустриализации страны. Китай за короткий период достиг

стремительного развития, а вскоре за этим последовал спад и социально-экономические кризисы. Поэтому реформы стали единственным и неизбежным выбором.

2. Успешность проводимых реформ и высокие темпы роста экономического потенциала КНР обеспечены как сочетанием модернизации хозяйства на рыночной основе с государственным контролем в социальной сфере.

3. В зависимости от этапа формирования рыночных механизмов изменялись функции китайского государства и особенно формы их реализации. Прямые методы управления заменялись косвенными, директивное планирование – индикативным планированием и прогнозированием, центр тяжести государственного вмешательства переносился с микроэкономического уровня на уровень макроэкономического регулирования и, главное, административные методы регулирования экономических процессов заменялись рыночными.

4. Важным фактором феноменального роста китайской экономики является эффективная роль государства в экономике, которое активно влияло и влияет на протекающие процессы на всех этапах экономической реформы.

5. Главное для отечественной экономики в китайском опыте – это комплексный и целостный подход к реформе экономической системы, обеспечивающий постепенный, без «шоковой терапии» переход от командно-административной системы к рыночной экономике под государственным контролем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бергер, Я. М. Эволюция модели экономического развития в КНР и ее глобальное значение // Вековой путь Китая к прогрессу и модернизации. К 100-летию Синьхайской революции: тез. докл. XIX Междунар. науч. конф. «Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы», Москва, 19–21 октября 2011 г. – М., 2011. – С.80–82.
2. Ван Сяо Чунь. Государственное регулирование модернизации китайской экономики в условиях глобализации: автореф. дис. ... к. э. н.: 08.00.01 / Ван Сяо Чунь; Восточ.-Сибир. гос. технолог. ун-т. – Улан-Удэ, 2009. – 22 с.
3. Виноградов, А. В. Китайская модель модернизации: диалектика революционного развития стабильности. // Прогнозы и стратегии. – 2008-2009. – № 1. – С. 68-75.
4. Галаган, А. Б. Эволюция модели экономического развития Китая / А. Б. Галаган, Ю. А. Савинов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2016. – № 6. – С. 40-53.
5. Го Линь. Этапы эволюции государственного сектора экономики Китая / Линь Го // Инфраструктурные отрасли экономики:

- проблемы и перспектив развития: материалы XI Международ. научно-практ. конф., Новосибирск, 18 декабря 2015 г. / под общ. ред. С.С. Чернова. – Новосибирск: НГТУ, 2015. – С. 23–27.
6. Карлусов В. В. Модель государственного регулирования экономики в Китае: ретроспективный анализ в мировых сопоставлениях [Электронный ресурс] / В.В. Карлусов, А.П. Кудин // Мировое и национальное хозяйство – 2014. – № 1(28). – Режим доступа: <http://www.mirec.ru/2014-01/model-gos-ekonomiki-v-vkitae> (дата обращения: 14.08.2018).
 7. Максимова, Е. И. Экономика Китая: перспективы смены модели экономического роста // Восточная аналитика. 2013: Сценарии и тренды развития стран Востока. – М., 2014. – С.122–127.
 8. Феномен экономического развития Китая : научное издание / Дин Жуджунь, М. М. Ковалев, В. В. Новик. – Минск : БГУ, 2008. – 446 с

АННОТАЦИЯ

Емельянова И.Ф. Исторические этапы становления и развития государственного регулирования экономики в КНР

В статье рассмотрен исторический опыт становления и развития государственного регулирования экономики на примере Китайской Народной Республики, представлена собственная авторская позиция периодизации исторических этапов становления и развития государственного регулирования экономики в КНР.

Ключевые слова: государство, экономика, государственное регулирование, исторические этапы, экономические реформы, экономическое развитие

SUMMARY

Yemelyanova I. F. The historical stages of the formation and development of state regulation of the economy in the PRG

The article considers the historical experience of the formation and development of state regulation of the economy on the example of the People's Republic of China. The author presents its own point of view to periodization of the historical stages of the formation and development of state regulation of the economy in the PRC.

Keywords: state, economy, state regulation, historical stages, economic reforms, economic development.

*Никита Михайлович Запаренко,
г. Горловка, ДНР
Ирина Александровна Навка,
г. Горловка, ДНР*

**УДК: 94(470) (318) «1917/1920»
ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ БОЛЬШЕВИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ
ДОНБАССА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ**

Широко распространенное в массовом обыденном сознании утверждение о том, что в гражданской войне не может быть победителей, является антиисторическим. Вопрос о причинах победы «красных» над «белыми» в годы гражданской войны – один из ключевых в историографии, без ответа на который невозможно понять смысл исторического события.

Анализ социально-политической ситуации непосредственно в Донбассе, сложившейся после революции показывает, что революционные события в целом здесь развивались по сценарию, который был характерен для большинства регионов бывшей империи: стихийные революционные беспорядки, разрушение местных институтов монархии, самовольное создание органов демократического управления, основания Советов тому подобное.

В течение первых месяцев революции Советы Донецкого бассейна проводили политику совместно с уездными комиссарами Временного правительства. Политический спектр региона отмечался чрезвычайной пестротой, которая в условиях острых социальных противоречий и общего кризиса власти привела к стремительной радикализации политических требований. В течение нескольких месяцев после свержения царизма в регионе значительно усилились позиции большевистской партии, которая проводила активную агитацию, захватывала руководство Советами, отрядами «народной милиции» и др. Ситуация значительно обострилась после июльских событий в Петрограде.

Ухудшилось и социальное положение населения. Донбассу угрожал голод. Следует заметить, что согласно Временной инструкции Генерального Секретариата от 4 августа 1917 г., которая была своеобразным компромиссом между Центральной Радой и Временным правительством, территория Донецкого бассейна оказалась вне сферы компетенции украинской стороны. Поэтому в конце лета – начале осени 1917 г. большевики без труда установили свой контроль в большинстве Советов Донбасса, создав необходимые предпосылки для окончательного захвата власти на данной территории.

Успех октябрьского переворота был обусловлен рядом факторов, а именно:

- радикализация форм социально-политического протеста;

- трансформация политической сущности Советов;
- неспособность центральной власти обеспечить стабильное управление страной, в частности, решить аграрную, продовольственную и военную проблемы;
- захват большевиками лидерства в антиправительственном движении и др.

Указанными проблемами удачно воспользовались большевики, выдвинувшие ряд популярных среди населения леворадикальных лозунгов, что обеспечило им поддержку значительной части населения. Позиции большевиков в нашем регионе с высоким уровнем индустриализации и, как следствие, значительным количеством пролетариата, были значительно крепче, чем в целом в Украине. Поэтому захват власти в городах Донбасса произошло довольно быстро и без серьезного вооруженного сопротивления.

Некоторое сопротивление донецкие большевики встретили в отдельных Советах и других местных организациях (Юзовка, Лисичанск, Бахмут и др.), в руководство которых входили эсеры и меньшевики. Определенные меры против большевиков пытались совершить донецкие заводчики и фабриканты, которые в течение ноября 1917 г. остановили свои предприятия, опасаясь введения рабочего контроля. Если принять во внимание общее состояние производства экономики Донбасса (острая нехватка топлива, продовольствия, стремительное падение объемов производства), то становится понятным, что указанные меры предпринимателей фактически привели к почти полному коллапсу региона. Но поколебать позиции большевиков такие меры не смогли.

На ноябрьских выборах в Учредительное собрание большевики получили в Донбассе уверенную и неоспоримую победу. Другие политические силы оказались не в состоянии организовать им действенное и эффективное сопротивление, особенно учитывая широкую поддержку большевистской партии значительной частью рабочих Донбасса.

Осенью 1917 г. Донбасс оказался в эпицентре вооруженной борьбы. С одной стороны, III Универсалом Центральной Рады Донецкий бассейн был включен в территории Украинской Народной республики. С другой стороны – на территории области Войска Донского возник политический режим генерала Каледина, который стремился распространить свой контроль на всю территорию Донбасса, разгромив ряд местных Советов. Но большевикам, опираясь на поддержку Москвы, удалось не только остановить наступление Каледина, но и полностью установить свой контроль над Донбассом.

В ноябре 1917 г. по инициативе Ф.О. Сергеева (Артема) областным исполкомом Советов было принято решение о преобразовании Донецко-Криворожского бассейна в самостоятельную административно-территориальную единицу, которая должна была войти в состав

Российской Федерации. Это решение большевики реализовали в конце января – начале февраля 1918 г., когда был создан местное правительство – Совет народных комиссаров во главе с Ф.О. Сергеевым и другие властные структуры. В течение короткого срока это правительство приняло ряд постановлений, которые предусматривали национализацию угольной промышленности, муниципализацию больших домов в городах, рабочий контроль над производством, формирование военных отрядов из рабочих и ряд других мероприятий. Последние начали немедленно внедряться в жизнь. Однако Донецко-Криворожского государственного образования просуществовало около трех месяцев.

В апреле 1918 г. немецко-австрийские войска захватили территорию Донецкого бассейна и формально установили власть Центральной рады. В Донбассе развернулся активное повстанческое движение сопротивления интервентам. Полного контроля над регионом не имел никто. Поэтому гетманский переворот 28 апреля 1918 г. в Донбассе был почти незамеченным, поскольку не мог существенно повлиять на местный ход событий.

Осенью под влиянием революционных событий в Германии и Австро-Венгрии немецкие и австрийские войска начали отступать. Донбасс стал ареной для боевых действий между белоказаками генерала Краснова, армией генерала Деникина и большевистскими частями, которые время от времени заключали ситуационные союзы с повстанческой армией Махно и другими повстанческими атаманами. В эту борьбу вмешивались войска Антанты, Директории, Польши. Последующие события в регионе можно охарактеризовать простой формулой: «война всех против всех». Как в калейдоскопе менялись политические режимы на местах. Однако, уже осенью 1920 большевикам удалось уничтожить практически всех главных противников за исключением небольших повстанческих отрядов, борьба с которыми продолжалась еще некоторое время.

Военные успехи красных были обусловлены несколькими факторами:

- неспособность «белого» и «зеленого» движения выступить единым фронтом;
- неспособность белого движения из-за его приверженность идее неделимой России объединиться с вооруженными силами вновь созданных государств и национальных движений, например, с достаточно большой и боеспособной армией Польши;
- удачная концентрация человеческих и материальных ресурсов на важнейших участках боевых действий – контроль над наиболее населенными и развитыми областями;
- поддержка значительной части населения региона;
- идеологическая бедность белого движения и лучше поставленная пропагандистская работа большевиков;

- репрессивно-карательная политика режима генералов Деникина и Врангеля;
- общая социально-психологическая усталость крестьян и рабочих от перманентных военных действий;
- несостоятельность различных политических режимов обеспечить нормальное функционирование промышленности и др.

Кроме того, лидеры белого движения долгое время оттягивали решение аграрного вопроса до созыва Учредительного собрания.

«Белые» проявили слабость не только в том, что не могли объединиться, преодолеть разногласия, но и в организации разъяснительной, пропагандистской работы. У них не оказалось того опыта и умения, которые приобрели в этой области большевики за многие годы деятельности по ведению революционной пропаганды. В результате на защиту советской власти встали миллионные народные массы, поверив в перспективу всеобщего равенства и почувствовали себя настоящими творцами истории, обеспечив, тем самым, окончательную победу большевиков.

Есть и нетрадиционные взгляды на причины победы большевиков в гражданской войне. Так, М. Держалюк основную ответственность за победу большевиков возлагает на Францию и Англию, которые отдавали предпочтение интересам единой России, все равно – монархической или большевистской [3, с. 174–175].

По мнению В. В. Бокарева, «важнейшим фактором победы красных стал реализованный на практике принцип интернационализма. В рядах Красной Армии сражалось до 300 тыс. представителей многих стран, в том числе 80 тыс. венгров, 40 тыс. китайцев, десятки тысяч поляков, сербов, немцев, румын, выразивших свою солидарность с Советской Россией» [1, с. 40]

Согласно коллективу авторов монографии «Советские Вооружённые силы. Вопросы и ответы. Страницы истории» Коммунистическая партия «воспринималась большинством населения как партия, сражающаяся за интересы трудящихся, против интервентов, их союзников и пособников. В результате партийных мобилизаций на фронте в 1920 г. находилось 300 тыс. чел. – половина всех членов партии, 50 тыс. коммунистов погибли в годы гражданской войны и интервенции» [4, с. 101].

А авторы учебника истории придерживаются такой точки зрения, что именно «союз рабочего класса с крестьянством стал материальной предпосылкой решающих побед красных над белыми в 1919 г. и обусловил значительный рост численности Красной Армии в следующем – 1920 г. до 5,5 млн. чел.» [2, с. 234].

Таким образом, победа большевиков в гражданской войне была обусловлена целым рядом факторов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бокарев, В. В. Причины победы красных в годы гражданской войны и интервенции в России // Актуальные исследования. – 2020. – №3 (6). – С. 37-42.
2. Держалюк, М. С. Міжнародне становище України та її визвольна боротьба у 1917–1922 роках – К.: Оріяни, 1998. – 240 с.
3. История России: XX век: 11 класс: учебник для общеобразовательных учебных заведений / В. П. Островский, А. И. Уткин. – М. : Дрофа, 1996. – 512 с.
4. Советские Вооружённые силы. Вопросы и ответы. Страницы истории / П.Н. Бобылёв, В.П. Бокарев, С.В. Липицкий, М. Е. Монин. – М.: Политиздат, 1987. – 416 с.

АННОТАЦИЯ

Запаренко Н.М. Навка И.А. Причины победы большевиков на территории донбасса в период гражданской войны

В статье кратко описана историко-политическая ситуация в 1917-1918 гг., перечислены основные факторы, обусловившие военные успехи Красной Армии как на территории Донбасса, так и Советского Союза в целом.

Ключевые слова: Донбасс, гражданская война, «красные», «белые», большевики

SUMMARY

Zaparenko N.M. Navka I.A. The reasons for the victory of the Bolsheviks in the territory of Donbass during the civil war

The article briefly describes the historical and political situation in 1917-1918, lists the main factors that led to the military successes of the Red Army both in the territory of Donbass and the Soviet Union as a whole.

Keywords: Donbass, civil war, «reds», «whites», Bolsheviks

*Сергей Сергеевич Медведев,
г. Горловка, ДНР*

УДК 33:331(477.61) «20»(045)

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ ДОНБАССА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Донбасс – это уникальный культурно-исторический регион, являющийся неотъемлемой частью восточно-славянской цивилизации. Территория Донбасса с раннего Средневековья входила в ареал Древнерусского государства. Позже после разгрома Крымского ханства началось активное заселение территории Донбасса. В условиях правительственной и народной колонизации край

заселялся представителями различных наций и народностей. В целом можно согласиться с мнением, что «исторически Донбасс является многонациональным регионом, промышленная колонизация превратила его в своеобразный «плавильный котёл», в результате взаимодействия представителей разных народов Донбасский край стал полиэтническим и поликонфессиональным...» [8, с 166]. Эти факты следует принимать во внимание, ведь вся история Донбасса неразрывно связана с историей России. Донбасс развивался и формировался, находясь в составе Российской империи и Советского союза. Именно поэтому рассматривая вопросы истории Донбасса мы будем принимать к сведению общероссийскую ситуацию.

На рубеже XIX-XX веков, по определению классиков марксизма-ленинизма, мир вступил в новую, империалистическую эпоху. Ленин дал следующее определение империализма: «Империализм есть капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрёл выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [6, с 385]. В социально-экономическом и политическом развитии России в начале XX века были противоречиво объединены основные особенности развития стран Востока и Запада. В целом в империалистическую стадию развития Россия вступила на рубеже XIX и XX веков, одновременно с капиталистическими странами Запада.

Однако следует заметить, что развитие капитализма в России шло особым путём, непохожим на развитие западных стран. Разница очевидна, но она вполне объяснима особенностями развития капитализма в России. Тут следует подчеркнуть особенности капиталистической эволюции страны на протяжении второй половины XIX века. Именно в пореформенной России, с одной стороны, в максимально короткие сроки возникла система крупнокапиталистического производства, и тем самым необходимые предпосылки перерастания капитализма в высшую стадию, а с другой стороны, обострился кризис полукрепостнического аграрного строя, сложившегося в стране после падения крепостного права

Для Донбасса был характерен исключительно высокий уровень концентрации производства. Крупные и крупнейшие предприятия всех основных отраслей донецкой промышленности производили основную часть её продукции и сосредотачивали большинство пролетариата на сравнительно малых территориях. За сорок пореформенных лет количество рабочих в донецкой промышленности увеличилось в 30 раз [4, с. 38].

Однако не смотря на то, что темпы развития промышленности в России были выше темпов развития промышленного производств западноевропейских держав, всё же она намного отставала по размерам производства являлась отсталой, аграрной страной, о чём

свидетельствовало преобладание сельскохозяйственного населения: в промышленности России к началу 90-х годов было занято около 10 процентов, а в сельском хозяйстве – почти 75 процентов населения.

На начало XX века условия труда и быта донецких пролетариев были исключительно трудными. Среднесуточный заработок большинства донецких рабочих не превышал в среднем 1 руб. – 1 руб. 20 коп., а месячный – 20-30 руб. В середине 80-х гг. во время проведённого местными земскими статистами обследования ими были учтены расходы рабочих нескольких шахтёрских артелей в Славяносербском уезде. Расходы одного рабочего составляли не менее 15-18 рублей в месяц при среднем заработке 19 руб. 50 коп. У семейных рабочих расходы на питание составляли 1215 руб. на среднюю семью из трёх человек [4, с. 44]. Положение рабочих Донбасса, как и всей России, до крайности усугублялось тем, что они фактически были бесправными, беззащитными перед капиталистическими предпринимателями. Местные чиновники (включая полицейских представителей горного надзора и медиков), содержащиеся за счёт шахт и заводов, не были заинтересованы в защите интересов рабочих и всегда становились на сторону владельцев предприятий.

На всех каменноугольных рудниках, для всех разрядов рабочих существовал двенадцатичасовой рабочий день (две смены в сутки). Однако, по заверениям современников, рабочий день был значительно дольше. Так Я.П. Рысс в Вестнике фабричного законодательства и профессиональной гигиены от марта 1905 года говорит, что реальный рабочий день составлял 13 - 13,5 часов в сутки. Причиной этого являлось то, что вопреки примечаниям к статье 2 отд. 1 «Правил 8 декабря 1897 года о продолжительности и распределении рабочего времени на горных заводах и промыслах», в которых говорилось, что в рабочее время входит спуск в рудник и подъём из рудника, рабочие были вынуждены приходить намного раньше, дабы подписаться у табельщика, и спуститься в шахту [10, с. 141].

Рабочий день на фабриках и заводах продолжался 12-15 часов, а если принять во внимание, что сверхурочные работы были обычным явлением, то он доходил до 18-19 часов [1, с. 109].

К. Маркс, говоря о значении условий труда, говорил следующее: «Так как рабочий большую часть своей жизни отдаёт процессу производства, то условия процесса производства являются в значительной мере также и условиями его активного жизненного процесса, его условиями жизни, а экономия на этих условиях жизни есть один из методов повышения норм прибыли...» [7, с. 98]. В этой цитате содержится горькая правда о жизни рабочих. Действительно проводя на работе более половины суток, у рабочих оставалось время на сон и путь на работу. Особенно сложно было шахтерам, не видевшим солнца. Их жизнь состояла из работы под землёй, дороги к землянке, где они снова спускались под

землю, и дороги до работы. Единственной возможностью отвлечься от этого цикла, были питейные заведения.

В начале XX века особой проблемой донецкого пролетариата была безработица. Пользуясь трудностями, вызванными кризисом, владельцы снижали расценки, прибегали к локаутам. В 1902 -1903 гг. в Донбасса число рабочих сократилось на 25%. В октябре 1903 г. все рудники и заводы Донбасса снизили заработную плату на 10%, а юзовские – на 20% [9, с. 29].

Работа на шахтах была крайне опасной. Огромный травматизм и большое количество смертей такова цена угля. Так за 1902 год всего погибло 267 рабочих, поправилось – 4726 рабочих. На 105 688 рабочих – 4993 несчастных случая. Почти пять процентов. Хотя, процент несчастных случаев за тот же период во Франции был равен всего двум [14, с 144].

Причиной такого катастрофического положения являлось то, что законодательство, регламентирующее горные работы, на большинстве шахт, попросту игнорировалось. На шахтах не хватало штейгеров и горных инженеров. Владельцы шахт назначали «десятника» из числа опытных рабочих, под руководством которого велись горные работы. А для выполнения закона, который предписывал наличие на шахте горного инженера или штейгера, на шахту приглашался штейгер с соседнего рудника, который брал на себя ответственность. На самом деле, эти штейгеры не посещали рудники неделями и лишь подписывали необходимые бумаги, получая за это несколько десятков рублей.

В таких условиях травматизм и несчастные случаи на шахтах росли с ужасающей силой. Крайне малое количество чиновников в надзорных органах приводили к тому, что расследований несчастных случаев, практически, не проводилось.

Вопреки всем запретам в шахтах и на заводах работали дети. Причём дети до 14 лет работали в забоях и во вредных цехах несколько меньше чем взрослые, а дети старше 14 лет работали наравне с взрослыми, хоть это и было нарушением. Жесткая эксплуатация детей приводила к высокой смертности и низкой продолжительности жизни. Однако владелец предприятий такая ситуация не беспокоила. В книге И.С. Павлика мы находим слова бывшего штейгера горловской и щербиновской шахт Л. А. Либермана о детском труде: «В помещениях ламповый воздух до такой степени насыщен парами наливаемого в лампы бензина, что вызывает головокружение и тошноту. Здесь вы увидите целые вереницы крошек-мальчугов, движущихся среди батарей и ламп, вытирающих, наливающих их, заряжающих их пистонами для автоматического зажигания в подземных выработках. С бледными, истомленными лицами, перепачканными копотью и сажей, с чёрными руками, замасленными донельзя, быстро движутся они по огромному зданию под недремлющим оком десятника. Большинству

из них трудно дать и тринадцать лет, сплошь и рядом дети лет одиннадцати...» [12, с. 11-12].

Динамика несчастных случаев на шахтах Донбасса является убедительнейшим показателем неудовлетворительного состояния охраны труда рабочих. По свидетельству Статистического бюро Совета съездов горнопромышленников юга России в 1904–1908 гг. несчастным случаям подвергалось от 27,6 до 39,3% шахтеров. Но хорошо известно, что шахтные врачи и администрация рудников не признавали до половины заявленных несчастных случаев [5, с. 107]. Такие действия объясняются желанием владельцев предприятий уйти от выплаты компенсаций и не портить статистику предприятия. Однако такое замалчивание приводило лишь к ухудшению ситуации на предприятиях.

Тяжёлые условия труда вызывали заболеваемость, охватывающую до 75% рабочих [12, с. 12]. У шахтёров наиболее частыми были заболевания органов пищеварения и дыхания, нервной системы, а также ревматические, глазные. Значительными были вспышки эпидемий, особенно холеры, уносившие множество человеческих жизней. А причина была одна – промышленная антисанитария. На многих шахтах не только отсутствовали бани, но и умывальники, не было уборных.

Отдельной проблемой для Донбасса начала XX века был крайне низкий уровень медицинского обслуживания, о котором уже шла речь ранее. Но следует подробнее рассмотреть этот вопрос, так как здравоохранение играет огромную роль в создании комфортных условий жизни и труда. Особенно это важно для представителей рабочих заболеваний, чьё здоровье подвергается воздействию негативных факторов производственной среды в наибольшей мере. В условиях промышленного Донбасса уровень медицинского обслуживания играл крайне важную роль. Тяжёлые условия труда, высокий уровень травматизма приводили к тому, что рабочий был вынужден обращаться за медицинской помощью. Однако владельцы предприятий не спешили развивать сеть медицинских учреждений, ведь это требовало дополнительных капиталовложений.

Отдельно следует остановиться на условиях проживания в рабочих посёлках. Жизнь в рабочих посёлках была невыносимой. В ужасных условиях приходилось жить рабочим. Так, ссылку на интересный документ мы находим у горловского краеведа П.И. Жеребецкого, в своей книге «Горловка» он ссылается на письмо инженера Горловского горного округа Л. Семяникова, адресованное местному правлению ауэрбаховских предприятий, где он изложил свои требования: «Признать жилые помещения № 111-155 негодными для жилья и подлежащими немедленному закрытию. Остальным жилым помещениям произвести капитальный ремонт с устройством в них таких полов, которые можно было бы мыть» [1, с. 121].

Из данного письма мы можем увидеть, что в большом количестве домов были глиняные полы, что приводило к известным трудностям.

Там же мы находим ссылку на отчёт санитарной медицинской комиссии, которая посетила жилища на рудниках «Общества Южно-Русской Каменноугольной Промышленности»: «Комиссия посетила 1638 квартир: на Первом руднике 543, на Пятом 681, на Восьмом 414. Каменных, кирпичных домов – 365 (23,2%), остальных 1273 (76,8%) – мазанки, причём 49,2% общего числа квартир терпимы, с земляными полами – 1109, без полов – 593, с земляными крышами – 398. Только 16,7% жили в переполненных квартирах... На всех трёх шахтах только 7,1% пользовались нормальным освещением, более 2/3 всех квартир тёмных и полутёмных, а 2% совсем без окон. ... Комиссия опросила 85 матерей. У них родилось 425 детей, из которых 234 умерло. Значит, смертность составила 55% детей от одного года до семи лет» [13, с 121-122]. Сурожский в своём очерке «Край угля и железа» приводит другую цифру детской смертности: «Для детей здесь гибель... от плохой пищи и нездоровых жилищ – 60% их умирает ежегодно» [2, с 306]. Однако мы видим, что цифры по детской смертности приводимые Комиссией и Сурожским несильно отличаются между собой, что подтверждает их достоверность, и говорит, что более половины детей погибали. Страшная статистика, однако для жителей Донбасса того времени такая детская смертность являлась обыденным явлением и не вызывала удивления.

П. Сурожский в своём очерке «Край угля и железа» говорит следующим образом о городах Донбасса: «Говоря о рудниках этого района, нельзя умолчать о Горловке. Это старейший рудник Донецкого края. ... Но старейший рудник не может похвастаться своим благоустройством. Если Юзовка грязна и отвратительна, то Горловка совсем клоака. Рабочие ещё и до сих пор живут в землянках переполненных до невозможности.... Я нигде не видел такой тёмной и беспросветной жизни как в Горловке. Грязь, копоть, дым, сырость...

В этом гиблом месте не прививаются даже те жалкие ростки культуры, которые можно встретить в Юзовке, Дмитриевке, Енакиеве и других промышленных посёлках. Тут живёт только тёмная шахтёрская масса, да и та не засиживается... Кому приятно жить в такой яме? Во время холерной эпидемии 1910 года здесь было почти поголовное бегство. Так, например, на шахт №5, где особенно отвратительные жилищные условия из 4 тыс. человек осталось душ 400, - остальные все разбежались» [12, с 304-305].

Подводя итог, мы можем уверенно сказать, что социально-экономическое положение в Донбассе в начале XX века было крайне сложным, и порой на порядок хуже, чем по всей России. Экономические успехи, с которыми Российская империя и Донбасс вышли на начало XX века, обернулись экономическим кризисом, а неспособность

центральных и местных властей адекватно реагировать на вызовы привели к системному кризису.

Грязь, нищета и голод были постоянными атрибутами жизни рядовых рабочих. Здесь снова хочется привести слова Сурожского: «Когда хочешь охватить общим взглядом эти десятки и сотни разбросавшихся в Донецком бассейне дымных, чёрных рудников, поселений, заводов, шахт и шахтёнок, таких однообразных, каких похожих одна на другую, прежде всего всплывают в памяти грязь, заброшенность, неблагоустройство, пьянство, болезни, недоедание, раболепие и забитость с одной стороны и сытость, праздность, любоначалие и безработность с другой. Огромнейший и непримиримый контраст между хозяевами и работниками» [12, с. 309]. Абсолютное отсутствие заинтересованности в улучшении условий жизни и труда рабочих у владельцев предприятий приводили к печальным последствиям. Для самих же владельцев люди не имели особой ценности. Достойные условия труда создавались лишь для квалифицированных рабочих, в то время как основная масса рабочих была низкоквалифицированной. И в сложившейся ситуации есть вина российского самодержавия. Ведь именно поздняя отмена крепостного права привела к тому, что рынок труда был переполнен рабочими, а отсутствие должного контроля и правового регулирования окончательно развязывали рука капиталистам. Беспощадная эксплуатация рабочих – это отчасти вина российского самодержавия, недальновидная политика которого создала все условия для капиталистической эксплуатации. Всё это приводили к активизации протестного движения, росту оппозиционных настроений и стачкам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горнозаводская промышленность Юга России за 1900-1915 гг. // Статистическая Украина. – Харьков, 1922 : 4 гос. типография. – № 3, Серия III, Вып.3. – 284 с.
2. Донбас в етнополітичному вимірі / рук. В. Котигоренко. – Київ : ІПіЕНД ім. І.Ф. Кураса НАН України, 2014. – 579 с.
3. История КПСС В 6 т. Т. 3 / под ред. Пospelова П. Н. – М. : Политиздат, 1967. – 607 с.
4. История рабочих Донбасса: рабочие Донбасса в эпоху капитализма и в переходный период от капитализма к социализму. В 2 т. Т. 1. / под. ред. С.В. Кульчицкого. — Киев : Изд-во АН УССР, 1981. – 320 с.
5. История Украинской ССР : в 10 т / гл. редкол. Ю. Ю. Кондуфор. – Киев : Наукова думка, 1981-1985. – Т. 1. – 625 с.
6. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. В 55 т. Т. 27 / ред. И. А. Гладков. – 5-е изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1969. – 643 с.
7. Маркс, К., Энгельс, Ф. Сочинения. В. 50 т. Т. 25. Ч.1 / К. Маркс, Ф. Энгельс. – 2-е изд. – М. : Изд-во полит. лит., 1961. – 545 с.

8. Мартынов, А. Концепция региональной самобытности Донбасса : проект // Проблемы региональной идентичности Донбасса : сб. аналит. ст. – Донецк, 2011. – 164 с.
9. Модестов, В. В. Рабочие Донбасса в трёх русских революциях – М. : Мысль, 1974. – 268 с.
10. Рысс, Я. П. Вестник фабричного законодательства и профессиональной гигиены. – СПб. : Общественная польза, 1905. – 165 с.
11. Павлик, И.С. Горловка. Историко-экономический очерк. – Донецк : Донбасс, 1971. – 128 с.
12. Сурожский, П. Край угля и железа : очерк // Современник. – СПб, апр. 1913. – Кн. 4. – С. 292–312.
13. Шигалин, Г. И. Военная экономика в первую мировую войну – М. : Военное изд-во мин. обороны Союза ССР, 1956. – 332 с.
14. Щепров, С. В. Краткая история рабочего движения в России. – М. : Гос. изд-во полит. лит., 1962. – 688 с.

АННОТАЦИЯ

Медведев С. С. Социально-экономическое положение рабочих Донбасса в начале XX века

В статье освещены характерные особенности социально-экономического положения рабочих Донбасса в начале XX века. Описан быт и качество оказываемых услуг, доступность медицинской помощи и образования для рабочих края.

Ключевые слова: Донбасс, социально-экономическое положение, положение рабочих

SUMMARY

Medvedev S.S. Socio-economic situation of Donbass workers at the beginning of the twentieth century

The article highlights the characteristic features of the socio-economic situation of Donbass workers at the beginning of the XXth century. The way of life and the quality of services provided, the availability of medical care and education for workers in the region are described.

Key words: Donbass, socio-economic condition, situation of workers

УДК 123(05):316.46.058.5

**К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ
«СОЦИАЛЬНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ»**

Изучение социальной манипуляции началось относительно недавно. Сам термин «манипуляция» (от латинского *manipulus* – горсть) был введен в широкий оборот лишь в 40-50-е гг. XX века.

Изначально так обозначается искусство фокусников, работающих руками без сложных приспособлений. Это искусство, основанное на отвлечении, концентрации внимания на другом объекте и использовании стереотипов мышления. «Webster's Third New International Dictionary of the English language unabridged» [9] определяет манипуляцию как обращение с объектами с особой целью, специальным намерением. Такое обозначение термина близко к техническому функционированию, когда имеет место действие с приборами или рычагами, заменяющими в производстве руки человека. При этом подчеркивается мастерство и ловкость в выполнении действий-манипуляций.

В политике манипуляция, манипулирование первоначально употребляется в позитивном смысле как управление со знанием дела, оказание помощи. В современных условиях содержание термина трансформируется, часто выступая синонимом махинации и мошенничества, безнравственного политиканства, где преследуемая цель оправдывает любое средство.

Несмотря на уже имеющийся значительный объем литературы по данной проблематике, фундаментальных трудов сравнительно немного. Так, к наиболее полным исследованиям по социальной манипуляции можно отнести работы таких западных авторов как Р. Гудин, У. Прото, Дж. Рудинов, Г. Шиллер, Э. Шостро. Среди отечественных авторов заслуживают внимание работы Ю. Власова, Л. Войтасика, Д. Волкогонова.

Существует множество научных определений понятия «манипуляция». Однако данный вопрос и на сегодняшний день остается полностью неразрешенным. Дело в том, что чаще всего проблема манипуляции рассматривается в психологии или политологии, что накладывает определенный отпечаток специфики дисциплины. Так, например, психологическая литература делает упор на межличностной, межсубъектной манипуляции, уделяя основное внимание, естественно, механизмам психического воздействия. Парадигма же политологического подхода лежит в сфере рассмотрения процессов, происходящих «здесь и сейчас». Соответственно и определение манипуляции при каждом подходе различается. Если сюда еще добавить авторскую позицию, то становится понятным множество трактовок понятия

манипуляции. А главное, манипулятивное воздействие в таких случаях рассматривается вне глобального контекста системы социальных отношений, что существенно обедняет ее анализ.

Манипуляция является непосредственной частью всей системы социальных отношений, тесно соотносясь с такими социальными явлениями как управление, сотрудничество, соперничество, конкуренция и т. п. Манипуляция, находясь в контексте других социальных явлений, может растворяться в них, проявляться опосредованно, выступать как частная форма различных социальных взаимодействий. При этом возникает вопрос, считать ли манипуляцией глобальное воздействие определенной культуры без конкретной личности манипулятора или к ней относится только непосредственное межсубъектное воздействие? В первом случае под манипуляцией можно понимать любое социальное воздействие, во втором необходимо отказаться от политологического понимания манипуляции ограничиться лишь психологическим.

Проблема эта сложна изначально. Единого, устоявшегося определения манипуляции как явления, лежащего в сфере социального взаимодействия, не существует. Так «Психологический словарь» под редакцией А. Петровского и М. Ярошевского [4] определяет манипуляцию как проявление двигательной активности у животных, то есть с чисто биологической точки зрения. «Политологический словарь» под редакцией Ю. Аверьянова [3] сообщает, что манипуляция (в политике) – это махинация или система психологического воздействия, ориентированная на внедрение иллюзорных представлений.

Анализ же большинства работ по проблеме манипуляции дает неутешительную картину. Большинство авторов предлагают свои собственные определения манипуляции, отталкиваясь от определенного набора признаков, произвольно отмеченных для данного явления. Именно поэтому трактовка данного понятия может значительно отличаться в разных работах. Так, специалист в области средств массовой информации Г. Шиллер [6, с. 75] определяет манипуляцию как скрытое принуждение, программирование мыслей, намерений, чувств, отношений, установок, поведения. Его коллега Р. Гудин [7, с. 8] представляет манипуляцию как скрытое применение власти (силы) вразрез с предполагаемой волей другого. В трактовке политолога и основателя положительной политической теории У. Рикера [8, с. 39] манипуляция предстает как такое структурирование мира, которое позволяет выигрывать ее проводнику. То есть определения варьируются значительно, и, как очевидно, большинство авторов опираются скорее на интуитивное представление о сути манипуляции.

Большую и грамотную работу над определением провел российский психолог Е. Доценко. Он проанализировал большинство известных определений манипулятивного воздействия различных авторов, занимающихся проблемой, и вычленил из них наиболее

существенные признаки данного явления. На их основе Е. Доценко сформировал критерии оценки явления и выработал собственное определение: «манипуляция – вид психологического воздействия, искусное исполнение которого ведет к скрытому возбуждению у человека намерений, не совпадающих с его актуально существующими желаниями» [2, с. 59].

Это определение удовлетворяет большинство современных исследователей. Однако в основном Е. Доценко ориентируется на межличностную манипуляцию, что ограничивает его определение. Спорной является апелляция к желаниям, а не к потребностям или интересам. К тому же на момент манипуляции человек может не обладать актуальными желаниями, а приобретать или самостоятельно изменять их по мере таковой. К тому же Е. Доценко, как профессиональный психолог, в основном акцентирует внимание на межсубъектной манипуляции. Сегодня же основное поле манипуляции – массовое сознание – совокупность взглядов, убеждений, эмоций, чувств, настроений, направленностей воли, привычек, обычаев, нравов, возникающих у достаточно большого коллектива на основе общности экономических, политических и социальных условий жизни. Таким образом, манипуляция выступает в качестве социального явления. Отдельный индивид в составе социума зачастую считает эту манипуляцию, осознает ее в определенной мере, но, несмотря на убежденность ряда авторов в обратном, не переводит манипуляцию в другой тип отношений, но подчиняется ей, не видя возможным, а главное, не желая бороться с ней, выбирает наиболее комфортный для себя путь наименьшего сопротивления. Протест против манипуляции заменяется цинизмом, за которым лежит растерянность, признание для себя невозможности что-либо изменить в этом мире [5].

Учитывая все эти особенности, связанные с явлением, необходимо признать, что однозначно определить манипуляцию фактически невозможно.

В данной работе автор не ставит перед собой задачу выдать универсальное определение данного феномена, максимально удовлетворяющее научную общественность. Целью рассмотрения существующих определений ставится анализ и очерчивание круга явлений, задействованных в манипуляции, которые позволят точнее определить ее родовые признаки, приступить к исследованию ее оснований и сущностных моментов. Для этого необходимо дать рабочее определение, отвечающее общим условиям манипуляции, учитывающее важнейшие его составляющие, родовые признаки и особенности.

Е. Доценко, после анализа большинства определений, выделяет пять основных групп признаков манипуляции: 1) психическое воздействие; 2) отношение манипулятора к другому как к средству; 3) стремление получить односторонний выигрыш; 4) скрытый

характер воздействия (как факта, так и направленности); 5) игра на слабостях объекта. Также исследователь добавляет еще две группы: 6) мотивационное привнесение и 7) мастерство в осуществлении манипуляции [2, с. 58].

Можно согласиться с первыми двумя группами, добавив только, что оказываемое воздействие является социальным по сути, осуществляемым через психические структуры, а также прибавить четвертую группу, ибо в основе манипуляции лежит неявное давление на объект. Что до остальных групп, то они представляются частными, но не обобщающими критериями, или относящимися к чисто психологической, инструментальной стороне вопроса. Это отмечают и другие исследователи по проблеме манипуляции. Так, Г. Грачев и И. Мельник в работе «Манипулирование личностью» упоминают, что анализ Е. Доценко рассматривает не манипуляцию в целом, а только одну из разновидностей ее, а именно межличностную манипуляцию [1]. Поэтому они предполагают рассматривать манипуляцию более широко, а именно как процесс преднамеренного или непреднамеренного использования различных специфических способов и средств изменения человека, его целей, желаний, намерений, установок, психических состояний в интересах субъекта воздействия, которое может не произойти, если адресат в достаточном объеме знает исходные цель и средство [1].

На наш взгляд, данное определение более удачно, поскольку фиксирует возможность непреднамеренной манипуляции и не настаивает на противоречии результатов интересам объекта. С другой стороны, непреднамеренность манипулятивного воздействия достаточно условна, и чаще всего представляет собой частный момент, не отражающий общей закономерности манипулятивных воздействий или указывающий на непреднамеренное воздействие субъекта, вовлеченного в систему манипулятивного управления. Поэтому, на наш взгляд, речь о непреднамеренности манипуляции надо оговаривать лишь как случай частный, не отражающий сути явления, его общих тенденций.

Г. Грачев и И. Мельник достаточно полно очерчивают основные значения понятия манипуляции, однако и их определение, как и большинство других, страдает прикладным характером, освещая манипуляцию только как процесс влияния субъекта на объект с помощью определенных технологий. Они отмечают три основных употребления понятия: 1) наиболее общее – как вида социального взаимодействия, 2) как определенный психологический прием и 3) как определенную организационную форму принуждения [1]. И если большинство авторов отмечают только психологическую или политическую составляющую явления, то по анализу определения данных авторов мы отмечаем манипуляцию как один из способов социального (а не частного –

политического, психического и т. п.) взаимодействия, реализующегося в психических воздействиях, раскрывающегося в определенных формах и востребованного в определенных социальных условиях, где возможность других форм ограничена.

Прежде всего, манипуляцию, включающуюся в более широкое поле общественных отношений, следует рассматривать, как видно из перечисленных признаков и определений, в качестве элемента огромной системы данных отношений, возникающий на определенном этапе развития человеческой деятельности, и выполняющий некоторые социальные функции, связанные с данным этапом.

Во-первых, как было указано выше, манипуляция относится к понятию социального взаимодействия. Если конкретизировать данное утверждение, то она относится к понятию коммуникации, т. е. является одной из форм коммуникативной связи, используемой в человеческом обществе. Данная форма коммуникации отличается неравноправием субъектов в процессе контакта, или, вернее, превращением одного из субъектов в объект, на который воздействует другой или другие субъекты взаимоотношений. То есть в данном случае имеет место искаженная форма коммуникации, имеющая свои социальные, психологические, и исторические предпосылки.

Во-вторых, как форма общественного взаимодействия она выступает элементом социального управления в обществе. Зачастую манипуляция предстает как форма, которую принимает управление во множестве случаев.

Наконец, она – явление историческое, возникающее, как и любое социальное отношение, в процессе развития общества, изменения характера экономических, политических, социальных связей. Соответственно, возникая как способ обеспечения сложившихся в определенных исторических условиях производственных, политических и т. п. отношений, она закономерна для данных отношений, несет на себе определенную функциональную нагрузку, является формой осуществления данных связей.

Далее, принципиальным моментом для определения манипуляции будет утверждение, что в основе данного явления лежат способы психического взаимодействия, характеризующиеся превращением одного из субъектов взаимодействия в объект воздействия. То есть для манипулятивных отношений характерно неравенство субъектов в общении, которое выражается в побуждении одного из них к действиям, выгодным для другого субъекта.

В итоге манипуляцию можно определить как способ социального взаимодействия, обусловленный определенными, историческими сложившимися социальными отношениями, и характеризующийся психическим воздействием одного из субъектов взаимодействия (манипулятора) на другого таким образом, что превращает его

в объект, то есть побуждает его к поведению, целям, желаниям, интересам, потребностям и действиям, необходимым манипулятору.

Таким образом, социальная манипуляция является социальным феноменом, относящимся к коммуникативным и управленческим процессам в обществе, причем его характерной чертой следует считать деформацию данных процессов, что проявляется в неформально выраженном неравноправном, подчиненном положении субъектов. Следовательно, манипуляция является исторической категорией, возникающей на определенном этапе развития в результате трансформации человеческих отношений. Соответственно, он имеет свои социальные, психологические, исторические предпосылки, без рассмотрения которых анализ социальной манипуляции теряет смысл.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачев, Г. Манипулирование личностью: организация, способы и технологии информационно-психологического воздействия. / Г. Грачев, И. Мельник. – М. : Алгоритм, 2002. – 153 с.
2. Доценко, Е. Л. Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. – М.: ЧеРо, 1997. – 344 с.
3. Политология. Энциклопедический словарь / Под общ. ред. Ю. И. Аверьянова. – М.: Изд-во Моск. коммерч. ун-та, 1993. – 431 с.
4. Психологический словарь / Под общ. ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Политиздат. – 494 с.
5. Слотердаик, П. Критика цинического разума. – Екатеринбург : Изд-во Урал, ун-та, 2001. – 584 с.
6. Шиллер, Г. Манипуляторы сознанием. – М.: Мысль, 1980. – 325 с.
7. Goodin R. Manipulatory Politics. – London: Yale University Press, 1980. – 250 p.
8. Riker, W. H. The Art of Political Manipulation. – New Haven: Yale University Press, 1986. – 152 p.
9. Webster's Third New International Dictionary of the English language unabridged. – Springfield, Massachusetts, U.S.A.: Merriam-Webster INC., Publishers, 1981. – 2662 p.

АННОТАЦИЯ

Навка И.А. К проблеме определения понятия «социальная манипуляция»

В статье рассматривается манипуляция как феномен коммуникативных и управленческих процессов в обществе, возникающей на определенном историческом этапе. Анализируются различные подходы к определению понятия «социальная манипуляция», выделяются их достоинства и недостатки. Выделяются основные признаки манипуляции и акцентируется, что манипуляция включает

в широкое поле общественных отношений и не может рассматриваться только в рамках отдельных гуманитарных дисциплин.

Ключевые слова: манипуляция, манипулятивное воздействие, признаки манипуляции

SUMMARY

Navka I.A. To the problem of the concept definition for «social manipulation»

The article considers manipulation as a phenomenon of communicative and managerial processes in a society emerging at a certain historical stage. It was analyzed various approaches to the definition of the concept “social manipulation”, including their advantages and disadvantages. Also the main signs of manipulation are picked out in this article, and it is emphasized that manipulation is included in a wide field of social relations and can not be considered only within the framework of individual humanitarian disciplines.

Key words: manipulation, manipulative influence, signs of manipulation

*Ирина Александровна Навка,
г. Горловка, ДНР*

УДК 321.02 "20" (045)

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В XX ВЕКЕ

Рассмотрение конкретных политических доктрин предполагает определенный уровень абстрагирования от действия ряда факторов. В их совокупности заметная роль принадлежит контекстному дискурсу, формируемому политической наукой. Формируют политические доктрины не только ученые, теоретики, но и политические деятели, позиция которых зависит от уровня развития политической науки на тот или иной исторический момент, а не только от разного уровня интересов и актуальных целей. В качестве основы классификации мы используем идею Д. Истона [2, с. 10], который считал, что развитие политической науки охватывает четыре самостоятельных этапа: формальный (правовой), традиционный, или добихевиоральный, бихевиоральный и постбихевиоральный.

Формальный, или правовой, этап был присущ политической науке на протяжении второй половины XIX века. Он отвечал этапу становления самой политической науки, характеризовался доминирующим вниманием к изучению правовых основ организации и функционирования политического пространства, который сводился к базовым институтам: государства в формате правительства, парламента и многих других главных структурных институтов, а также политических партий. В рамках этого этапа доминировало убеждение,

что достаточно лишь описать законы, которые регламентируют полномочия власти, основных политических институтов, и можно получить исчерпывающее понимание политического развития этой страны. Существовала уверенность в соответствии между правовыми нормами, которые регламентировали полномочия политических деятелей, и их практической деятельностью, что обуславливало доминирование формально-легального описательного подхода в политической науке того времени.

Традиционный этап начинает формироваться уже в конце XIX в., когда объектом научного анализа в политической науке стали, наряду с официальными политическими институтами, и неформальные. Именно в рамках этого этапа в сферу политического анализа попали группы по интересам. Сосредоточенность на формальных и неформальных объединениях детерминировала оформление в рамках политической науки мощного направления институционализма.

Представителями «старого институционализма» в первой половине XX в. были Э. Баркер, Дж. Брюс, Т. Коул, Г. Ласки, К. Фридрих и др. Главное внимание в исследованиях они уделяли лишь базовым институтам – государству, власти в формате трех главных составляющих (законодательная, исполнительная и судебная власти), политическим партиям, бюрократии. Соответственно, государство они трактовали как главный институт, доминирующий над другими. Рассмотрение этих институтов имело преимущественно нормативный характер. Также изучались внешние факторы, которые влияли на функционирование этих институтов.

Институционализм всегда чувствовал на себе определенное влияние консерватизма, поскольку в нем ряд общественных институтов (монархия, церковь, сословный характер общества) рассматривались как первичные, постоянные и базовые характеристики, которые определяли общественно-политическую жизнь и индивидуальное поведение. Изучение политических институтов было направлено на анализ системы государственного управления. В политологических исследованиях незначительное внимание уделяли методам исследования. В основном исследования имели позитивистско-описательный характер.

Бихевиорализм (от англ. behaviour – поведение) пришел в политическую науку из психологии в 40-е годы. Это направление приобрело популярность в начале в США, затем распространилось на научные работы ученых из стран Западной Европы. В 50-60-е годы XX в. он стал доминирующим в политической науке. Его влияние на политологов было столь значительное, что стали говорить о бихевиоральной революции в политической науке.

Д. Истон обратил внимание на концептуальное различие терминов «бихевиоризм» и «бихевиорализм». Понятие «бихевиоризм», по его мнению, относится к теории человеческого поведения в психологии.

Что касается политической науки, то надо употреблять термин «бихевиоралистический» [2, с. 13-15]. Обоснование корректности подобного термина он видит в особенности бихевиоралистического подхода к анализу политических явлений и процессов. Этот подход основан на следующих утверждениях: 1) в центре анализа должно быть поведение, которое можно наблюдать на уровне личности и политического института; 2) любой анализ этого поведения надо подвергать эмпирической верификации.

Соответственно, каждый исследователь в рамках бихевиоралистического подхода должен четко определить: что он хочет изучать, какие теоретические положения будут взяты за основу; как будут использованы эмпирические данные с целью оценки полученного теоретического положения. Среди сторонников данного подхода доминирует взгляд, что эмпирическим исследованиям всегда должен предшествовать теоретический анализ. По мнению Д. Сандерса, теория является инструментом в эмпирическом исследовании, поскольку именно теория позволяет генерировать гипотезы, которые после этого надо тестировать, и определяет формат эмпирических данных, которые следует собирать до анализа [4, с. 59]. Одновременно в процессе исследования нужно минимизировать влияние личных ценностей ученого, который проводит исследования, и ценностей, которые характерны на определенном этапе для общества.

Философской основой бихевиорализма стал позитивизм О. Конта. В бихевиорализме, как и в позитивизме, существуют следующие критерии оценки теории:

- «хорошая» теория должна быть внутренне непротиворечива, соответственно, она не может охватывать утверждения, которые потребуют дополнительного выяснения;

- «хорошая» теория, которая относится к определенному классу явлений, не должна противоречить другим теориям, целью которых является изучение связанных между собой явлений;

- «хорошая» теория способна генерировать эмпирические прогнозы, которые можно проверить с помощью наблюдений.

Акцент на необходимости наблюдения и эмпирической верификации обуславливает характерные свойства бихевиоралистического подхода. В частности, ему свойственно убеждение в безальтернативности систематического обращения ко всем существенным эмпирическим данным, а не в произвольном количестве эмпирических примеров. Это означает, что в случае тестирования теоретического утверждения исследователь не может ограничиться отдельными примерами, которые должны были бы подтверждать теоретические выводы. Он должен рассмотреть все имеющиеся случаи, которые попадают под такое утверждение. Собственно, поэтому особое значение приобрели статистические данные и их дальнейший анализ в политологических исследованиях.

Еще одним принципиальным свойством данного подхода является положение о том, что научная теория или научное положение должны подвергаться фальсификации. Согласно с этим подходом, теория только тогда будет считаться научной, когда она способна на основе анализа эмпирического материала генерировать прогнозы, которые подлежат следующей фальсификации. Понятие «фальсификация» рассматривают как синоним «верификации», последующей проверки полученных результатов (повторение по выбранной методике исследования). Теории, которые не производят подобных прогнозов, соответственно, не надо проверять.

Структурный функционализм, подобно бихевиорализму, получил значительное распространение в 50-х годах. В отличие от бихевиорального подхода, берущего начало из психологии, структурный функционализм происходит из социологии. Структурно-функциональный анализ делает главный упор на выявлении структуры общества или определенной его сферы. Принципиальной основой является убеждение, что целое является чем-то большим, чем совокупность частей, из которых оно состоит. Соответственно, акцент делается на взаимозависимости составных частей, их единстве и необходимости выяснить функциональную нагрузку целого и частей.

Т. Парсонс подчиняет понятие функций понятию структуры и исследует функциональные действия, которые должны быть проведены ради сохранения системы. Согласно ему, общественная система должна решить четыре главные проблемы: адаптация (отношения с окружением); достижение целей; интеграция и продуцирование образцов, а также преодоление напряжений. В политической науке применение такого подхода способствовало наработке комплексного, системного видения политических явлений, в частности политических систем.

Постбихевиоральный этап развития политической науки начинается в конце 60-х – начале 70-х годов и продолжается до сих пор. Характерной чертой этого этапа стало разочарование в результатах доминирующего применения бихевиорального подхода. В большой степени это касалось неспособности политической науки предвидеть целый ряд качественно новых общественных явлений, ставших «лицом» 60-х годов. Речь идет о движениях за гражданские права чернокожего населения США, масштабные демонстрации против войны во Вьетнаме, выступления студентов во Франции, развитие неоминимистического движения и тому подобное. В частности, в процессе критики бихевиорального подхода было поставлено под сомнение положение о важности ценностной нейтральности ученого и самого научного исследования.

В рамках этого этапа значительным развитием характеризовалась теория рационального выбора. В отличие от бихевиорализма и структурного функционализма, которые заимствовали базовые концептуальные положения из психологии и социологии, эта теория обращается к концептуальным основам, сформированным в

экономике. Пионером в применении теории рационального выбора к изучению политических явлений и процессов был Е. Доунс. Исходным положением этой теории был такой тезис: когда индивид имеет на выбор несколько способов поведения, он преимущественно выбирает то действие, которое, по его мнению, поможет ему получить самый выгодный для него результат. Соответственно, эгоистичные индивиды не всегда будут участвовать в совместных действиях, которые должны быть направлены на достижение общей цели (общего интереса), а руководствоваться только собственным интересом. То есть теория рационального выбора на первое место в политологических исследованиях поставила действующего человека с его интересами, соответственно, политические институты были провозглашены вторичными по отношению к нему.

Главные направления теории рационального действия – это теория «невозможности Эрроу», принцип «медианного избирателя» и теория игр.

Теорию «невозможности Эрроу» сформулировал Кеннет Эрроу, лауреат Нобелевской премии по экономике (1972). В 1951 г. он доказал теорему, которая сегодня известна как «Общая теория возможности». Эта математическая модель связана с процессом принятия групповых решений в условиях учета индивидуальных интересов и предпочтений. Суть теоремы такова: не существует демократического метода учета индивидуальных интересов для трех и более альтернатив, который бы обеспечивал результат, который не противоречит определенным логическим условиям.

К. Эрроу выдвинул перечень условий, которые сегодня считают общеобязательными, когда общественные решения принимают путем учета предпочтений граждан – с помощью выборов. Во-первых, выбор надо сделать в той самой системе, в которой сформулирована альтернатива выбора. То есть во время выборов депутата в парламент преимущество надо предоставлять тому кандидату, который может лучше других решать общие государственные дела, а не тому, кто среди кандидатов является лучшим спортсменом, самым богатым, красивым и т.д. Альтернативные индикаторы важны и в отношении других систем – спортивных соревнований, экономических рейтингов, конкурсов красоты и тому подобное. Во-вторых, выбор должен зависеть от индивидуальных предпочтений избирателей, а также должен быть универсальным. При таком условии, если персональные предпочтения части избирателей изменятся, это должно найти свое отражение в общественном выборе. В-третьих, в условиях единогогласного избрания одного варианта общественный выбор должен это отражать, и не может быть какого-либо другого варианта. В-четвертых, результат выбора не может зависеть от внешних альтернатив, которые не представлены в выборах. То есть избиратели должны определять свои предпочтения

между предложенными альтернативами на основании общих критериев, а не под влиянием тех или иных групп давления. В-пятых, общественный выбор является диктаторским, если существует агент, чьи предпочтения решающе определяют этот выбор.

Принцип «медианного избирателя» основывается на предыдущей теории. Довольно часто этот принцип рассматривают как ситуацию, когда не все условия теории Эрроу срабатывают. Указанный принцип – это модель относительно системы прямой и представительной демократии, когда принятие решения происходит в соответствии с интересами избирателя-центриста (избиратель, интересы которого позиционируются в центре линейной шкалы общественных интересов). При этой модели индивид голосует стратегически, то есть стремится выбрать максимально выгодную позицию в конкретных условиях. Ориентация на избирателя-центриста дает возможность охватить большинство избирателей вследствие меньшей противоречивости предпочтений различных групп избирателей, чем было бы в случае ориентации на конкретный идеологический спектр – левый или правый. Кроме того, такой выбор помогает отбрасывать крайности. Однако он не учитывает всю совокупность предпочтений отдельного индивида. Так же для получения поддержки большинства субъект выборов вынужден постоянно вносить коррективы в собственную программу, которая была сформулирована перед выборами. Во время выборов президента США такая модель предполагает, что кандидат вынужден ориентироваться на два формата медианного избирателя: первый раз на центриста внутри собственной партии, чтобы быть выдвинутым кандидатом от партии и второй раз – во время всеобщих выборов на центристского избирателя внутри страны.

Теорию игр рассматривают как метод анализа решений во время конфликтной ситуации, которую трактуют как игру между, по крайней мере, двумя участниками, когда результат игры зависит от действий каждого участника. Базовым тезисом является положение, что участники имеют рациональное поведение. Соответственно, объяснение их действий основывается на определенных моделях, которые предусматривают, что все участники игры будут стремиться выиграть. Каждый участник выбирает свою стратегию поведения, однако результат зависит от взаимодействия всех.

Различают игры с нулевой суммой выигрыша и игры с ненулевой суммой. В первом случае игра будет иметь нулевой результат, если из двух участников один выигрывает все, соответственно, другой или другие игроки все проигрывают. Для такого типа игры характерно, что сумма выигрыша равна сумме проигрыша. Соответственно, в играх с нулевой суммой нет сотрудничества между игроками. В играх с ненулевой суммой предусмотрено сотрудничество между игроками. Кооперативное и некооперативное поведение участников описывают с помощью игровых моделей: «дилемма узника», «дилемма цыпленка» и др.

В 70-80-х годах прошлого столетия состоялось концептуальное оформление нового институционализма (отдельные авторы используют понятие «критический институционализм») как ведущего теоретико-методологического направления современной политической науки. Это направление, как отметил К. фон Бейм, развилось прежде всего в рамках теории модернизации, поскольку в этой теории отмечалось, что главным фактором общественных изменений является развитие политических институтов [1, с. 90]. Появление нового институционализма было критической и творческой реакцией на достижения и развитие бихевиоризма, который вывел на первую линию проблематику поведения и, соответственно, отставил на обочину исследование институтов. Существенным фактором стали новые достижения самой политической науки. Изучение процессов демократизации на основании опыта борьбы с тоталитаризмом и начало «третьей волны» демократизации сформулировали новые параметры исследования институтов.

Новый институционализм, или «критический институционализм», в отличие от старого институционализма, способствовал привлечению к научному анализу не только важнейших институтов, таких как государство, правительство, парламент, партии и бюрократия, но и институтов «второго порядка» и неформальных институтов. Понятие «критический» не является второстепенным. Оно основано на постулате, что происходит не простое возвращение к изучению институтов и противопоставление приоритетности поведения (что характерно для бихевиоризма). Кроме того, оно подчеркивает, что обращение к категории политических институтов происходит одновременно с изучением поведения действующих политических субъектов в системе координат теории рационального выбора.

Г. Петерс отметил, что главными индикаторами нового институционализма, которые, с одной стороны, констатируют его целостность и одновременно отличают от других теоретических концептов, являются, во-первых, анализ структурных черт общества и политики формальных и неформальных; во-вторых, фиксация определенной стабильности во времени структур, которые рассматриваются; в-третьих, институты должны влиять на индивидуальное поведение своих членов и это влияние может быть формальным и неформальным; в-четвертых, институты должны иметь определенную систему общих ценностей, которые должны принимать члены этих институтов [3, с. 17-18].

Общей характеристикой, объединяющей все существующие разновидности неинституционализма в определенную целостность, является то, что они считают институты центральным компонентом политической жизни. Соответственно, анализ политического пространства следует начинать с институтов, а не с граждан и социальных групп. Новый институционализм настаивает на решающей

роли институтов в отношении детерминирования поведения индивидов, и именно институты обуславливают регулярность политического поведения субъектов. Подобного уровня регулярности не могло бы быть при условии отсутствия политических институтов.

По мнению Г. Петерса, можно выделить шесть главных направлений современного неоинституционализма [3, с. 19-20]. Во-первых, нормативный институционализм. Его основатели Дж. Марч и Й. Олсен значительное внимание уделяли изучению роли норм в формировании и функционировании институтов и в определении индивидуального поведения. Во-вторых, институционализм рационального выбора, где отмечается, что поведение является функцией правил и стимулов больше, чем норм и ценностей. Институты для этих групп являются системой правил и стимулов, следуя которым, лица стараются максимизировать собственную полезность. В-третьих, исторический институционализм, в котором утверждается, что для понимания логики развития политики надо выяснить начальные решения, которые определяют последующий политический курс. В-четвертых, эмпирический институционализм, который в наибольшей мере является наследником «старого» институционализма и утверждает, что структура власти детерминирует различия в способе реализации политики и выборе, который проводит власть. В-пятых, интернациональный институционализм, который касается институтов, функционирующих вне национальных государственных институтов. В-шестых, социальный институционализм, который охватывает систему взаимоотношений между государством и обществом, в частности институты неокорпоративизма. Ни одна из указанных версий нового институционализма не обеспечивает полного понимания институционального поведения, однако каждая из них открывает свой, особый ракурс такого широкомасштабного явления, как неоинституционализм. Все вместе они способствуют его лучшему пониманию.

Новый институционализм как теоретико-методологическое направление в политической науке сформировался в начале 80-х годов и превратился сегодня в доминирующий. Главным признаком неоинституционализма является то, что политический институт считают центральным компонентом политической жизни. Соответственно, анализ политического пространства надо начинать с институтов, а не с граждан и общественных групп. Политические институты – это достаточно долговременные и нормативные образцы связей и взаимоотношений, через которые происходит политическая жизнь. Новый институционализм настаивает на решающей роли институтов по детерминированию поведения индивидов, именно институты обуславливают регулярность политического поведения субъектов.

Итак, политическая наука на протяжении XX в. прошла путь развития, который характеризовался рядом качественно отличных этапов. Каждый из этих этапов оказал определенное влияние на становление и развитие политических доктрин. Сами политические

доктрины были своеобразным связующим звеном между политической мыслью, теорией и политической практикой, выступали конструкцией, обеспечивающей взаимосвязь и взаимовлияния между ними. Однако их роль нельзя трактовать только технически, поскольку политические доктрины играют решающее значение в формировании системы политических взглядов, убеждений граждан, что отражается в соответствующих политических действиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бейм, фон К. Современные политические теории / К. фон Бейм. – М. : научное издательство SCHOLAR, 2005. – 312 с.
2. Истон, Д. Политическая наука в Соединенных Штатах : прошлое и настоящее / Д. Истон // Современная сравнительная политология. Хрестоматия. – М. : МОНФ. – 1997. – С. 9–28.
3. Петерс, Г. Институциональная теория в политологии. Новый институционализм / Г. Петерс. – М. : PINTER, 1999. – 414 с.
4. Сандерс, Д. Бихевиорализм / Сандерс Д. // Марш Д. Теории и методы в политических науках. – Краков: Издательство Ягеллонского университета, 2006. – С. 44–62.

АННОТАЦИЯ

Навка И. А. Основные этапы развития политической мысли в XX веке

В статье выделены и проанализированы основные этапы эволюции политической мысли XX столетия. Определена сущность бихевиорального и постбихевиорального этапов. Рассмотрены общие и специфические черты институционализма и неoinституционализма. Выявлены основные направления, характерные для политической науки в конце XX столетия.

Ключевые слова: политическая мысль, бихевиорализм, постбихевиорализм, институционализм, неoinституционализм.

SUMMARY

Navka I. A. The main stages of the political thinking development in the twentieth century

The article highlights and analyzes the main stages in the evolution of political thinking in the twentieth century. It has determined the essence of the behavioral and post-behavioral stages and considered the general and specific features of institutionalism and neoinstitutionalism. The article revised main characteristic of political theories and practices at the end of the twentieth century have been clarified.

Key words: political thinking, behaviorism, postbehavioralism, institutionalism, neoinstitutionalism

*Никулин Юрий Александрович,
г. Горловка, ДНР*

**УДК 327+94(100)»1914/19»(045)
НЕМЕЦКАЯ ГЕОПОЛИТИКА И «ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС»
В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ**

Феномен геополитической науки неразрывно связан с исследуемой нами проблемой Первой мировой войны ввиду того, что ее окончательное оформление и становление не только связано с именами немецких теоретиков, но и полностью детерминировано исторической необходимостью ее появления в сложившейся в Германии конца XIX – первой половины XX века политической конъюнктуре.

Термин «геополитика» вводит в научный оборот шведский политолог Рудольф Челлен. Очевидно, что само понятие основано на зависимости политической сферы и географических условий функционирования этой сферы, однако геополитики, доводя до крайности объективную связь данных факторов, основывают учение именно на предопределении политики государства географическими условиями. Так, Карл Хаусхофер, основатель немецкой школы геополитики, характеризовал ее сущность как учения «о географической обусловленности политики» [3, с. 77]. Следовательно, геополитическое учение основано на крайней форме географического детерминизма.

Одной из основных проблем Германии нового времени была стесненность в территории. Еще в середине XIX века Гейне романтизирует немецкое владычество «в воздушном царстве грез», противопоставляя его французам и русским, владеющим землей, а в 1897 году, данная мысль трансформируется в речи будущего рейхсканцлера графа фон Бюлова: «Времена, когда немец предоставлял одному своему соседу землю, другому – море, а за собой оставлял небо, где восседает на троне чистая доктрина, – эти времена прошли... мы так же требуем своего места под солнцем» [3, с. 93].

Подобная трансформация характеризует трансформацию германской национальной идеи в целом от внутренне ориентированной, направленной на объединение Германии, до внешне ориентированной, направленной на экспансию. Переломным моментом данной трансформации стало экономическое развитие Германской империи, которая в короткий срок не только сократила отставание от передовых капиталистических стран, но и опередила их в развитии, также вступив в империалистическую фазу капитализма. Ленин определял империализм как «капитализм на той стадии развития, когда сложилось господство монополий и финансового капитала, приобрёл выдающееся значение вывоз капитала, начался раздел мира международными трестами и закончился раздел всей территории земли крупнейшими капиталистическими странами» [7, с. 385].

Так, благодаря богатым месторождениям руды и угля, а также полученной от Франции контрибуции, составляющей 5 миллиардов золотых франков, к 1880 году германская промышленность превзошла французскую, а к 1910 году ведущую в Европе – английскую [3, с. 93]. Интенсивному развитию германской промышленности способствовал также тот факт, что ее развитие и вступление в монополистическую фазу, происходил параллельно с научно-технической революцией, а также на базе использования опыта Англии и Франции.

Вступая в империалистическую стадию капитализма, Германия наиболее остро ощущала острую необходимость в ведении войны за передел мира, а вместе с тем и необходимость оправдания войны в первую очередь перед своим же народом. Необходимость в распространении милитаристических настроений среди населения и оправдание таковых реализуется посредством деятельности «Пангерманского союза», созданного в 1891 году. Именно «Пангерманский союз» стал «колыбелью» геополитических учений, его членами являлись основатели геополитики Фридрих Ратцель и Рудольф Челлен [4, с. 109]. «Пангерманский союз» не был массовой организацией, но он меньше всего был похож и на общество политических чудаков, фантастов или дилетантов. Он возглавлялся и субсидировался наиболее крупными представителями и наиболее влиятельными политическими деятелями финансового капитала, юнкерства, военщины, а его захватническая программа как бы вобрала в себя основные устремления наиболее агрессивных кругов юнкерски-буржуазного империализма» [5, с. 540]. Количество членов Союза колебалось от 5-6 тыс. человек до 35 тыс. в 1918 году [4, с. 104].

«В качестве членов стремились привлечь в Союз прежде всего таких людей, которые в силу своей профессиональной деятельности оказывали влияние на широкие слои народа – профессоров, духовенство, учителей и писателей. Эти люди имели задачу идеологически поддерживать «энергичную германскую политику в Европе и за океаном» [3, с. 95], которые составляли около 50% членов союза [4, с. 104]. Что было крайне необходимо, так как немецкий народ достаточно слабо интересовала «мировая политика», также как он не склонен был к шовинизму, так, рейхсканцлер Германии Т. Бетман-Гольвег писал: «Немецкий народ лишь с трудом привыкал уделять внешним проблемам то внимание, которого требовало его фактическое вступление в мировую политику... Народ в своей общей массе не был склонен к шовинизму. Немецкий народ не читал ни Нитцше, ни Бернгарди и не мечтал ни о завоеваниях, ни о всемирном владычестве» [2, с. 14].

«Пангерманский союз» выступает, по словам А. С. Ерусалимского, «инкубатором и рассадником» [5, с. 541] экспансионистской политики Германской империи, которая распространяется в обществе посредством наиболее влиятельных на широкие массы профессиональных групп и

печатных изданий. Дублируя тем самым «золотое правило», обычно ошибочно приписываемое «железному канцлеру» Бисмарку, о том, что «войны выигрывают школьные учителя и приходские священники», на деле же принадлежащее Оскару Пешелю, который описывая Битву при Садове в газете «Заграница» в июле 1866 года, писал: «Народное образование играет решающую роль в войне. Когда пруссаки побили австрийцев, то это была победа прусского учителя над австрийским школьным учителем».

В свою очередь члены «Пангерманского союза» несли в народные массы идеи, которые оправдывали необходимость мирового господства для германского империализма. С точки зрения внутренней политики притязания германского империализма на чужие территории обосновывались превосходством германской расы, ее особой пригодностью к мировому господству, а также недостатком «жизненного пространства» для немецкого народа. С точки зрения внешней политики – постоянной враждебностью всех негерманских стран, мешающих мирному развитию Германии, а также изменением международного положения, которое отняло у более мелких и слабых государств «право на существование» [3, с. 96].

Данные четыре направления не только характеризуют деятельность «Пангерманского союза» по распространению агрессивных экспансионистских идей германской верхушки, но и определяют четыре основных вектора развития немецкой геополитики, наиболее значимые концепции которой направлены на попытку обоснования данных притязаний: теория «жизненного пространства», концепция «Серединной Европы», идея превосходства германской расы и враждебности всех негерманцев по отношению к ней. Смыслообразующим звеном этих направлений является теория «жизненного пространства», из «необходимости» решения данной проблемы вытекают остальные направления, которые либо более конкретно очерчивают границы и особенности его захвата, либо направлены на оправдание самого захвата и оправдание его «естественными» мотивами.

«Пространство» выступает основополагающей категорией геополитики, своеобразной осью, вращающей вокруг себя все остальные концепции науки. Основатель геополитики Фридрих Ратцель, увлеченный эволюционной теорией Дарвина, синтезирует данные направления в социологическое учение, получившее свое название уже от ученика Ратцеля – Челлена, ввиду чего «отца-основателя» геополитики иногда «исключают из родословной». Ратцель «рассматривал государство в качестве биологического организма, свойства которого частично являются свойствами народа, частично свойствами земли», «проявлением органического характера государства является то, что оно движется и растет как целое» [3, с. 99, 102]. Исходя из этого, в основе геополитики лежит простая и абсолютно понятная

каждому идея о том, что для развития государства, а, соответственно, и народа, так как государство – это ничто иное как «народ» и «земля» (в более поздней нацистской геополитике и пропаганде – «кровь и земля») необходимо приумножение «жизненного пространства», захват которого является не только оправданным, но, более того, естественным и жизненно необходимым процессом.

При этом геополитика всего лишь намечала магистральные линии и давала теоретическое обоснование идее «жизненного пространства», разработка детальных концепций и вполне выполнимых планов была прерогативой более широких пангерманских кругов, где идея «жизненного пространства», по сути, распадается на две основные концепции. С одной стороны, стратегическое значение захвата земли на Востоке было очевидно уже в середине XIX века, с другой, Германия не готова была жертвовать и интересами в Западной и Центральной Европе, в связи с чем идея приумножения «жизненного пространства» для «германского народа» по данным направлениям реализовывалось в концепциях «Натиска на Восток» (“*Drang nah Osten*”) и «Серединной Европы» (“*Mitteleuropa*”). Данные концепции в значительной мере перекликались и дублировали идеи, а также имели множество различных вариантов, отличающихся по масштабам, границам, способу действия. Сущность и масштаб экспансионистских идей, вложенных в те или иные концепции переустройства мира, зачастую зависела от личности автора, которыми выступали близкие к Пангерманскому союзу ученые, крупные капиталисты или государственные деятели.

Так, идея «Серединной Европы» подразумевала под собой создание в «Центральной и Юго-Восточной Европе тесного блока государств (Австро-Венгрия, Болгария, Украина, Румыния, Турция и др.), над которыми германский империализм должен был установить свое непосредственное экономическое, политическое и военное господство» [6, с. 203]. Термин «Серединная Европа» вводит и теоретически обосновывает «отец немецкой геополитики» Фридрих Ратцель, который понимал под ним «обширную территорию, расположенную между Альпами, Северным и Балтийским морями, от Атлантического океана до Черного моря, то есть по существу всю Западную и Центральную Европу» [8, с. 1048]. В дальнейшем, уже в годы войны идея получит более серьезную теоретическую разработку в трудах Фридриха Науманна, которого, как правило, и выделяют как основателя данной концепции.

Однако основополагающей для идеи «Серединной Европы», по нашему мнению, является изданная Пангерманским союзом в 1895 году брошюра «Великогермания и Серединная Европа в 1950 году», которая выступает идейным ядром раскрывающим сущность самой идеи, которая в дальнейшем будет разрабатываться рядом авторов теоретически. Брошюра была издана анонимно под псевдонимом «Пангерманец» [5, с. 541], под которым предположительно скрывался

лидер Пангерманского союза – профессор Эрнст Хассе [8, с. 1049]. Так, немецкоязычные источники однозначно приписывают авторство Хассе, в частности сборник материалов «Германский империализм 1964 – 2006» [10], а профессор Клаус Тёрнер пишет: «...появилась брошюра «Великогермания и Серединная Европа в 1950 году», которую председатель Пангерманского союза Хассе анонимно опубликовал в 1895 году...» [11, с. 178].

В этой брошюре, утопически описывающей преобразованную Германию через полстолетия, Эрнст Хассе излагает не просто пангерманские чаянья о будущем «Великой Германии», а вполне реальные аннексионистские планы, которые соответствовали немецкому дипломатическому курсу начала XX века, а позже подтвердились и военными кампаниями. Так, автор описывает «широкую перспективу «объединения» всех немцев, проживавших в Австрии, Швейцарии, Венгрии и даже на Волге и в Северной Америке, под эгидой Германской империи» [5, с. 541]. При этом, «в центре Европы планировалось создание Великогерманской конфедерации во главе с императором и в составе малогерманской империи, Голландии, Бельгии, Швейцарии, Австрийской империи и Великогерманского таможенного союза. Господствующее положение конфедерации отводилось Германии» [8, с. 1049].

Однако создание самой «Серединной Европы» не исчерпывало экспансионистских планов Германии, так как ей скорее предназначалось выступить в роли экономического и стратегического плацдарма для дальнейшего наступления на Восток и Запад [6, с. 203]. Далее автор пишет: «Неизбежная война между Германией и Россией завершит дело объединения. Если она окончится благоприятно, то Германия присоединит балтийские губернии, Эстляндию, Лифляндию и Курляндию, и создаст Польское государство и Русинское (украинское) королевство. Этим последним марионеточным государствам «Пангерманец» уже тогда предназначал особую роль – «принять евреев и славян», которые должны были быть сюда насильственно вывезены с территории «Великогермании»» [5, с. 541].

Соответственно, мы подходим к рассмотрению концепции «Натиск на Восток» (“Drang nah Osten”), которая зародилась еще в Священной Римской империи, однако в условиях становления и развития Германской империи приобрела исключительное стратегическое значение. Учитывая тот факт, что концепции «Серединной Европы» и «Натиска на Восток» условно могут быть отнесены к «пространственной теории» в рамках немецкой геополитики, исходя из чего, имеют целый ряд сходных особенностей.

Так, географический ареал «Серединной Европы» в первую очередь является продуктом экспансии Германии на Юго-Восток и Восток Европы, при этом он не только вторгается в зону непосредственных политических интересов и влияния Российской империи, но и

предполагает отсечение западных ее регионов и их включение в «Серединную Европу». Если идея создания «Миттельевропы» основывалась преимущественно на культурной и политико-экономической экспансии, а ее границы были обусловлены той сферой влияния Германии, где она была возможна, то идея «Дранг нах Остен» все же основывалась в первую очередь на военной экспансии, гипотетические границы которой отодвигались далее, чем позволяла концепция «Серединной Европы». Поэтому можно сделать вывод, что концепция «Натиск на Восток» более широкая и значимая в рамках «пространственной теории», при этом она фактически включает в себя концепцию «Серединной Европы» как необходимый плацдарм для дальнейшего проникновения на Восток.

В конце XIX века в пропаганде Пангерманского союза на первый план выдвигается восточное направление, в январе 1894 года «Пангерманские листки» писали: «Старый «Дранг нах Остен» должен быть возрожден. На востоке и юго-востоке должны мы приобрести место для локтей, чтобы обеспечить германской расе те жизненные условия, в которых она нуждается для полного развертывания своих сил, даже если для этого должны будут поплатиться своим бесполезным для цивилизации бытием такие неполноценные народики, как чехи, словенцы и словаки» [4, с. 104].

Россия – как единственный восточный сосед Германии имела первостепенное значение в ее «восточной политике», так как сама необходимость милитаризма, по сути, во многом исходила из угрозы панславизма и объединения славянских государств под эгидой России. При этом обострение отношений между двумя державами – длительный и сложный вопрос, который не основывался исключительно на экономических или политических противоречиях, а имел комплексную природу. С одной стороны, к войне подталкивала экономическая конкуренция двух стран: повышение таможенных пошлин в Германии на ввоз русского хлеба и введение защитного тарифа в России в интересах развития отечественной промышленности [4, с. 110]; прямой конфликт интересов на Балканах и в вопросе о Проливах. С другой стороны, в России в 1880-е годы в условиях достаточно теплых отношений с Германией, «при попустительстве властей нагнеталась антинемецкая истерия» [9, с. 49], результатом чего стал «холодный прием оказанный Вильгельму II во время его поездки в Россию» [9, с. 49], что на фоне заключения Франко-русского союза значительно ударило по отношениям двух держав.

Особого внимания заслуживает вопрос о формировании образа России в Германии конца XIX – начала XX века, так как его негативный характер во многом обязан также особенностям русской политики. В конце 80 – 90х годов XIX века российское правительство преобразовало Прибалтийские губернии, сократив их особый статус, что вызвало недовольство среди части прибалтийско-немецкого

общества, убежденного, что унификацией «Прибалтийских губерний с Россией, правительство нарушало «исторические» привилегии, которые Петр I даровал остзейским сословиям» [1, с. 9]. Реформы вызывали недовольство в первую очередь у прибалтийско-немецкого дворянства и интеллигенции, прибалтийско-немецкая буржуазия же напротив положительно отнеслась к реформам, выгодным для нее.

Политика России в Прибалтийских губерниях привела к нескольким волнам эмиграции остзейских немцев в Германию. «Существенным представляется то обстоятельство, что значительную часть среди довольно узкого круга немецких экспертов по Восточной Европе составляли выходцы из России – остзейские немцы. В отличие от большинства остзейского немецкого дворянства, традиционно лояльного российской императорской власти, эмигранты – известные историки, публицисты, «политические профессора» Т. Шиман, О. Хётч, П. Рорбах – не имели ни иллюзий, ни симпатий по отношению к России и испытывали историческую потребность возлагать на нее любую вину как на извечного врага Германии и всех немцев» [9, с. 49].

Несмотря на крайний милитаризм германской верхушки, ухудшение отношений между Германской и Российской империей нельзя однозначно объяснить исключительно его влиянием, так как и внешняя и внутренняя политика России на стыке веков выступала в роли катализатора для «ожесточенных кампаний в германской прессе» [4, с. 110]. Соответственно, немецкая геополитика, как и ее рупор – пропаганда, получили не только предпосылки, но и «сакральную жертву» в лице притесняемых в Прибалтике этнических немцев, а вместе с этим и мотивированных личными мотивами остзейских эмигрантов, составивших основу «остфоршеров», – научно обосновывавших доктрину «Натиска на Восток».

С началом Первой мировой войны абстрактные идеи и планы «Натиска на Восток», несколько десятилетий вырабатываемые и пропагандируемые Пангерманским союзом, максимально конкретизировались и преобразовывались под сложившиеся стратегические задачи. Германия вступила в войну в соответствии с планом Шлиффена, отдавая приоритет западному направлению, рассчитывая на выведение Франции из войны до того как Россия сумеет мобилизоваться. «Но, направляя главный удар на Запад, германский империализм в первый период войны начал оформлять свои аннексионистские планы и в отношении Восточной Европы» [6, с. 202].

«Общая программа Пангерманского союза была разработана Г. Классом по заданию главного директора крупновского концерна А. Гугунберга и принята правлением Союза 28 августа 1914 г. В отношении России Г. Класс заявил: «Лицо России должно быть решительно повернуто на Восток, для этого она должна быть отброшена к границам до Петра Великого. В рамках этого плана предполагалась

аннексия Прибалтики, существенные «поправки» границ Германии в Польше, отрыв от России Финляндии, переселение на аннексированные территории немцев из Южной Украины и Заволжья» [4, с. 194-195]. Уже 2 сентября 1914 года М. Эрцбергер подал канцлеру памятную записку, которая выделяла «одним из основных условий достижения гегемонии Германии в Европе... расчленение «русского колосса», отделение нерусских народов западных провинций России, создания «автономных» государств «под военным покровительством» германского кайзера и, возможно, в таможенной унии с Германией. Россию, по его мнению, следовало оттеснить как от Балтики, так и от Черного моря» [4, с. 195]. «Все эти планы, проекты, памятные записки были известны и в максимальной мере учтены канцлером Т. Бетман-Гольвегом при разработке так называемой сентябрьской программы» [4, с. 195], одним из трех основных задач которой было оттеснение России на восток, путем отделения от нее северо-западных и западных провинций.

«Вскоре после неудач на Марне среди правящих кругов и политических партий Германии стали все более явственно оформляться аннексионистские планы на Востоке не только относительно Прибалтики, но и Украины. В 1915 г. аннексионистская программа была представлена правительству шестью руководящими организациями правящих классов. Программа широко обсуждалась и политической публицистикой. «Бросим взгляд на карту, – писал, например, Штрупп, – и мы увидим, что путь Берлин – Одесса короче, чем путь Берлин – Константинополь. Мы увидим далее, что через Варшаву, Киев, Ростов-на-Дону, через Кавказские горы, Тифалис и Тавриз идет прямой железнодорожный путь к Персидскому заливу, в Индию» [6, с. 203].

Германский «Дранг нах Остен», помимо непосредственно военной интервенции западных регионов Российской империи, предусматривал также дестабилизацию обстановки в данных регионах. «Особое значение в реализации этой политики придавалось возбуждению посредством организованной пропаганды сепаратистских настроений среди нерусских народов Российской империи, за исключением Прибалтийских губерний. Германские правящие круги были заинтересованы в сохранении там руководящего положения прибалтийских немцев, поэтому содействие национальным движениям эстонцев и латышей не входило в их планы» [1, с. 8-9].

Разжигание национального движения на периферии Российской империи, в Прибалтике, Польше и Галиции было важным инструментом германской внешней политики. МИД Германии активно пропагандировал идеи национального самоопределения среди украинцев и поляков для отторжения этих территорий от России. Так, министр иностранных дел Германии фон Ягов в августе 1914 года заявлял: «Повстанческие настроения поляков и украинцев кажутся нам очень важными средствами в борьбе против России» [10]. Тогда же в

августе 1914 года «министерство иностранных дел сформулировало планы «революционирования» российского Царства Польского и областей Украины. По поручению правительства Германии, немецкие депутаты... начинают «агитационные визиты» в столицы нейтральной Европы для продвижения идей Германии» [10].

Таким образом, становление немецкого геополитического учения происходит в рамках целого ряда экономических, политических и социальных факторов, определяющих ее сущность. Ключевыми особенностями зарождающейся немецкой геополитики являются ее аффилированность с крупными капиталистами, с одной стороны, и широкое распространение ее идей посредством общественных организаций, в частности, Пангерманского союза, с другой. Идейным ядром геополитики является теория «пространства» Фридриха Ратцеля, в рамках которой выделяется «Восток» как основное направление для германской экспансии. По мере обострения русско-германских отношений, на приоритетное место в концепции «Натиск на Восток» выдвигаются юго-западные периферийные регионы Российской империи, среди которых особое стратегическое значение имеет и Донбасс, ввиду высокого экономического потенциала и выгодного географического положения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева, Н. С. Остзейская политическая эмиграция и МИД Германии в период Первой мировой войны // Журнал российских и восточноевропейских исторических исследований. – 2018. – № 3 (14). – С. 8-24.
2. Бетман-Гольвег, Т. Мысли о войне. – М. : Гос. изд-во, 1925. – 120 с.
3. Гейден Г. Критика немецкой геополитики: пер. с нем. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1960. – 307 с.
4. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы 1871-1918 гг. / Под ред. В. К. Волкова – М. : «Наука», 1977. – 322 с.
5. Ерусалимский, А. С. Внешняя политика и дипломатия германского империализма в конце XIX века – М. : Изд-во АН СССР, 1951. – 611 с.
6. Ерусалимский, А. С. Германский империализм: история и современность. – М. : «Наука», 1964. – 664 с.
7. Ленин, В. И. Полное собрание сочинений. Т. 27. – М. : Госполитиздат, 1950. – 581 с.
8. Троян, С. С. Немецкие проекты «Миттельевропы» конца XIX – начал XX века // Известия ПГПУ им. В. Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 1047-1053.
9. Цимбаев К. Н. Славянский вопрос в немецкой политической мысли начала XX века. Геополитическая картина мира германской

- публицистики // Петербургские славянские и балканские исследования. – 2015. – №1. Январь-июнь. – С. 42-63.
10. Deutscher Imperialismus 1864 – 2006 / Zusammengestellt von Philipp E. Nassauer, 2006.
 11. Thörner Klaus. Der ganze Südosten ist unser Hinterland: deutsche Südosteuropapläne von 1840 bis 1945. – Oldenburg: Universität Oldenburg, 2000. – P. 178.

АННОТАЦИЯ

Никулин Юрий Александрович. Немецкая геополитика и «восточный вопрос» в период Первой мировой войны.

В данной статье рассматривается сущность немецкой геополитики и ее влияние на развитие концепции «Дранг нах Остен» в период Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая Мировая Война; геополитика; Пангерманский союз; «жизненное пространство»; «Серединная Европа».

SUMMERY

Nikulin Yuri Alexandrovich. German geopolitics and the “Eastern issue” during the period of World War I.

The article highlights the essence of German geopolitics and its impact on the development of the “Drang nach Osten” conception during the period of World War I.

Key words: World War I; geopolitics; Pan-German League; Lebensraum; Mitteleuropa.

*Полякова Мария Андреевна,
г. Горловка, ДНР*

УДК 378(477.6)»1954-1964»(045)

МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА ВЫСШИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА В 1954 – 1964 ГГ.

Квалифицированные рабочие кафедры – залог экономического, политического и культурного развития государства. Кузницей подготовки педагогических кадров были и остаются педагогические учебные заведения, чья материальная база оказывает существенное влияние на учебный процесс.

Актуальность рассматриваемой тематики связана с возможностью применения позитивного опыта советской власти по организации учебного процесса и управлению системой народного образования.

Целью исследования является описание материальной базы пед. вузов Донецкого региона в 1954 – 1964 гг., сравнение степени материальной оснащенности высших педагогических учебных заведений, а также определение влияния их материально-технической и учебно-материальной оснащенности на учебный процесс.

Высшая школа всегда находилось в сфере интересов историков и педагогов (Э. И. Монозон [4], Н. П. Кузин [3] и т.д.), однако рассмотрению материального оснащения высшего пед. образования Донбасса в 1954 – 1964 гг. не было уделено достаточно внимания.

Успех становления и развития высшего образования, контингент студентов и педагогические кадры зависели не только от реформирования народного образования, но и от материально-технической и учебно-материальной базы учебных заведений. Под материально-технической базой понимаются необходимые для полноценного учебного процесса материальные условия. Учебно-материальная база включала в себя оборудование для предметных кабинетов, аудиторий и библиотеки.

Материально-техническая и учебно-материальная базы учебных заведений соответствовали их направленности и специализации. Так, особенностью работы Луганского пед. института являлось предоставление знаний природно-географического и естественнонаучного цикла. Сталинский пед. институт предоставлял возможность получения технического образования с производственной составляющей, его студенты изучали не только узко предметные и педагогические дисциплины, но и основы производства. Славянский пед. институт ориентировался на подготовку учителей начальных классов и специалистов в области дошкольной педагогики. Горловский пед. институт иностранных языков осуществлял подготовку специалистов с пед. образованием в области филологии.

Данные виды подготовки требовали соответствующей материально-технической базы. В отчете о работе пед. институтов за учебный год значился раздел – учебно-материальная база (материально-техническая), при его составлении учитывались любые изменения. Накануне начала вступительных компаний и каждого учебного года, Министерством высшего и среднего специального образования УССР организовались гражданские смотры учебных заведений [1].

Крупные вузы областного значения получали большее финансирование и объемы ассигнаций. Так, материально-техническая база Донецкого пед. института значительно изменилась за изучаемый период (1954 – 1964 гг.). В 1954 – 1959 гг. Донецкий пед. институт располагал площадью одного трехэтажного корпуса, который после пристройки четвертого этажа вмещал шестнадцать аудиторий, одиннадцать учебных кабинетов и лабораторий, а также учебную мастерскую на двадцать семь мест. Однако, уже в отчете института за учебно-воспитательную работу в 1953 – 1954 уч. г. была отмечена

необходимость постройки дополнительного учебного корпуса. Потребность в учебной площади подтверждается тем фактом, что уже в 1954 – 1955 учебном году занятия в институте проводились в две смены. Ориентация на производственное обучение и недостаточное ассигнование вынудили администрацию, коллектив и студенческий контингент своими силами начать строительство учебных мастерских, в которых могли бы обучаться две академ. группы.

Однако, не смотря на значительное расширение материально-технической базы в отчете об учебно-воспитательной работе Донецкого пед. института за 1959 – 1960 уч. г. было отмечено, что для продуктивного функционирования вуза необходима постройка нового учебного корпуса, учебной мастерской, а также общежития на 250 жилых мест [2]. Потребности института были учтены и в 1962 г. на баланс вуза был переведен корпус площадью 3500 м², данную операцию осуществили Министерство высшего и среднего специального образования УССР, а также областная партийная организация. В новом корпусе разместился исторический факультет (дневное и вечернее отделение), а также предметные кабинеты, необходимые для осуществления учебного процесса по основным направлениям подготовки, среди них: педагогики и психологии, дошкольной педагогики, педагогической практики, анатомии и физиологии, истории, методики преподавания истории, литературы, а также методики преподавания литературы [7].

Крупнейшим по численности, материально-технической и учебно-материальной оснащенности педагогическим вузом Донбасса был Луганский педагогический институт. На балансе института в 1954 – 1964 гг. находились корпуса, закрепленные за физико-математическим факультетом, историко-филологическим факультетом, естественно-географическим и факультетом физического воспитания. Открытие музыкально-педагогического факультета поставило вопрос об обеспечении студентов и работников, закрепленных за факультетом учебным помещением. Так институту был передан жилищный дом, располагавшийся на территории института, однако ввиду недостатка государственных ассигнаций (15000 – 20000 рублей) институт был вынужден приостановить оборудование новоприобретенного корпуса. Вскоре, в отчете о работе Луганского пед. института в разделе, посвященном материально-технической базе института, был поставлен вопрос о переоборудовании корпуса музыкально-педагогического факультета и постройке нового спортивного зала [6]. В 1963 – 1964 гг. учебно-материальная база Луганского пед. института расширилась. Была достроена обсерватория с астрономическим павильоном, планетарием, площадкой для наблюдений и метеорологической площадкой. Завершилось оборудование павильона механизации (для кафедры основ сельскохозяйственного производства) в котором хранилось все сельхоз.оборудование и транспорт.

Сравнение учебно-материальной и материально-технической баз крупнейших пед. вузов Донбасса демонстрирует, что оснащенность Луганского пед. института существенно отличалась от других педагогических высших учебных заведений, что объяснялось направленностью учебного заведения на предметы естественнонаучного цикла. Материально-техническая база Донецкого пед. института, не смотря на значительное расширение, требовала усовершенствования, что отражено в отчете об учебно-воспитательной работе учебного заведения за 1962 – 1963 учебный год. А именно потребность в получении лабораторно-технического корпуса и студенческого общежития на четыреста жилых мест [5]. За изучаемый период 1954 – 1964 гг. материально-техническая база Донецкого и Луганского пед. институтов была значительно расширена за счет учебных и жилых помещений, а также была полностью освоена и охвачена учебным процессом.

Менее крупные пед. вузы Донбасса не имели такой разветвленной структуры, соответственно материально-технической и учебно-материальной баз, как у Луганского и Донецкого пед. институтов. Так, материально-техническая база Славянского пед. института до 1964 г. состояла из учебного корпуса и студенческого общежития, второй учебный корпус и два общежития были построены уже во второй половине 1960-х гг. Администрация института отражала состояние материально-технической базы в каждом отчете о его работе за учебный год. В них фиксировалось, что оценивать ее достаточность следует в зависимости от численности студенческого контингента. Численность студентов Славянского пед. института изменялась, имели место провалы и рост контингента студентов. Уже в 1959 – 1960 учебном году обнаружилось недостаточное оснащение института и ввиду нехватки учебных аудиторий администрация института стала рассматривать возможность перехода на двухсменное обучение. В Горловском институте иностранных языков вопрос учебной площади также был актуален. В 1954 г., после перевода в г. Горловка, институту было предоставлено здание, строившееся для школы, при котором также была котельная. Для размещения студентов вузу были предоставлены два общежития: шахты «Кочегарка» и треста «Горловскуголь». Нехватка учебной площади повлияла и на учебно-материальную базу Славянского пед. института и Горловского института иностранных языков. Изменение учебных планов и адаптация обучения к жизни требовали создания новых учебных кабинетов, для этого были необходимы дополнительные ассигнования и учебная площадь.

Таким образом, в 1954 – 1964 гг. материальное оснащение педагогических вузов Донбасса развивалась, однако была недостаточной для организации продуктивного учебного процесса и соответствия требованиям, предъявляемым к данным учебным заведениям. Сравнение материальной базы педагогических вузов региона демонстрирует

разную степень оснащенности учебно-материальной и материально-технической баз педвузов региональной значимости (Донецкий и Луганский педагогические институты) и более мелких вузов, не смотря на их стратегическое значение (Горловский институт иностранных языков был центром лингвистической подготовки).

ЛИТЕРАТУРА:

1. Годовой отчет о работе Славянского педагогического института // Гос. Архив ДНР. – Ф. Р-3313. – Оп. 1. – Д. 45. – Л. 21.
2. Годовой отчет об учебно-воспитательной работе Донецкого педагогического института за 1959 – 1960 учебный год // Гос. Архив ДНР. – Ф. Р-3765. – Оп. 1. – Д. 378. – Л. 8.
3. Кузин Н. П. Очерки истории педагогической науки в СССР (1917 – 1980) / Кузин Н. П., Колмакова М.Н. – М.: «Педагогика», 1986. – 288 с.
4. Моносзон, Э. И. Становление и развитие советской педагогики / Э. И. Моносзон. – М.: «Просвещение», 1987. – 224 с.
5. Отчет о работе Донецкого педагогического института за 1962 – 1963 учебный год // Гос. Архив ДНР. – Ф. Р-3765. – Оп. 1. – Д. 482. – Л. 7.
6. Отчет о работе Луганского педагогического института // Гос. Архив ЛНР. – Ф. Р-416. – Оп. 2. – Д. 146. Л. 21.
7. Отчет об учебно-воспитательной работе Донецкого педагогического института за 1961 – 1962 учебный год // Гос. Архив ДНР. – Ф. Р-3765. – Оп. 1. – Д. 443. – Л. 2.
8. Приказы и решения Министерства просвещения // Гос. Архив ДНР. – Ф. Р-416. – Оп. 2. – Д. 416. – Л. 15.

АННОТАЦИЯ

Полякова Мария Андреевна. Материальная база высших педагогических учебных заведений Донецкого региона в 1954 – 1964 гг.

Аннотация: В статье рассматривается материальная база педагогических вузов Донецкого региона в 1954 – 1964 гг., осуществляется сравнение материальной оснащенности высших педагогических учебных заведений, а также определяется степень влияния их материально-технической и учебно-материальной оснащенности на учебный процесс.

Ключевые слова: педагогическое образование, СССР, материальная оснащенность, материально-техническая база.

SUMMARY

Polyakova Mariya Andreevna. Material base of higher pedagogical educational institutions of the Donetsk region in 1954 – 1964

Abstract: The article examines the material base of pedagogical universities of the Donetsk region in 1954 - 1964, compares the material equipment of higher pedagogical educational institutions, and also determines the degree of influence of their material, technical and educational material equipment on the educational process.

Key words: pedagogical education, USSR, material equipment, material and technical base.

*Елена Владимировна Рочняк,
г. Горловка, ДНР*

УДК 316:72:572.08(045)

СОЦИОЛОГИЯ АРХИТЕКТУРЫ КАК АКТУАЛЬНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Когда вместе рассматриваются два понятия – архитектура и общество, несомненно, речь идет об архитектуре как о жизненной среде существования и функционирования людей, о социальных проблемах архитектуры, о взаимосвязи общества с ней. Но при этом в реальном проектировании социальные проблемы архитектуры остаются вне основной вниманием.

Архитектура говорит на языке объемных форм, объединенных в продуманную систему построения пространства, в котором живет и работает человек. Организованное пространство в свою очередь влияет на человека, строя ее отношения с людьми и природой. При этом важно, какие эстетические ощущения возникают у человека от характера архитектурного объема и его элементов (массивное, тяжелое, гнетущее или легкое, праздничное, подвижное).

Таким образом, актуальность темы продиктована, прежде всего, тем, что люди постоянно сталкиваются с опасностью – их окружают оптически агрессивные поля. При многократном действии это вызывает агрессивность и, как следствие – разного рода заболевания. В городской среде человек нередко подвергается значительным психическим и физическим перегрузкам, что безусловно не может не сказаться на состоянии его здоровья. Поэтому, данная работа является актуальной, а основная ее цель – влияние архитектуры зданий на психику людей.

М. Вильковский, кандидат социологических наук и исполнительный директор фонда содействия сохранению культурного наследия «Русский авангард» в своей книге «Социология архитектуры» показывает место социологии архитектуры в структуре общей социологии, а также

ее взаимосвязь с социологией города и системной социологией. «Социология архитектуры – пожалуй, наиболее интересная из молодых наук», – указывает он. – «Нам еще предстоит сделать массу открытий и установить множество закономерностей в механизмах того, как влияя на человека окружающие его здания и сооружения. Сейчас же речь идет лишь о первых шагах: в мире пока нет ни одной кафедры социологии архитектуры и не существует специализированного учебника по этой дисциплине» [1].

Первый вводный курс, задуманный как учебник, был предложен Б. Шеферсом (2003). Более программное предложение было раскрыто Й. Фишером и Г. Шубертом. Теоретическое сравнение на примере модернистского объекта было предложено Й. Фишером и Н. Макропулосом (2004). Первое заседание по вопросам социологии архитектуры состоялось во время конгресса Немецкого общества социологии (2005). Второе заседание «Архитектура общества. Архитектура современности с точки зрения социологических теорий» было организовано техническим университетом Дрездена (2006). Там же состоялась первая встреча рабочей группы по социологии архитектуры при Немецком обществе социологии.

Что касается «классических» авторов, основную роль в развитии социологии города после 1945 года сыграли Х.П. Бардт и Г. Кениг. За этим последовали многочисленные исследовательские проекты, но они рассматривали в первую очередь город и вряд ли саму архитектуру. Из современных ученых следует вспомнить следующие имена – социология культуры: М. Макропулоса, Й. Фишер, В. Пригге; социология города: Г. Шуберт, Б. Шеферс, Х. Хойсерман, Й. Дангшат, В. Сибель, Х. Боденшатц; гендерные исследования: К. Дерхефер, С. Франк, К. Вереш. Также другие дисциплины в той или иной степени поднимают вопросы, касающиеся социологии архитектуры (теория архитектуры, психология, литературоведение).

«Архитектура окружает нас повсюду», – считают Й. Фишер и Х. Делитц из Технического университета Дрездена. – «Мы сталкиваемся с ней каждый день, чувствуя ее постоянство и наглядность, она присутствует, когда мы делаем различные действия ... Архитектура, будучи постоянно рядом и преобладая над другими коммуникативными средствами культуры или «символическими формами», явно выделяется среди них. В своих вездесущих конструкциях она воплощает само общество, обнажая особенности отдельных его поколений, социальных классов, условий жизни и систем функционирования. Иначе обстоит дело с присутствием архитектуры в работах по социологии. Здесь архитектура подается как что-то очень понятное и близкое; социология же, в свою очередь, слишком заиклена на поиске абстрактных принципов современных процессов общественной социализации, поэтому «архитектура общества» пока не стала ключевой темой данной науки» [5].

М. Шелер и К. Мангейм изучали, в каких социальных условиях и для каких социальных групп проектировали архитекторы и как соответственно этому они описывали свои проекты, формулировали сущность теории архитектуры. Социология архитектуры рассматривает прежде всего сами здания и сооружения в городской среде и их влияние на человека, разрабатывает теоретические направления в архитектуре.

Сегодня все больше социологов работают над формулировкой объекта и предмета социологии архитектуры. Возник даже соответствующий термин – «архитектурный поворот». По этому поводу в работе современного российского социолога В. Глазичева метко сказано: «Социология архитектуры как научная дисциплина, исследующая «жизнь» архитектуры в обществе, только тогда выполняет свою задачу, когда находит ясные «мостики перехода» между уровнем общества и архитектуры в целом и уровнем конкретного проекта, конкретного задания на проектирование. Найти эти «мостики перехода» – на самом деле значит их построить...» [2]. Таким образом, в функции социологии архитектуры как науки может входить и социальный анализ тенденций в теории архитектуры, и критика в ее адрес.

Социология и архитектура взаимосвязаны. И эту связь можно рассматривать с разных точек зрения. В социологию входит ряд специальных дисциплин, а социологию архитектуры можно считать одним из разделов социологии, где основным является человек и тот организованное ею пространство, которое в свою очередь оказывает на нее непосредственное влияние.

Социология архитектуры становится действительно научной дисциплиной, то есть вырабатывает объективные знания только в том случае, если она способна множественность отдельных представлений заменить картиной истинного положения дел. Впрочем, это никогда и никому не мешает интерпретировать такую картину по-разному, и знания ничью творческую свободу ограничить не могут. Достичь такой картины можно только в том случае, если мы откажемся всегда и по любому поводу пользоваться понятием «человек»: «человеку нужно», «человек хочет», «человек не может» и т.п. Социология архитектуры не оперирует словом «человек» не потому, что теряет связь с гуманитарными дисциплинами, а потому, что для нее существуют не «люди вообще», а конкретные группы людей в различных ситуациях, чьи вкусы, интересы, предпочтения, навыки, привычки весьма значительно различаются.

Значит, для социологии архитектуры архитектура является прежде всего производством полезных пространственных структур, обладающих ценностью, то есть вызывают у разных людей оценку со знаком плюс (восхищение) или минус (недовольство всех степеней). Человек же для социологии архитектуры – создатель архитектуры и ее потребитель в самом широком смысле. Удовлетворенность трудно

измерить, недовольство – наоборот – всегда ориентирована достаточно четко (путем сравнения) и относительно измеримо. Отсюда вполне естественно, что социология архитектуры интересуется прежде всего всеми формами неудовлетворенности, которое возникает в контакте людей с архитектурой, интересуется изменением этих форм, так как именно изменение форм неудовлетворенности является очень точным показателем прогресса в культуре, ибо недовольство как зеркало отражает потребность – уже осознанную или такую, что еще только смутно ощущается.

Архитектура может выступать как средство отражения социальных процессов. С помощью социологии архитектуры можно анализировать архитектуру как материальную среду, в которой находится и живет человек. Архитектор не в состоянии определить все вкусовые различия и потребности людей, которые могут варьироваться в зависимости от стиля жизни, пола и возраста, профессии, типа хобби, национальных традиций или состава семьи. Эти вопросы под силу решить социологии архитектуры, так как для этого необходимы специальные исследования, на основании которых можно выявить принципиальные типы потребностей и сгруппировать их.

Но возникает вопрос, как без специальной социологии архитектуры мастера прошлого создавали неоспоримые шедевры? Видимо, они не только в совершенстве знали потребности каждого конкретного заказчика, но и работали в обозримом пространстве и ясно представляли себе численность людей.

Ряд архитектурных объектов, условно объединенных под общим понятием «большая архитектура» – это те примеры архитектуры, которые принято называть архитектурой, имеющей «самостоятельную волю».

Одним из шедевров «великой архитектуры» признан Стоунхендж. «Восьмое чудо света» Стоунхендж был возведен на рубеже каменного и бронзового веков, за несколько столетий до падения гомеровской Трои. Стоунхендж уникален. Во всем мире нет ничего подобного этим суровым руинам. Это – таинственный древний памятник, вокруг которого существует много мифов и легенд. Его назначение ставит в тупик из-за его значительного возраста. Было ли это место жертвоприношений? Служил ли он для астрономических измерений? Было ли это просто место для встреч при лунном свете с любимыми? Не осталось никаких сообщений. Не осталось никакого, в чьей памяти сохранилось бы что-то про Стоунхендж. Он пережил предыдущие катаклизмы благодаря тому, что расположен на скалистой основе и тщательно выбранное расположение камней. Существует миф о том, что Стоунхендж был сооружен по приказу короля, который проживал на Земле так давно, когда люди только появились. Однако сооружение было предназначено для людей, которые существовали на тот момент.

Это подсознательное послание, содержащее садистское обращение и влияние на тех, кто будет принесен в жертву. Люди должны смотреть на Стоунхендж и представлять отчаянные усилия невинного, лежащего на столе под ножом. Стоунхендж был построен для того, чтобы выполнить то назначение, которое в него заложили создатели, – самым проникнуть в подсознание человечества, сделав его беспокойным.

Таким образом, несмотря на свою простую планировку, Стоунхендж производит значительное впечатление. Во всяком случае, какими бы мотивами не руководствовались строители Стоунхенджа, их детище оказалось чудом. Столь же сложный, как целый комплекс астрономических инструментов, и в то же время столь простой с архитектурной точки зрения, тонкий и сложный по своим функциям Стоунхендж порождает трепет и является воплощением гениального замысла.

Можно отметить еще один шедевр архитектуры – Эфес, город третьего чуда. Эфес – что переводится, как «желаемый», был построен в заболоченной пойме, и хотя за шестьсот лет стал достаточно крупным портом и торговым центром, никаких значительных сооружений возвести на болоте до того никому не удавалось. Кносский архитектор Херсифрон, несомненно, был гением – его решение оказалось простым и неожиданным. Строить он предложил на болоте – мягкий грунт должен был защитить храм от подземных толчков. А чтобы большое здание не пошло в землю под собственным весом, под фундамент укладывалась специальная многометровая подушка из древесного угля и шерсти. Проект Херсифрона безоговорочно победил на конкурсе, и Крез тут же заказал для будущего храма сотню резных колонн и золотые статуи коров – священных животных Артемиды. Храм, строившийся на века, не простоял даже тех ста лет, что ушли на его постройку.

Для христианского мира название Эфес связано с именами Девы Марии и апостола Иоанна: город был их последним пристанищем. Апокрифы повествуют о том, как Мария и Иоанн сбежали из Иерусалима, как слонялись, и как нашли убежище в Эфесе. Других доказательств пребывания Девы Марии в этих местах, кроме библейского свидетельства не было. Но не было и нужды в подкреплении перевода. На сегодняшний день остались только руины древнего города. Но под ними скрыты величайшие памятники римского периода, которые имеют особое значение для общества. Чудо этого места в том, что люди приезжают сюда и меняются.

Еще один образец «великой архитектуры» – римский Пантеон – грандиозное сооружение античного Рима, дошедшее до нас из глубины веков. Удивительным является тот факт, что храм, построенный из обожженного кирпича и бетона, очень хорошо сохранился. В переводе с древнегреческого «пантеон» означает «все боги». Грандиозный купольный храм с обширным портиком, Пантеон, расположенный на

одной из площадей Рима, обрамленный паутиной маленьких улочек и переулков. Окружающие храм жилые многоэтажные дома создают контраст с архитектурным масштабом Пантеона. Храм кажется сооруженным для каких-то особых, высших целей, не имеющих никакого отношения к повседневной жизни человека. Строительство храма было полностью закончено при императоре Адриане за период с 110 по 117 год. Зодчим, что соорудил Пантеон считают Аполлодора, но, видимо, в создании его как архитектор принимал участие сам император Адриан. Человек входил в храм не просто смертным, а триумфатором, равным императорам и богам. Он, только вступая под портик храма, уже чувствовала себя другим. А попадая в Пантеон, он должен полностью преобразиться. Перед ним было огромное, единое и цельное пространство. Оригинальность куполу придавал оставленное в центре отверстие диаметром 9 метров. Через него в храм проникали дневной свет и воздух. Солнечные лучи, проникающие сквозь это отверстие, создавали внутри абсолютно фантастическую картину. Таким образом, отгораживая человека от мира земного с его страстями и суетой, Пантеон открывал ему путь в небеса. Даже много столетий спустя никто из архитекторов не смог построить купол такой величины. Пантеон – это образ всего мироздания: и подземного сумрака, и земного света, и небесного сияния. Истинные размеры храма постигаются лишь по сравнению с человеком. В Пантеоне каждый мог ощутить себя божеством, приобщиться к вечности. Не нужно было знать ни каких религиозных догм. «Храм всех богов» стал храмом всему миру, всей существующей бессмертной и вечной природе. Наверное, величие Пантеона, открывавшее человеку его духовные глубины, и стало причиной его долгой жизни. Он остался единственным античным храмом, не разрушенным и не испорченным в Средневековье.

Другим примером является Храмовый комплекс Ангкор Ват. Он расположен в джунглях на территории современной Камбоджи, и это уникальный памятник древней цивилизации кхмеров. Это одно из крупнейших архитектурных сооружений Юго-Восточной Азии. В районе города Сиам Рип на территории в 230 км среди джунглей расположено около 50 древних храмов и памятников IX-XIV веков. Все они выполнены в различных уникальных архитектурных стилях, имеющих разную историю и посвященных различным богам и религиям – индуизму и буддизму. Город Ангкор, именем которого сейчас называется комплекс храмов, был столицей Империи кхмеров с VII по XV века. Этот период был невероятно успешным для Королевства, и до этого дня, Ангкор является символом былой славы, процветания и могущества. Это один из самых крупных храмовых комплексов в мире. Король кхмерской империи Сурьяварман затеял его строительство, чтобы после смерти туда был помещен его прах. Так что назначение у Ангкор Вата то же самое, что и у египетских

пирамид. Ангкор, по представлениям кхмеров – это модель Вселенной. Здесь вся структура, расположение храмов и каждая деталь подчинены законам космологии. Старинные кхмеры верили в космическую силу точного расчета: математический порядок в структуре храма приводит к гармонии Вселенной. Поэтому в Ангкоре нет ничего случайного.

Кхмеры переняли в Индии концепцию «храма-горы» и настолько удачно смогли применить ее в своем строительстве, что сейчас эта технология ассоциируется именно с архитектурой кхмеров. Храм-гора всегда символичен. Миф о горе Меру как центр каждого храма вышел из индуистской и буддистской мифологии. Мир – это пространство в самом центре Вселенной, выше которого – рай, небеса с многими ступенями, что ведут к нирване. Ниже – ад, тьма. Гора Меру отделяющую землю от небес и была самым центром мира и космоса. Шесть концентрических горных цепей окружали Меру, разъединявшиеся шестью морями. А за их пределами простирался необъятный Океан Бесконечности. Говорят, что по силе впечатления, которое Ангкор производит на людей, ему просто нет равных в мире. В Ангкор-Вате сплелись в одно целое мистика и реальность, люди и мифические существа. Он остается уникальным памятником древней цивилизации, символом былой славы, процветания и могущества.

Относительно выдающихся шедевров европейской архитектуры, то это, бесспорно, Собор Парижской Богоматери. Нотр-Дам де Пари был заложен в 1163 г., но его строительство продолжалось в течение нескольких столетий – до XIV в. Собор Нотр-Дам в Париже ответил возросшему политическому значению города как столицы государства и завершил первый этап развития готического стиля. По определению великого французского писателя Виктора Гюго, парижский кафедральный собор – «огромная каменная симфония, колоссальное творение и человека и народа ... Чудесный результат соединения всех сил целой эпохи, где из каждого камня брызжет принимающая сотни форм фантазия рабочего, направляемого гением художника ... [4, с. 56]».

Как и в других готических храмах, в Нотр-Дам-де Пари нет настенной живописи, и единственным источником цвета в однообразно-сером интерьере являются многочисленные витражи, вставленные в переплеты высоких стрельчатых окон. Солнечный свет, проникая через них, заливает храм целой радугой оттенков. Эта игра света смягчает однотонность постройки и придает интерьеру собора феерическую роскошь и вместе с тем таинственность.

Здесь сочетаются черты романского и готического стилей. Массивные башни фасада характерны для романской архитектуры, в то время как крестовое свод, опирающийся на арки, использование аркбутанов и контрфорсов, стрельчатых арок и множества окон – черты, присущие готическому искусству. Нотр-Дам де Пари буквально поражает своими великолепными башнями, колокольней, галереями,

витражами и украшенными статуями порталами. Огромное количество легенд связано с парижскими соборами и, прежде всего с собором Нотр Дам. Приверженцы эзотерических учений утверждают, что архитектура и символика собора Нотр Дам – это своего рода зашифрованный свод оккультных учений. Начиная с XVII века различные исследователи – Гобино де Монлюизан и Камбриель, а уже в нашем веке – Фульканелли и Амбелен с большей или меньшей убедительностью раскрывали тайный смысл символика Нотр Дама.

К примерам архитектуры, имеющих «самостоятельную волю» можно отнести испанские дворец Альгамбра и сады Хенералифе, музей Гуггенхейма в испанском Бильбао, нью-йоркские Эмпайр-Стейт-билдинг и здание корпорации «Крайслер», пекинский «Запретный город», вашингтонский Мемориал ветеранов Вьетнама, Культурный центр Жана-Мари Тжибау в Новой Каледонии, Сиднейский оперный театр, мексиканский Храм Пресвятой Девы Гваделупской, индийский мавзолей-мечеть Тадж-Махал, Купол Скалы.

Архитектура тесно связана с человеком, и с природой. Она является искусством трехмерного пространства и воспринимается не только при созерцании формы, конструкции, объема, но и в практическом использовании постройки. Архитектура имеет свой, присущий только ей язык художественного выражения, язык форм, соотношений объемов, взаимодействующих с окружающей средой.

Архитектура не изображает действительность и не воспроизводит ее, а сама создает реальность, материальная среда, в которой находится и живет человек и никакая иная человеческая деятельность эту функцию выполнить не может. На эстетическое восприятие архитектурного объекта влияет разнообразие горизонтально или вертикально расположенных элементов, монотонно или разнообразно скомпонованных. Важное композиционное средство – пропорции – отношения по высоте, длине и ширине. Архитектура подчинена законам симметрии и асимметрии, ритму – это все проявление «золотой пропорциональности», вызывающее у человека определенное настроение, переживания, восприятия объекта.

Архитектурные сооружения, прежде всего, отражают характер эпохи, а архитектура адресована широкому слою населения, влияя на общий уровень эстетического сознания. Несомненно, что городская среда и планировочные решения в том числе способны влиять на эмоциональное состояние и психические особенности человека. В частности, это мнение акцентируется в работе Н. Градовой [3], в которой устанавливается, что изменение архитектурно-планировочных решений жилых поселений способно влиять на формирование и развитие новых, отличных от общепринятой для данного этноса нормы, психологических качеств у большого количества людей. Оно ведет к изменению поведения, характера размышлений, эмоционального состояния. Следовательно,

нужен не только и не столько архитектурный надзор, но и скрупулезная работа психологов совместно с архитекторами при разработке генпланов развития городов, выбора и воплощения в жизнь стилей и направлений. Необходимо сознательно выбирать архитектуру, ее стиль и тенденции развития. Это требует дополнительных исследований в области социологии и политической психологии. Благодаря совместным усилиям архитекторов, психологов и социологов, можно создать оптимальную зрительную среду, опираясь как на субъективные ощущения человека, так и на фундаментальные законы архитектуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вильковский М. Социология архитектуры [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.forma.spb.ru/archiblog/2010/01/28/book-sociologia/>
2. Глазычев В. Социология архитектуры – какая и для чего? [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://viperson.ru/wind.php?ID=273265>
3. Градова, Н. Архитектура , психология , политика. [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://www.psychology.spb.ru/articles/tez/2000/b9.htm>
4. Гюго, В. Собор Парижской Богоматери. – М.: Худ.лит, 1988.
5. Делитц, Х. Архитектура в социальном измерении [Электронный ресурс] – режим доступа: <http://dlib.eastview.com/browse/doc/19225138>

АННОТАЦИЯ

Рочняк Е.В. Социология архитектуры как актуальное направление современных антропологических исследований.

В статье раскрываются некоторые аспекты феномена архитектуры в социологическом измерении. Автор приходит к выводу, что архитектура тесно связана с социологией, а социология, в свою очередь, способна помочь развитию архитектурной деятельности и создать совместными усилиями оптимальную городскую среду.

Ключевые слова: материальная среда, эстетическое восприятие, отражение социальных процессов, психологическое влияние.

SUMMARY

Rochnyak E.V. Sociology of architecture as the current direction of contemporary anthropological research

The article describes some aspects of the phenomenon of architecture in the sociological aspect. The author concludes that the architecture is closely related to sociology and social anthropology, and they, in turn, can help the development of architectural activity and create a jointly optimal urban environment.

Key words: material environment, aesthetic perception, reflection of social processes, the influence to the psyche of people

Виктория Александровна Смородина,

г. Горловка, ДНР

Оксана Владимировна Коротун,

г. Горловка, ДНР

УДК 622.012.2+669.013(09)(477.62)

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ОТРАСЛИ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА

В нашем регионе металлургия развивалась так же, как и угольная промышленность – быстрее, чем в других районах Российской империи (Урал, Центральный район). С развитием тяжелой промышленности в России, ей требовалось все больше угля и железа. Бурное железнодорожное строительство, необходимость технического оснащения промышленности вызвали повышенный спрос на металл. Для удовлетворения спроса требовалось создавать металлургические предприятия. Российское правительство неоднократно пытался организовать металлургическое производство на юге страны. Однако, как известно, начальный период формирования металлургической промышленности Юга России на основе применения отечественных капиталов оказался крайне неудачным.

В 1866 г. правительство передало концессию на строительство рельсового завода князю С. Кочубею. Однако, у того не оказалось необходимого капитала, и права на концессию за 24 тыс. фунтов стерлингов в 1870 г. у него выкупил английский предприниматель, директор Мильвольского завода в Лондоне, Джон Юз. Он же выкупил металлургические заводы, построенные в 1869 г. отечественным предпринимателем С. Поляковым (на их основе в будущем английским предпринимателем Дж. Юзом было создано акционерное Новороссийского общества каменноугольного, железного и рельсового производств), которые оказались убыточными и довольно быстро обанкротились. Однако достаточные объемы иностранных инвестиций, передовые технологии производства, импортное оборудование и применение современных методов управления, которые появились здесь позднее, превратили их на эффективное и высокодоходное производство.

Особенно в этой связи необходимо отметить разного рода правительственные льготы и субсидии, позволившие уже на начальном этапе сделать производство высокодоходным. Так, во время образования 1875 г. «Новороссийского общества каменноугольного,

железнодорожного и рельсового производства» Джона Юза царское правительство обязывалось:

1) отдать «обществу бесплатно нужны для рудников отводы из неосвоенных собственных государственных земель с каменноугольными залежами, если такие земли окажутся и будут найдены обществом вблизи или на самой линии Харьковско-Азовской железной дороги»;

2) подарить обществу как субсидии в течение 10 лет (с дополнительным условием, «высочайше» утверждена 24 апреля 1870 г., эта субсидия была назначена на 12 лет и определена заем на сумму 500 тыс. руб.) премию 50 коп. с каждого пуда рельсов, произведенных на заводе обществом и принятых управлением железных дорог, но на количество не более 300 тыс. пудов в год;

3) предоставить обществу право беспошлинного доставки из-за границы всех предметов, нужных для постройки и начального действия заводов и рудников» [30, с. 166].

Кроме того, общество добилось от правительства ссуды в 500 тыс. рублей для проведения 25 верст железнодорожного пути от завода до Константиновской железной дороги (подряд на строительство которой Юз получил по явно завышенной цене). Выдающийся чиновник Министерства путей и сообщения О. И. Дельвиг, хорошо знавший основу дела, писал, что «министр согласился на строительство железной дороги на предложенном в первом договоре Юзом *maximum* протяженности и *maximum* возвратной стоимости». Вместе с этими опосредованными дотациями Новороссийское общество получило также один из первых неуставных займов Государственного банка [18, с. 47-48].

В 1869 г. Юз поселился на хуторе помещицы Смоляниновой. А в августе 1870 г. развернулись строительные работы на заводской площадке по сооружению металлургического завода, который способствовал преобразованию со временем небольшого окружающего индустриального поселка Юзовка в город. Оборудование для предприятия и угольных шахт без уплаты пошлины (еще одна льгота российского правительства) было завезено из Великобритании [3, с. 31]. Можно согласиться с мнением авторов книги «Юз и Юзовка»: «Собственно, после строительства металлургического завода им в 1869 г. и начинается история Донецка как города» [36, с. 15].

Два года ушло на строительство первой домны. 13 апреля 1871 г. печь была запущена, но через три дня она остановилась после того, как выяснилось, что поддерживать необходимую температуру невозможно. Понадобилась серьезная перестройка домны. Не опустив руки, Дж. Юз добился оптимального режима работы оборудования, значительного улучшения состава шихты. Но главный его успех заключался в том, что впервые в России при производстве металла использовали минеральное топливо – кокс. Повторно домну запустили 24 января 1872 г., когда было получено первое регулярную выплавку чугуна. С тех пор завод

непрерывно работал [22, с. 78-79]. Здесь производили чугун, рельсы, листовое железо, сталь, прутковый металл и др. Рельсовый завод на протяжении 1873-1887 гг. вообще был единственным предприятием на Юге Российской империи, где изготавливалась продукция из стали местного происхождения.

В 1899 г. Юзовский завод выплавил уже 17,7 млн пудов чугуна. На территории поселка работало 9 рудников, которые в том году добыли 99,2 млн пудов угля. Предприятие было оснащено вальцовочными станками мощностью 1400 лошадиных сил, а также подвижным парком, к которому принадлежали 15 паровозов и 35 прицепов для транспортировки угля [27, с. 309]. С 1897 г. этот завод работал с полным металлургическим циклом, занял первое место по производству чугуна в Российской империи; он также входил в число крупнейших производителей стали. До начала XX в. в его составе функционировало 7 доменных и 10 мартеновских печей, 14 прокатных клетей [25, с. 8-9].

Объем выпуска основной продукции всех заводов Новороссийского общества ежегодно рос быстрыми темпами. С 1873. в 1878 г. выплавка чугуна выросла с 487 до 1470 тыс. пудов, качественного железа – с 19,5% до 153 тыс. пудов. Производство рельсов за этот период выросло в 4,2 раза [15]. Оценивая реорганизацию и рост экономической мощности на предприятиях Дж. Юза, тогдашние исследователи отмечали: «Заводы Юза были ... первым предприятием для эксплуатации угольных залежей и переработки металлов, которому удалось сразу стать на твердую почву» [4, с. 204]. Высокая эффективность этих предприятий была обусловлена также диверсификацией производства, в основу которой был положен принцип вертикальной интеграции. Подразделениями металлургического завода стали кирпичный, трубный и модельный заводы, 33 коксовые печи и 3 каменноугольные шахты.

Следует отметить, что диверсификация была характерной экономической чертой большинства предприятий, основанных на иностранном капитале. Так, в состав Южнорусского днепровского металлургического общества со смешанным российско-бельгийско-немецким капиталом входили металлургическое, машиностроительное и судостроительное предприятия [24, с. 68]. Применения иностранными предпринимателями новейших для того времени методов организации производства (диверсификация и комбинирование производства) предприятия сделало более устойчивыми к колебаниям конъюнктуры рынка и запросов конкурентного соперничества.

Продукция Новороссийского общества пользовалась большим спросом как внутри страны, так и за рубежом, что подтверждалось золотой медалью Всероссийской промышленной выставки 1882 г., государственным гербом Всероссийской промышленной и художественной выставки 1896 г. в Нижнем Новгороде и гран-при Всемирной выставки в Париже 1900 года. Символом выставочного

павильона Новороссийского общества в Нижнем Новгороде стала «пальма Мерцалова» высотой 5 м и весом 325 кг, которая была изготовлена из рельсовой стали в Юзовке мастерами Алексеем Мерцаловым и Филиппом Шкариным. Она имела 10 широких листьев и венки сверху [29, с. 23]. Это произведение в итоге стал одним из элементов герба современного Донецка.

В 1858 г. на месте современного Енакиево было открыто Софиевский каменноугольный рудник (в 1864 г. добыто 225 тыс. пудов угля) рядом с построенным в 1862 г. казенным чугуноплавильным заводом, названным Петровским в честь Петра I. Руководство горными работами и строительством предприятия было доверено Аполлону Мевису – горному инженеру, одному из основателей металлургической промышленности Юга Российской империи. Но из-за недостатка финансирования завод вскоре закрыли. Впрочем, в 1895 г. инженер путей сообщения Федор Енакиев и несколько бельгийских предпринимателей основали Русско-бельгийское металлургическое акционерное общество, которое начало строительство нового Петровского металлургического завода вблизи поселка Федоровка. С началом работы этого предприятия 1897 г. для его нужд были заложены мощные угольные рудники: Веровский, Жуковский, Бунге. Поселки, выросшие вокруг завода и шахт, в следующем году объединились и были названы именем одного из основателей Русско-бельгийского общества, – Енакиево. В начале XX в. у города появился также коксохимический завод, а Петровский металлургический занимал 3-е место по объему производства среди предприятий Юга России [26, с. 255-256].

Немалый вклад в развитие металлургии Донбасса принадлежит Лисичанску. В 1870 г. здесь был пущен чугуноплавильный завод. В течение 1870-1872 гг. под руководством горного инженера И. Зеленцова был освоен доменный процесс плавки железной руды на минеральном топливе. Приоритет лисичанских доменщиков признали даже иностранные специалисты. В тот период в Лисичанске действовали большие казенные шахты «Капитальная» и «Дагмара». Вместе с частными рудниками вблизи сел Рубежного и Приволье до конца XIX в. сложился большой угледобывающий Лисичанский район. В 1873 г. в городе было открыто штейгерскую школу, что сыграло важную роль в подготовке горных специалистов для Донбасса и других угольных бассейнов [19, с. 176].

В начале 1880-х гг. И. Иловайский начал сооружение труболитейного завода в слободе Макеевка на базе перевозимой с с. Зуевки ремонтно-механической мастерской. В конце XIX в. все окрестные шахты (16 шахт потомков И. Иловайского, составлявших настоящий угольный комбинат) и заводские предприятия составляли Макеевский горный район. Со строительством металлургического завода общества «Унион» близ слободы Макеевка 1892 г. основан рабочий поселок Дмитриевск,

которое стало торгово-промышленным и культурным центром для окрестных поселений (в 1931 г. Дмитриевск переименовали в Макеевку) [21].

Для развития металлургической промышленности на Донбассе стали переломными 1890-е гг – время интенсивного железнодорожного строительства и промышленной эксплуатации Криворожского железорудного бассейна. Тогда же было основано большие Дружковский (1894), Донецко-Юрьевский в Алчевске (1896), Петровский в Енакиеве (1897), Никополь-Мариупольский (1897), «Русский Провиданс» в Мариуполе (1898) и Макеевский (1899) металлургические заводы. Сюда же следует отнести открытие Ольховского недалеко от Луганска, Кадиевского и Краматорского заводов.

Особенностью этих предприятий был высокий как для своего времени технический уровень производства, поскольку с самого начала они строились с учетом технико-технологических нововведений. Прежде всего, заметно выросли размеры доменных печей, что привело к увеличению их производительности. На новых заводах Донецкого бассейна строились домны высотой 23-24 м, вместимостью – до 380 куб. м, выплавка которых за сутки достигала 15 тыс. пудов [14, с. 626-627].

С середины 90-х гг. XIX в. ускоренными темпами происходил процесс основания акционерных обществ, которые поставили своей целью строительство металлургических заводов. Первым был Дружковский завод Донецкого общества железообрабатывающего и сталелитейного производства. Его первая доменная печь была задута 12 мая 1894 г., и по своей производительности была одной из крупнейших в России. Завод работал по полному металлургическому циклу и до конца XIX в. вошел в число крупнейших предприятий страны [17, с. 16].

14 мая 1896 г. была заложена первая доменная печь Донецко-Юрьевского металлургического завода, расположенного близ станции Юрьевка. Ровно через год после начала работ по ее сооружению доменная печь дала первую успешную плавку [6]. Значительная часть оборудования завода была приобретена в Бельгии и Германии и по своим характеристикам принадлежала к последним образцам западноевропейской техники [7]. До начала XX в. это предприятие вошло в число пяти ведущих предприятий страны [13, с. 87].

Даже в последнем году XIX в. продолжалось строительство мощных промышленных объектов. В 1899 г. стал в строй Макеевский металлургический завод Генерального общества чугуноплавильных и сталелитейных заводов в России. В том же году дал первый чугун Кадиевский завод Южно-Российского Днепровского металлургического общества. На заводе Новороссийского общества состоялась реконструкция – количество доменных печей удвоилось. В 1899 г. на Юге России работало 34 доменные печи, которые выплавляли

до 87,7 млн. пуд. чугуна. Данные таблицы 1 показывают динамику роста количества доменных печей в регионе. В течение десяти лет их количество возросло в 5,7 раз. С 1896 г. по 1897 г. этот процесс был особенно интенсивным (прирост составлял 8 печей).

Таб. 1

Увеличение количества доменных печей

Год	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899
Количество печей	6	8	9	11	12	13	13	13	17	25	30	34

Данные указаны согласно источникам 8 и 9 из списка литературы.

Данные таблицы 2 свидетельствуют о росте в 16,5 раз плавления чугуна на минеральном топливе (в млн. пуд.):

Таб. 2

Рост плавления чугуна на минеральном топливе

Год	1888	1889	1890	1891	1892	1893	1894	1895	1896	1897	1898	1899
Чугун (в млн. пуд)	5,3	8,7	13,2	15,2	17	19,9	27,1	33,7	39	46,2	60	87,7

Данные указаны согласно источникам 8 и 9 из списка литературы.

Исследование научной литературы по проблемам индустриализации Российской империи показывает, что практически все металлургические предприятия, построенные в конце XIX в., не обходились без иностранного капитала. Известный немецкий исследователь В. Витчевский, анализируя экономическое развитие нашей страны во второй половине XIX – начале XX в., объяснял значительный рост металлургической промышленности на территории Украины главным образом притоком иностранных капиталов [4, с. 216–217]. Такого же мнения придерживается современный отечественный ученый И. Довжук, утверждая, что именно благодаря иностранному капиталу в металлургии стало возможным применение передовых технологий, использование европейского опыта, что одновременно с комбинированием производства позволили в период 1885-1900 гг. увеличить выплавку железа и стали в Донецко-Приднепровском регионе в 27 раз [12, с. 33]. На юге были крупнейшие доменные печи новейшей конструкции, работавшие с применением горячего доменного дутья. Новая техника и передовая технология – бессемеровские и томасовские конвертеры, мартеновские печи и др. – нашли с самого начала свое применение и в сталелитейном производстве Юга. В результате, начиная с середины 1890-х годов, юг России начинает опережать Урал и выдвигается на первое место в общероссийской металлургической промышленности.

После промышленного подъема 90-х гг. в начале XX в. во всем мире произошел глубокий экономический кризис. Это был кризис перепроизводства, связанный с циклическим характером развития рыночной экономики. Мировой экономический кризис 1900-1903 гг. охватил различные отрасли промышленности, прежде всего каменноугольную, металлургическую и железорудную. Завоз металла из-за границы приостановился. Если в конце XIX в. Российская империя ежегодно завозила около 7 млн пуд. чугуна, то в 1903 г. его импорт сократился до 0,8 млн пуд. [28, с. 93].

На XXV съезде горнопромышленников Юга России было принято решение о проведении заседания по поводу тяжелого финансового и экономического положения в металлургической промышленности. На это время было закрыто несколько заводов, шесть доменных печей, сократилось производство металла,росло число безработных [10].

В Донбассе значительную роль играли государственные заказы, поэтому влияние кризиса несколько смягчалось. Производство чугуна сократилось на 14,4%, количество доменных печей сократилось с 29 в 1900 г. до 24 в 1902 г. и 23 – в 1903 г. Количество рабочих в металлургической промышленности уменьшилась с 42,3 тыс. чел. в 1900 г. до 33,5 тыс. чел. в 1903-м. Цены на главные металлические изделия снизились на 27...50 %. [24, с. 318-325].

На Юге России в 1901 г. работало более половины доменных печей, в 1902 г., во время обострения промышленного кризиса, количество действующих доменных печей сократилось до 41 %, а в 1903 г. снова выросла, но все равно составила 56 % от общего количества. В 1903 г. выплавка чугуна на южнорусских заводах составила 56 % от общего объема чугуна, который выплавлялся на заводах пяти главных промышленных районов Европейской России. Реальная же цифра выплавки чугуна в этом году составила 43% потенциальных возможностей чугуноплавильных заводов региона. И даже при этом в 1903 г. выплавка чугуна на южных заводах более чем вдвое опередила уральские заводы [11].

Во время мирового экономического кризиса 1900-1903 гг. интенсивно происходил процесс концентрации промышленности. Металлургическая промышленность отмечалась высоким уровнем концентрации. В 1901 году на 12 больших южных металлургических заводах было сосредоточено 96% всех рабочих металлургии региона [5, с. 44-56]. Производство было сосредоточено на 16 доменных и пяти перерабатывающих заводах [33, с. 12-13]. В 1900 году пять крупнейших металлургических заводов Надднепрянской Украины (Юзовский, Днепровский, Александровский, Петровский и Донецко-Юрьевский) выплавливали 49% всего чугуна этого региона и более 25% общероссийского объема. 12 из этих заводов были предприятиями полного металлургического цикла, то есть производили чугун, сталь и

прокат. Заводы работали достаточно стабильно, каждый год наращивая объемы выпуска металла. Если в 1900 г. выплавка составила 91,9 млн., то в 1913 г. – 189,7 млн. пудов чугуна и выпуск 73,8 и 141 млн. пудов железа и стали соответственно [31, с. 120].

Одновременно с концентрацией производства происходит рост банковского капитала, который сосредотачивается в нескольких банках-гигантах, возникают банковские монополии. Усиливается проникновение банковского капитала в промышленность, сочетание монополистического банковского капитала с промышленностью обуславливает появление финансового капитала, новой формы капитала, типичной для эпохи империализма [1, с. 119-120].

В начале 1900 г. такое сращение было характерным для некоторых банков и акционерных обществ. Так, например, Финансовая группа Генерального общества (Париж) была основателем Генерального общества чугуноплавильных заводов в России с основным капиталом в 6 млн руб. Российский банк внешней торговли и Бельгийское генеральное общество были основателями Екатеринославского горнопромышленного общества с основным капиталом в 1 875 тыс. руб. Финансовые связи объединяли Азовский банк и Донецкое общество (4 500 тыс. ребр.), а также были финансовые отношения между Азовско-Донским банком и Верхнеднепровским металлургическим обществом (2 250 тыс. руб.) [35, с. 43-44]. Банки превращались в монополистов, которые владели капиталом, производством и источниками сырья.

Высокий уровень концентрации металлургической промышленности привел к возникновению монополий. В начале XX в. начали появляться акционерные общества, представлявшие собой монопольные общества, которые обеспечивали продажу металлических изделий по монопольным ценам. В 1901 году на XXVI съезде горнопромышленников Юга России встал вопрос о создании синдиката в форме объединения агентств всех металлургических заводов этого региона. В 1902 году был утвержден устав Общества для продажи изделий русских металлургических заводов [33, с. 12-13]. Ядром синдиката «Продамет» были заводы Донецко-Приднепровского региона, а также в него входили заводы Польши, Центральной России, Урала.

Деятельность «Продамета» была направлена на получение максимальных прибылей. «Продамет» вел активную борьбу за повышение цен, уменьшение производства, за главенство на рынке. Контрагент передал обществу исключительное право на продажу изделий и получал долю участия в заказах. Участники монополии вели жестокую борьбу за квоту. Шесть обществ: Южно-Русское Днепровское, Русско-Бельгийское, Новороссийское, Донецко-Юрьевское, Брянское и Донецкое имели общую квоту больше половины (52,23%). «Продамет» объединил продажу 80% листового и универсального железа, 90% швеллеров и балок, более 70% бандажей [28, с. 95]. В

1910 г. «Продамет» объединил 30 крупных предприятий и акционерных обществ металлургической промышленности с основным капиталом (в российской валюте) примерно 174 млн руб. с производством в 255 млн руб. и количеством рабочих — 85 тыс. чел. В 1912 году, когда чувствовалось промышленный подъем, «Продамет» уже представлял собой общероссийскую монополию, он удерживал командные позиции на многих рынках, устанавливал единые монопольные цены. Синдикат осуществлял продажу сортового, листового и универсального железа, балок, швеллеров и бандажей, железнодорожных рельсов. «Продамет» монополизировал более чем 4/5 всей металлургической промышленности России [32, с. 401-402].

Синдикат «Продамет» был наиболее значительной монополией в России. Он занимал ведущее положение во всех отраслях черной металлургии и диктовал свои цены на металлы и государству, и частным потребителям. «Продамет» был образцом, по которому создавались и действовали монополии в других отраслях промышленности [23, с. 7]. «Продамет» было основано для торговли, как указано в Уставе, «чугуном, сталью, железом и всякого рода изделиями металлургической промышленности как за собственный счет, так и по поручению» [там же, с. 121].

В 1902 году был организован синдикат казенных предприятий для продажи специальных чугунов, в состав которого вошли шесть южных заводов: Донецко-Юрьевский, Днепровский, Новороссийский, Ольховский, Российско-Бельгийский и Александровский. Он обеспечивал 90% производства специальных чугунов [35, с. 64]. Большой синдикат по продаже железных труб «Трубопродажа» был создан тоже в 1902 году. Он объединил 10 российских заводов, среди которых были два на Юге России: Никополь-Мариупольский и Таганрогский. Синдикат «Трубопродаж» обеспечивал почти 100% продаж газопроводных, водопроводных и нефтепроводных фабричных труб [28, с. 95-96]. Общероссийский синдикат «Гвоздь», созданный в 1903 г., впоследствии объединил 32 заводы, среди них был Дружковский завод. Синдикат продавал проволоку и гвозди [35, с. 65].

Деятельность синдикатов была направлена на получение максимально высоких доходов, на снижение производства, на удержание высоких цен. Искусственно создавая «металлический голод», монополисты получали максимальные прибыли. Несмотря на падение цен во время кризиса 1900-1903 гг., заказы казны выдавались на несколько лет вперед с неизменными расценками. Этой практики придерживался правительственный Комитет по распределению заказов на рельсы, скрепления и подвижной состав для железных дорог, созданный в 1902 году. Пять металлургических предприятий Приднепровья (Российско-Бельгийского, Новороссийского, Донецкого, Брянского и Юго-Российского и Днепровского обществ) получали до

70% казенных заказов. Такая политика правительства гарантировала этим предприятиям большие прибыли, поэтому предприниматели и в дальнейшем считали выгодным идти путем казенных заказов, а не удовлетворять внутренний массовый рынок, который не был прибыльным [34, с. 56-57].

После промышленно-экономического кризиса 1900-1903 гг., который повлиял на различные отрасли промышленности и снизил темпы ее развития, в 1904 г. произошло оживление южной промышленности. Начало Русско-Японской войны способствовало усилению спроса на минеральное топливо, металл и металлические изделия. Произошло дальнейшее оживление промышленной деятельности, но вскоре ситуация изменилась. Война ухудшила состояние государственных финансов и денежного обращения, что было важным условием развития промышленности и привлечения иностранных капиталов. Революционные события 1905-1907 гг., забастовки, нестабильная политическая ситуация в стране – все это негативно сказалось на основных отраслях. Из-за мирового промышленного кризиса 1908-1909 гг. в металлургической отрасли наблюдался подавленное состояние, которое улучшилось и сменился промышленным подъемом 1910-1913 годов.

Фактическая монополия на чугунном рынке для синдицированных заводов Юга России была обусловлена политикой банков, связанных с железнодорожными синдикатами. Имея в своих руках важнейшие финансовые рычаги управления, банки сознательно не допускали притока капиталов в металлургическую промышленность для строительства новых предприятий. Объемы производства чугуноплавильной промышленности отставали от развития экономической жизни России. В 1910 году, по данным статистического бюро Совета съезда горнопромышленников Юга России, увеличилось количество импортного металла и металлических изделий, например, чугуна было вывезено 17,2 тыс. пуд., а завезено 187 тыс. пуд., вагонов, соответственно, было вывезено 23, а завезено 121. Количество рабочих на металлургических заводах Приднепровья выросло с 38,6 тыс. чел. в 1904 г. до 65 тыс. чел. в 1914 г. [28, с. 98].

В 1913 г. пять крупнейших заводов (Юзовский, Днепровский, Александровский, Петровский и Донецко-Юрьевский) давали уже 55% объема выработки чугуна в Приднепровья и почти 37% общероссийского [2, с. 11]. Кроме того, вследствие применения передовых технологий энерговооруженность каждого металлургического предприятия Приднепровья была в среднем в 42 раза, а каждого рабочего – в 23 раза выше, чем на Урале. Вследствие этого производительность труда металлургов нашего региона в 6 раз превышала производительность труда металлургов Урала [12, с. 34].

Обращает на себя внимание тот факт, что из 18-ти акционерных предприятий исключительно иностранным был капитал в 12-ти

предприятий. В остальных 6-ти предприятиях капитал был смешанным [2, с. 59-62]. Анализ научных источников показал, что производительность предприятий с исключительно иностранным капиталом была значительно выше, чем в предприятиях со смешанным капиталом (2,04 млн пудов продукта на 1 млн руб. основного капитала против 0,75 млн пуд/млн руб.). Эта тенденция подтверждается и данными такого характера: при увеличении предприятиями первой группы основных капиталов за период 1910-1913 гг. всего лишь на 10,07 млн руб. выплавка чугуна за это время выросла на 38,07 млн пуд., а производства готовых изделий – на 31,77 млн пуд. В то же время на предприятиях со смешанным капиталом при росте общей суммы основных капиталов на 56,40 млн руб. производство чугуна увеличилось на 21,28 млн пуд. и готовых изделий на 14,14 млн пуд. [16, с. 10]. Однако в связи с этим следует заметить, что значительная часть новых капиталов была использована не столько для расширения, сколько для концентрации производства [2, с. 7–8]. В результате в 1913 г. на Юге России действовал 21 крупный металлургический завод и производилось 69% общеперского производства чугуна, 67% стали, 58% проката [24, с. 22].

С началом Первой мировой войны, в конце 1914 г., как констатировала отраслевая пресса, ухудшилась ситуация в металлургической промышленности. На южных металлургических заводах в то время работало 88 444 рабочих, но только в течение декабря их количество уменьшилось на 1 687 человек. Как свидетельствуют архивные данные, на Александровском Южно-Российском заводе Брянского общества с 1913 до 1917 г. росло количество рабочих с 8 488 до 10 883, за исключением 1915 года, когда после начала Первой мировой войны количество рабочих несколько уменьшилась, потому что часть их была мобилизована на фронт.

На Днепровском заводе в 1916 г. уменьшилось количество рабочих, но их ряды пополнялись военнопленными. Выплавка чугуна за весь 1914 г. составила 186 533 тыс. пуд., что было ниже показателей 1913 г. на 1,3%. Потребность в Южном металле росла. В начале 1914 г. работало 50 домен из 57, еще пять строилось. В первые дни мобилизации было остановлено восемь печей, а количество действующих печей на 1 июля 1914 г. сократилось до 45, а на 01 января 1915 г. – до 43. Уменьшились объемы выплавки металла и его перевозки. В 1914 г. вывоз металла сократилось на 13,2%, уменьшилось количество заказов предприятий, например, на листовое железо – на 43,2%, на железнодорожные рельсы – на 31,7%. К тому времени к предприятиям вовремя не подвозили уголь, кокс, руду [5, с. 31-33].

Однако несмотря на сложную историко-политическую ситуацию, по состоянию на 1917 г. Донбасс стал главной не только угольной, но металлургической базой страны. На его долю приходилось более 70% выплавки чугуна, 57% стали, 42% проката [20, с. 36].

Таким образом, мы видим, что динамика развития металлургической отрасли в нашем регионе в рассматриваемый период напрямую зависела от историко-политической и социально-экономической ситуации в мире. Начало бурного развития отрасли приходится на последнюю четверть XIX века с прохождением своего пика в 90-е годы. Начало XX века характеризуется двумя мировыми экономическими кризисами перепроизводства (1900-1903 гг. и 1908-1909 гг.), Русско-Японской войной, революционными событиями 1905-1907 гг., Первой мировой войной. Эти события имели огромное влияние на ситуацию как в экономике в целом, так и в металлургической отрасли в частности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакулев, Г. Д. Черная металлургия Юга России. – М. : Металлургиздат, 1953. – 247 с.
2. Вавилин, И. Иностранные капиталы в России. – Л.: Прибой, 1925. – 125 с.
3. Васильева, Л. А. Джон Юз и Юзовка. Социально-экономический портрет до 1917 года // Тезисы сообщений IV научно- практической конференции. – Донецк, 1995. – С. 177 - 184.
4. Винар, Б. Українська промисловість. Студія советського колоніалізму / Передм. В. П. Тимошенка. – Париж, 1964. – 397 с.
5. Голобуцький, В. О. Економічна історія Української РСР : Дожовтневий період. – К. : Вища школа, 1970. – 298 с.
6. Горнозаводской листок – 1899. – № 16. – С. 3919–3920
7. Горнозаводской листок – 1899. – № 17. – С. 3937–3938
8. Горнозаводской листок – 1900. – № 22. – С. 4597–4601
9. Горнозаводской листок. – 1886. – №10. – С. 2563
10. Горнозаводской листок. – 1896. – №15. – С. 3482
11. Горнозаводской листок. – 1904. – № 25. – С. 6939-6944
12. Довжук, І.В. Промисловий розвиток Донбасу в системі економіки Наддніпрянської України (кінець XIX – початок XX ст.). – Луганськ : Вид-во СНУ ім. В. Даля, 2003. – 312 с.
13. Екатеринославская губерния. Памятная книжка и адрес-календарь на 1901 год. / Под ред. Я.Г. Гололобова. – Екатеринослав: Типо-Литография Губернского правления, 1900. – 74 с.
14. Економічна історія України: Історико-економічне дослідження: в 2 т. / [ред. рада: В. М. Литвин (голова), Г. В. Боряк, В. М. Геєць та ін.; відп. ред. В. А. Смолій; авт. кол.: Т. А. Балабушевич, В. Д. Баран, В. К. Баран та ін.] – К.: Ніка-Центр, 2011. – Т. 1. – 696 с.
15. Копии документов по истории создания и деятельности Новороссийского общества // ГА ДНР. Ф. Р-2109. Оп. 1. Д. 14. Л. 3-4
16. Коропецький, І.С. Дещо про минуле, недавнє минуле та сучасне української економіки. – К.: Либідь, 1995. – 235 с.

17. Крутіков, В.В. Буржуазія України та економічна політика царизму в пореформенний період. – Дніпропетровськ: Вид-во ДДУ, 1992. – 172 с.
18. Лавричев, В.Я. Крупная буржуазия в пореформенной России (1861-1900 гг.). – М. : Мысль, 1974. – 252 с.
19. Лоранский, А.М. Краткий исторический очерк административных учреждений Горного ведомства в России 1700–1900 гг. – Санкт-Петербург: тип. инж. Г.А. Бернштейна, 1900. – 207 с.
20. Ляшенко, В.Г. Торгово-промышленная буржуазия Донбасса в 1861-1917 гг. // Летопись Донбасса. – Вып. 1. – Донецк, 1991. – С. 54-89.
21. Макеевка. [Электронный ресурс] – Режим доступа : <http://infodon.org.ua/pedia/573> (дата обращения: 27.09.2020 г.)
22. Мозговой, В.И. Там, где было дикое поле... / В.И. Мозговой, В.Г. Ляшенко. – Донецк : Фирма «Кардинал», 2001. – 319 с.
23. Монополии в металлургической промышленности России. 1900-1917: Документы и материалы – М. ; Л. : Изд-во Акад. наук СССР, 1963. – 655 с.
24. Нестеренко, О.О. Розвиток промисловості на Україні. – Ч. 2: Фабр.-зав. виробн. – К. : Вид-во АН УРСР, 1962. – 580 с.
25. Новороссийское общество каменноугольного, железного и рельсового производства (Юзовка). Новороссийское общество Юзовка, Екатеринославской губернии. – Юзовка : Б. и., 1919. – 66 с.
26. Подов, В.И. История Донбасса : в 3 т. – Т. 2 : Донбасс в XIX веке. – Луганск : Альма-матер, 2004. – 383 с.
27. Поткина, И. В. Джон Юз и Новороссийское акционерное общество // Предпринимательство и предприниматели России. От истоков до начала XX века. – М. : Росспэн, 1997. – С. 305-320.
28. Развитие металлургии в Украинской ССР. – К. : Наукова думка, 1980. – 959 с.
29. Рубинштейн, Л.А. Книга рекордов Донбасса. – Донецк: ЕАИ-Пресс, 2002. – 304 с.
30. Сарбей В. Г. Національне відродження України. – К. : Вид. дім «Альтернативи», 1999. – 336 с.
31. Струмилин, С.Г. Черная металлургия в России и в СССР. Технический прогресс за 300 лет. – М. ; Л. : Изд-во АН СССР, 1935. – 324 с.
32. Хромов, П. А. Экономическое развитие России. – М. : Наука, 1967. – 535 с.
33. Цукерник, А.Л. Синдикат «Продамет»: историко-экономический очерк. 1902 – июль 1914 г. – М. : Соцэкгиз, 1959. – 303 с.
34. Шляхов, О.Б. Україна на шляху до індустріального суспільства (друга половина XIX – початок XX ст.). – Дніпропетровськ : Вид-во Дніпропетр. нац. ун-ту, 2010. – 244 с.

35. Шполянскій, Д.И. Монополии угольно-металлургической промышленности Юга России в начале XX века. – М. : Изд.-во АН СССР, 1953. – 148 с.
36. Юз і Юзівка / Під ред. Гайдука В. А. – Донецьк : Фірма «Кардинал», 2000. – 320 с.

АННОТАЦИЯ

Смородина В. А., Коротун О. В. Становление и развитие металлургической отрасли донецкого региона в конце XIX – начале XX века

Работа представляет собой исследование особенностей становления и развития металлургической промышленности Донбасса во второй половине XIX – начале XX века. При этом освещается общая историко-политическая и социально-экономическая ситуация в исследуемый период, анализируется информация о зарубежных инвестициях и изменениях в трудовых ресурсах края.

Ключевые слова: Донбасс, Российская империя, индустриализация Российской империи, развитие промышленности, металлургическая отрасль, металлургические предприятия, чугуноплавильный завод

SUMMARY

Smorodina V. A., Korotun O. V. Formation and development of the metallurgical industry of the Donetsk region at the end of the XIX – early XX century

The work is a study of the peculiarities of the formation and development of the metallurgical industry of Donbass in the second half of the XIX – early XX century. At the same time, the general historical, political and socio-economic situation in the period under study is highlighted, information on foreign investments and changes in the labor resources of the region is analyzed.

Keywords: Donbass, Russian Empire, industrialization of the Russian Empire, industrial development, metallurgical industry, metallurgical enterprises, iron smelter

*Александр Александрович Фесенко,
г. Горловка, ДНР*

*Елена Владимировна Рочняк,
г. Горловка, ДНР*

УДК 94 (100) (045)

ОСОБЕННОСТИ БРОДОВСКОГО КОТЛА В ХОДЕ ЛЬВОВСКО-САНДОМИРСКОЙ ОПЕРАЦИИ

Данная работа актуальна в первую очередь в связи с тем, что тема, изучаемая нами в ходе исследования, является узконаправленной.

Заметим, что события, произошедшие в годы Великой Отечественной войны, на данном этапе существования общества носят колоссальное значение также из-за развития патриотического движения и патриотизма в целом. С каждым годом патриотическое движение набирает все больше оборотов. В ходе чего подвиг советских солдат имеет вес не только с исторической точки зрения, но и духовной.

Героизм и самоотверженность солдат и офицеров, сражающихся за правое дело, порождают глубокое чувство уважения и ценности у подрастающего поколения.

Целью работы является изучение особенностей Бродовского котла в ходе Львовско-Сандомирской операции

22 июля 1944 года – завершилась ликвидация так называемого «Бродовского котла». С тех пор райцентр Броды имеет такое же исторически-смысловое значение, что и станция Круты: здесь, войсками Первого Украинского фронта, была уничтожена 14-я добровольческая эсэсовская дивизия, сформированная во Львове, тогдашней столице германского Дистрикта «Галичина».

Стоит отметить, что чуть ранее советские войска уже пытались взять Броды. Весной 1944 года, в ходе Хмельницко-Черновицкой операции, наступавшая от Луцка на запад, 13-я армия генерала Пухова, во взаимодействии с 25-м танковым, 1-м и 6-м гвардейскими кавалерийскими корпусами, форсировала реку Иква, 17-19 марта овладела райцентрами Дубно и Кременец, и к 20 марта вышла на подступы к Бродам. Но тогда овладеть Бродами советские войска не смогли: противник хорошо укрепил город и наносил сильные контрудары. 13-я армия почти месяц, до середины апреля, вела боевые действия на достигнутом рубеже, а там и завершилась весенняя наступательная кампания. В целом по её итогам удалось взять, например, Черновцы и Хмельницкий, Одессу и Тернополь, а Ковель и Броды – нет. На несколько месяцев, пока длилась оперативная пауза, городок Броды стал пограничным «опорником» противника, как уже не раз в своей истории [1, с. 98].

Как отмечалось ранее, еще в ночь с 21 на 22 июня 1941 года Броды были атакованы немецкой авиацией. В первые дни войны город оказался в зоне проведения крупнейшей танковой битвы в истории человечества, где с немецкой стороны участвовала 1-я танковая армия под командованием генерала Клейста, а с советской – несколько разрозненных танковых соединений (корпусов и дивизий) под общим командованием генерала Жукова (будущего Маршала Победы). Кстати, одним из корпусов тогда командовал ещё один будущий Маршал – Рокоссовский, другим корпусом – не менее известный генерал Власов.

Та эпическая битва завершилась военной победой немецкой стороны: несмотря на значительное превосходство советских танков по количеству и по техническим характеристикам, их подвела слабая организация управления войсками, хотя ряд исследователей

идут ещё дальше и высказывают предположение о предательстве высшего советского командования. Таким образом, 26 июня 1941 года, в рамках упомянутого сражения, советские танкисты нанесли контрудар и овладели Бродами, а 29-го июня были вытеснены из города наступающими немецкими частями.

С этой даты, и до июля 1944 года, Броды входили в состав германского региона – Дистрикт «Галичина», столица которого находилась во Львове. За это время всё еврейское население Бродов было вывезено в концентрационные лагеря Белжец, Майданек и Собибор (это недалеко, в 120-150 км от Бродов, на территории Польши). К концу войны, из 10-тысячной еврейской общины в городе осталось 88 человек [2, с. 67].

Как уже было сказано выше, советские войска пытались овладеть Бродами весной 1944 года, но, после месяца упорных боёв, были вынуждены отступить.

Летом, 13-го июля 1944 года, войска Первого Украинского фронта начали Львовско-Сандомирскую стратегическую операцию.

Броды находились прямо в центре участка наступления войск фронта, но штурмовать этот город «в лоб» уже не пытались, а обошли его с севера и с юга. 13-я армия генерала Пухова, безрезультатно штурмовавшая Броды весной, теперь в первый же день прорвала оборону противника севернее Бродов и ушла далеко на запад, оставляя блокированные Броды у себя в тылу. А с юга, после трёхдневных ожесточенных боёв, советские войска пробили узкую брешь в обороне противника в районе с. Колтов, шириной 6 км и глубиной 18 км (на всю глубину немецкого рубежа обороны). Этот, «Колтовский коридор», и стал своеобразной «стенкой» так называемого Бродовского «котла», куда попали 8 немецких дивизий и одна львовская (14-я эсэсовская, «Галиция»).

При этом немецкое командование ожидало крупного наступления Красной Армии, и спешно готовило три новых линии обороны к востоку от Львова. Вторую, так называемую запасную линию этого укрепленного района, занимала 14-й гренадерская дивизия Ваффен СС «Галичина», которая еще 28 июня 1944 года вошла в состав 13-го корпуса 4-й танковой армии. Численность этого коллаборантского подразделения, созданного в 1943 году на основе греко-католического населения Галичины, составляла в этот момент около 15000 человек. Дивизия только что прибыла на фронт из Нойхаммера, где ее части проходили формирование и вели интенсивную военную подготовку. Генералы вермахта полагали, что местные уроженцы из числа украинских националистов помогут им сдержатъ Красную Армию – ведь пропагандисты старательно расписывали солдатам ужасы большевистского террора на освобожденных землях Западной Украины, призывая дать отпор наступающей большевистской орде.

Однако, по-настоящему эффективной обороны так и не получилось. Битва под Бродами закончилась быстрым и катастрофическим разгромом

немецкого корпуса, включая дивизию украинских эсэсовцев. Через три дня после начала сражения бойцы 60-й армии прорвали фронт на узкой полосе шириной от 4 до 18 километров – и в него сразу устремились танковые армии Павла Рыбалко и Дмитрия Лелюшенко.

Использование крупных танковых соединений на такой узкой полосе прорыва – причем, в условиях отчаянных контратакующих действий противника – считается единственным подобным случаем в истории советских операций Великой Отечественной войны. Бронированные соединения преодолели немецкие позиции, вклинившись в них на глубину 50-80 километров, и окружили под Бродами всю немецкую группировку в составе восьми дивизий – включая 14-ю гренадерскую дивизию СС «Галичина». Ее разгром завершился 22 июля – вермахт потерял убитыми около 30 тысяч немецких солдат, включая командира корпуса генерала Артура Хауффе, а свыше 17 тысяч немецких военнослужащих оказались в итоге в советском плену.

Галицкая эсэсовская дивизия была практически уничтожена частями Первого Украинского фронта, потеряв погибшими и пропавшими без вести около 9600 человек. По данным ее начальника штаба, майора Вольфа-Дитриха Гайке – а все высшие командные должности в коллаборантском подразделении занимали немецкие офицеры – из окружения вырвались не более 500 солдат и старшин, к которым впоследствии присоединились представители вспомогательных частей, не участвовавших в этом сражении. При этом, видные немецкие генералы – Вольфганг Ланге и Фридрих Вильгельм фон Меллентин – негативно оценивали боевые качества украинских «дивізіяників». И особо отмечали их панический страх перед применением советской реактивной артиллерийской системы «Катюша».

18-го июля 1944 года в полностью разрушенные Броды вошли две советские дивизии: 172-я Павлоградская и 117-я гвардейская Бердичевская. В тот же день, в 23 часа, в Москве был дан салют второй категории (двадцать артиллерийских залпов из 224-х орудий) в честь освобождения Бродов и ещё нескольких населенных пунктов (Порицк, Горохов, Радзехов, Золочев, Бук, Каменка, Красное). В Мемориальном комплексе при выезде из города (на современной ул. Богуна) похоронены 1185 советских солдат, погибших в боях за Броды.

Но основные события происходили не в самом городе, а в его окрестностях, где ещё 5 дней продолжались боевые действия с целью нейтрализации попавшей в «котёл» группировки противника. 16-17 июля 3-я гвардейская танковая армия генерала Рыбалко прошла по «Колтовскому коридору» южнее Бродов; к вечеру 18-го июля её соединения форсировали реку Пелтев и вышли в район: Дзедзилов – Красное – Деревляны, и соединились с частями 31-го танкового корпуса, который ранее обошёл Броды с севера вместе с 13-й армией. Тем самым было замкнуто окружение группировки противника в так называемый «Бродовский котёл».

К исходу дня 22 июля, окруженная группировка была ликвидирована согласованными ударами советских общевойсковых армий 13-й (с севера) и 60-й (с юга), при поддержке 4-го гвардейского и 31-го танковых корпусов. Было уничтожено около 30 тыс. немецких солдат и офицеров, взято в плен около 17 тыс., уничтожена вся матчасть немецкого 13-го армейского корпуса из состава той самой 1-й танковой армии, упомянутой выше в контексте боёв 1941 года. Из состава эсэсовской дивизии «Галичина» (10 тыс. чел.) было убито около 7 тыс., остальные частично прорвались из окружения в район Карпат, частично перешли на нелегальное положение в ряды УПА [1, с. 125].

Всего в этом котле вермахт потерял убитыми более 35 тысяч солдат и офицеров, свыше 17 тысяч гитлеровцев было пленено. На поле боя враг оставил 1800 орудий и минометов, 3850 автомашин, 219 сбитых самолетов.

Но в битве у Бродов есть еще один, малоизвестный, но важный для исторической памяти эпизод – документально доказанные факты сотрудничества между вермахтом и представителями Украинской повстанческой армии, которых пытаются представить сейчас борцами против нацизма.

«Немецкое командование было проинформировано про присутствие в районе Бродов подразделений УПА. 15 июля, когда немецкая группировка оказалась на грани уничтожения, была совершена попытка связаться с повстанцами для совместных боевых действий против Красной Армии. После отступления немецкой армии из-под Бродов многие уцелевшие солдаты дивизии присоединились к отрядам УПА. Всего ряды УПА тогда пополнили до 3000 человек», – рассказывает об этом украинская википедия. И действительно, эсэсовский подполковник Роман Долинский оставил воспоминания о сотрудничестве «Галичины» и УПА, особо подчеркивая, что одним из инициаторов этих контактов стал немецкий генерал Фриц Фрейтаг. А потом честно пишет, что остатки эсэсовцев слились после битвы с вооруженными подразделениями Украинской повстанческой армии. Что само себе опровергает пропагандистский миф об «антифашистском» характере движения украинских националистов [4, с. 453].

Таким образом, события произошедшие в период операции, носят значимый характер для дальнейшего развития наступления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бродовский котел: Воспоминания, очерки, докум. – Львов : Каменяр, 1974. – 270 с.
2. Замятин, Н. М. Десять сокрушительных ударов: (Краткий обзор операций Красной Армии в 1944 г.) / Ген.-майор Н. М. Замятин, полк. Ф. Д. Воробьев, подполковники Н. Ф. Артемьев, И. В. Паротькин ; Воен.-ист. отд. Ген. штаба Красной Армии. – М : Воен. изд-во, 1945. – 123 с.

3. История Украинской ССР : Хронол. справ. / В. Ф. Верстюк, Е. Н. Дзюба, В. Ф. Репринцев; АН УССР. – Киев : Наук. думка, 1990. – 597 с.4. Кириян, М. М. С сандомирского плацдарма: (Наступление 5 гвардейской армии в янв. 1945 г.). – М. : Воениздат, 1960. – 183 с.

АННОТАЦИЯ

Фесенко А. А., Рочняк Е. В. Особенности Бродовского котла в ходе Львовско-Сандомирской операции

Данная работа посвящена узконаправленной теме в ходе изучения истории Великой Отечественной войны. В работе рассматриваются особенности Бродовского котла в ходе Львовско-Сандомирской операции, анализируется его значение дальнейшего развития наступления Советской Армии.

Ключевые слова: котел, сталинский удар, переломный момент, Львовско-Сандомирская операция

SUMMARY

Fesenko A.A., Rochnyak E.V. Features of the Brody cauldron during the Lvov-Sandomierz operation

This work is devoted to a narrowly focused topic in the study of the history of the Great Patriotic War. The work examines the features of the Brody cauldron during the Lvov-Sandomierz operation, analyzes its significance for the further development of the Soviet Army's offensive.

Keywords: cauldron, Stalin's blow, the turning point, Lvov-Sandomierz operation

Александр Михайлович Шаверин,

г. Горловка, ДНР

Виталий Владимирович Липинский,

г. Горловка, ДНР

УДК 94 : 669.0 «1943-1950»(045)

ВОСТАНОВЛЕНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ ДОНБАССА В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ

За годы войны почти все предприятия металлургической отрасли нашего края были разрушены: значительная часть оборудования вывезена в ходе эвакуации в восточные районы страны, а то, что осталось, было уничтожено, разграблено и вывезено в Германию. Так, только в Сталинской области было подорвано 22 доменных и 43 мартеновских печи, 34 прокатных стана, 3 блюминга [8, с. 188]. В Ворошиловградской области было уничтожено 6 доменных и 7 мартеновских печей, которые до войны давали около миллиона тонн

чугуна, более 200 тысяч тонн стали и столько же проката, около 20 тысяч тонн труб [25, с. 39] Производство основных видов продукции металлургической промышленности, особенно в Ворошиловградской области, за годы войны значительно (по некоторым видам – в десятки раз) сократилось. Это вызвало необходимость создания по сути практически нового металлургического комплекса [17, с. 178].

Металлургическая промышленность – одна из важнейших составных частей промышленного комплекса Донбасса. Она включает в себя мощные предприятия черной металлургии с полным производственным циклом (чугун – сталь – прокат), а также ряд заводов цветной металлургии (ртутный комбинат, цинковый завод и др.). Большинство металлургических гигантов региона тесно связана с коксохимическими и химическими производствами. В структуре металлургического комплекса абсолютно преобладали предприятия черной металлургии, которые производили почти половину всего металла УССР [2, с. 92]. И поэтому партия практически сразу после освобождения региона от фашистских захватчиков ставит задачу: в кратчайшие сроки восстановить металлургическую промышленность Донбасса [22, с. 4].

Первые попытки проведения восстановительных работ проводились с января по июнь 1942 года, когда были прерваны наступлением германских войск на юге страны. В этот период было начато восстановление металлургического завода имени К.Е. Ворошилова, Ольховского коксохимического завода и Лутугинского чугунолитейного завода [11, с. 47-48].

После полного освобождения Донбасса в 1943 г. восстановительные работы активно набирали темп. Руководство Народного комиссариата черной металлургии разработало основные направления возрождения и дальнейшего развития черной металлургии востока и юга. Организационным основанием восстановительных работ стало совместное решение партийного и советского руководства о начале восстановления в районах, освобожденных от оккупации. В документах достаточно четко расписывалось задача каждой области, определялась процедура постепенного возвращения из эвакуации предприятий и населения.

Первыми возобновлять металлургию Сталинской области начали дончане. Уже 3 октября 1943 г. выдала первую плавку мартеновская печь № 2 на Сталинском металлургическом заводе [23, с. 353]. 7 октября выдал первую мартеновскую плавку Макеевский металлургический завод имени С.М. Кирова [там же, с. 355]. 13 октября восстановлена мартеновская печь №3 в Макеевке [там же, с. 358]. А в декабре 1943 г. на Енакиевском металлургическом заводе были задуты первые две доменные печи. За три месяца здесь были пущены домны № 4 и № 6, а еще через месяц домна № 6 достигла довоенного уровня выплавки чугуна – 700 тонн в сутки. 15 февраля 1944 г. введен в строй универсальный

стан «500» [23, с. 424]. 25 марта 1944 г. была запущена доменная печь № 1, третья по счету на этом заводе [там же, с. 449]. Следует отметить, что домна № 6 была запущена в 1914 г. и в гражданскую войну была единственной уцелевшей домной Донбасса. Домна № 4 была еще старше – 1907 г. запуска, в 1940 г. проводился её капитальный ремонт [25, с. 100].

Активно проводились восстановительные работы на Макеевском, Краматорском, Константиновском, Мариупольский металлургический заводах [3, с. 34]. На пленуме Сталинского обкома партии 20 декабря 1943 г. отмечалось, что металлурги Макеевки уже выплавляли 10 тыс. т. стали, более тысячи тонн дали рабочие Константиновки. Енакиевцы подготовили к пуску 2 доменные печи, начали вырабатывать кокс. Сталинский металлургический завод дал первый прокат. Всё это было сделано за 3 месяца (!) [25, с. 47].

16 ноября 1943 г. Гос. Комитет Обороны принял постановление «О неотложных мероприятиях по восстановлению системы водоснабжения Донбасводтреста и предприятий Наркомчермета в Донбассе» [23, с. 375], имевшее большое значение для возрождения черной металлургии нашего края.

28 ноября 1943 г. бюро Ворошиловградского обкома КП(б) У приняло постановление о восстановлении Ворошиловградского коксохимического и Лутугинского чугунолитейного заводов. [там же, с. 381]

Особенно результативным выдался день 15 января 1944 г. Перечислим основные достижения. На Енакиевском металлургическом заводе начались работы по восстановлению доменной печи № 1, мартеновских печей № 4 и 5, 2-х прокатных станов. На Макеевском заводе им. С. М. Кирова восстановлены и введены в действие 4 мартеновские печи старомартеновского цеха. Старо-Макеевский завод выдал первый кокс. На Сталинском металлургическом заводе восстановлен и введен в действие тонколистный стан. На Краматорском металлургическом заводе имени Куйбышева введены в действие 2 паровых котла. На Мариупольском трубопрокатном заводе имени Куйбышева подготовлен к вводу манесмановский цех по выпуску труб для нефтяной промышленности. На Константиновском металлургическом заводе имени Фрунзе восстановлены и введены в действие мартеновская печь, механический, литейный и модельный цеха и 4 паровых котла с общей поверхностью нагрева 1600 кв. м. На Ворошиловградском металлургическом заводе восстановлены и введены в действие 2 ланкаширских котла. В восстановленном литейном цехе Харцызского трубного завода изготовлена первая партия машинного литья [23, с. 408-409].

Под руководством директора Сталинского металлургического завода П. В. Андреева уже через 5 дней после освобождения была

получена своя электроэнергия, на десятый день ввели в эксплуатацию 6 паровых котлов, а 3 октября 1943 г. мартеновская печь № 2 дала первую плавку. С введением её в эксплуатацию на заводе был восстановлен полный металлургический цикл [25, с. 102]. В марте 1944 г. на заводе были заново отстроены мартеновская печь № 4 и прокатный стан 400, 30 марта заработала доменная печь № 2 [23, с. 450], а 4 июля вступала в строй доменная печь № 9 – самая крупная на заводе [там же, с. 499].

23 ноября 1944 г. Гос. Комитет Обороны принял постановление «О мерах помощи черной металлургии Юга» [там же, с. 556]. Уже к 1 января 1945 г. были восстановлены и действовали 8 доменных и 24 мартеновские печи, 2 бесемеровских конвертора, 15 прокатных станов и 54 коксовые батареи. К концу 1945 г. действовало 13 доменных и 49 мартеновских печей, 29 прокатных станов и 68 коксовых батарей. В 1945 г. металлурги юга дали стране 1,6 миллиона тонн чугуна, более миллиона тонн проката и 3,1 миллиона тонн кокса [18]. В 1946 г. в Донбассе стали действовать 4 доменные печи (на «Азовстали», Макеевском, Алмазнянском и Константиновском заводах), мартеновские печи и прокатные станы на Краматорском, Макеевском, Енакиевском и других заводах.

Большая работа была проведена по восстановлению тылов черной металлургии. 25 января 1944 г. была введена первая очередь динасового цеха Красногоровского завода огнеупоров имени В. И. Ленина, а 28 июня – вторая очередь. 13 февраля восстановлен цементный завод № 3 Амвросиевского комбината. 21 июня 1944 г. было закончено восстановление первой очереди одного из самых крупных в СССР Часовярского завода огнеупоров имени Серго Ордженикидзе. Вновь заработала крупнейшая в стране тунельная печь № 1 продуктивностью 48 тыс. тонн огнеупора в год [25, с. 104].

К концу 1945 г. было отстроено 10 заводов огнеупорных изделий, а также крупные Еленовский, Каракубский, Ново-Троицкий рудники по добыче известняка [там же, с. 120].

После окончания войны на пленуме обкома было отмечено, что за кратчайший промежуток времени в строй станут десятки новых домен, мартенов, прокатных станов и коксовых батарей. Но для осуществления этого плана нужно было приложить немало усилий. Партийным, комсомольским, профсоюзным организациям и руководителям предприятий необходимо мобилизовать в короткие сроки, все силы на восстановление металлургической промышленности, активизировать и вдохновить людей. Не последней в этом процессе была заслуга социалистического соревнования [4, с. 7].

До войны в Сталинской области работало 51 предприятие черной металлургии и по состоянию на начало 1946 г. 48 из них были уже восстановлены и давали металл, кокс, огнеупоры. Работали 12 доменных печей, 36 мартенов, 22 прокатных стана, 60 коксовых батарей. Вводились в строй домны «Азовстали» [19].

Законом «О пятилетнем плане восстановления и развития народного хозяйства СССР на 1946-1950 годы» в Донбассе и Приднепровье было предусмотрено ввести в эксплуатацию 30 доменных печей общей ежегодной мощностью 9 млн тонн чугуна, сталеплавильные агрегаты мощностью 8,4 млн. тонн стали и 58 прокатных станов, способных производить 6,5 млн. тонн готового проката [16, с. 294]. На восстановление металлургии направлена почти пятая часть централизованных капиталовложений, предусмотренных четвертой пятилеткой для УССР [5, с. 206]

С целью организации и координации восстановления металлургических предприятий Донбасса в 1946 г. было сформировано специальное Главное управление по строительству предприятий черной металлургии Донбасса («Главчерметстрой»), в состав которого вошли пять строительно-монтажных трестов: Азовсталстрой, Макстрой, Сталинметалургстрой, Ворошиловкстрой и Енакиевтяжстрой, которые ранее подчинялись Главюзжстрою. Такое же управление было сформировано и в Приднепровье. Именно эти организации выполняли основные работы, связанные с восстановлением черной металлургии на территории всей УССР [25, с. 128].

Создание мощной централизованной организации, которая восстанавливала отрасль, позволило значительно расширить масштабы работ. Прежде всего восстанавливалось энергетическое хозяйство предприятий, водоснабжение, внутризаводской транспорт, но главное внимание было сосредоточено на цехах основного металлургического производства. Строителям нужно было заново восстанавливать полностью разрушенные мощные металлургические агрегаты со сложным технологическим оборудованием и большим вспомогательным хозяйством.

Впрочем, несмотря на трудности, уже в первые послевоенные годы отдельные металлургические предприятия стали оживать. Достаточно успешно проходило восстановление одного из гигантов металлургии Донбасса завода «Азовсталь». Уже в январе 1946 г. здесь была введена в эксплуатацию мартеновская печь № 2, в сентябре этого же года – доменная печь № 4. В последующие годы темпы восстановительных работ ускорились. Причем одновременно с восстановлением старого металлургического фонда сооружались новые объекты. В 1948 г. было введено в действие два крупнейших в Европе прокатных стана (блужинг и рельсово-балочный), которых здесь не было до войны. В результате завод стал предприятием с полным металлургическим циклом. Всего к концу 1949 г. предприятие в основном было восстановлено. Также довольно интенсивно восстанавливались Макеевский, Енакиевский, Сталинский и другие крупные металлургические предприятия [17, с. 179].

В обновленных и вновь введенных производственных мощностях черной металлургии произошли существенные изменения

качественного сорта: были усовершенствованы конструкции, увеличена мощность некоторых агрегатов, интенсифицированы технологические процессы, расширенные механизация и автоматизация. Так, после войны все мартеновские печи завода «Азовсталь» начали оснащаться автоматическими комплексами, с помощью которых осуществлялось автоматическое регулирование отдельных технологических процессов и операций. Всего же на 1951 г. уровень механизации в мартеновских цехах металлургических предприятий составил на разных участках 60-99% [7, с. 18].

Для награждения трудящихся, активно участвовавших в восстановлении металлургических предприятий юга, Президиумом Верховного Совета СССР 18 мая 1948 г. была учреждена медаль «За восстановление предприятий черной металлургии юга». Медалью «награждались рабочие, служащие, инженерно-технические и хозяйственные работники за выдающуюся работу, высокие производственные показатели и заслуги в восстановлении черной металлургии юга. Всего этой медалью было награждено почти 69 тысяч человек, некоторые дважды [9, с. 190-193].

Характерными для этого периода были проблемы недостаточного количества квалифицированных специалистов и рабочих, недостатка строительных материалов, техники.

Многие женщины работали на ведущих должностях металлургической промышленности. Так, на Ждановском (Мариупольском) заводе им. Ильича с успехом варили броневую сталь Т. Толмачева, М. Кондрусь, А. Бакаева. Их последователями стали также женщины металлургических заводов Сталино, Макеевки, Краматорска, Коммунарска, Константиновки [21, с. 46].

В 1947 г. в тресте «Макстрой» работало всего 5 тыс. человек, что составляло половину штатного расписания. Преимущественно это были сельские жители, направленные на восстановление Донбасса за счет оргнабора или через систему заключения индивидуальных договоров. В 1950 г. трестами Главчерметстроя Донбасса с помощью этих форм пополнения строительных коллективов было принято почти 85,6% работников. Среди них преобладали неквалифицированные рабочие, не имевшие опыта строительных работ, многие из них относилось к строительству как к временному месту работы. В трестах Главчерметстроя Донбасса только в 1947 г. выбыло по различным причинам более 17 тыс. рабочих, из них 7,4 тыс. – самовольно. Низкая квалификация рабочих, большая текучесть рабочей силы негативно влияли на производственные показатели: достаточно часто несвоевременно и некачественно выполнялись производственные задачи, допускались большие потери рабочего времени и т.д. [1, с. 87].

В этих условиях при проведении восстановительных работ широко использовалицелевшие фундаменты, стены заводских зданий, арматура,

другие строительные конструкции, максимально использовали местные, но часто некачественные строительные материалы. Причем принцип быстрее восстановить так, как было до войны, применялся не только при проведении строительных, но и монтажных работ. Достаточно часто для ускорения темпов восстановительных работ или в случае отсутствия необходимого оборудования, прибегали к максимальному сохранению поврежденных конструкций: их исправление и ремонт происходили без разборки и демонтажа, нередко использовали материалы, найденные на завалах.

Конечно, такой подход к восстановлению, особенно учитывая степень послевоенной разрухи, можно понять. Сегодня по-другому следует оценивать подходы и методы, которыми руководствовались управленческие органы при осуществлении восстановления, отказавшись от такой их характеристики как «удачное решение», или «новый и важный метод восстановления». Заметим, что авторы этих высказываний не могли давать какую-то другую оценку, учитывая идеологические обстоятельства того времени, когда они были провозглашены. Возрождение предприятий по такой схеме на долгие годы консервировало устаревшую технику, оборудование, технологии. Таким образом, можно было решить первоочередные задачи, но в целом это был бесперспективен подход: он закладывал основы для будущего отставания отрасли от мировых тенденций на десятки лет [6, с. 163].

Но даже в этой ситуации были примеры действительно уникальных и самое главное – экономически более чем оправданных решений сложных технических задач. Так, во время восстановления домны №3 на заводе «Запорожсталь» была осуществлена редкая в строительной практике операция: без демонтажа поднята и выравнена домна, которая после взрыва бомбы осела и наклонилась. Строители и монтажники под руководством М. Чудан и главного инженера А. Шегаль провели эту операцию за 5,5 часов вместо двух месяцев. При этом был получен большой экономический эффект [24, с. 77–78]. Примером удачного технического решения стало также восстановление доменной печи № 4 на заводе «Азовсталь», корпус которой в результате взрыва всех 8 колонн и фурменных зоны опустился на 3,8 м. и переместился в нижней части в сторону. Вместо демонтажа всей печи было принято техническое решение, в результате которого доменная печь была выпрямлена и поставлена на место без разборки и повторного строительства. Такого эксперимента в практике мировой металлургии еще не было. 18 сентября 1946 г. строители и металлурги успешно справились со сложным заданием [15, с. 282].

На очень низком уровне в послевоенные годы находилась механизация восстановительных работ. Парк строительной техники почти не возобновлялся, а то оборудование, которое оставалось, было разукomплектовано, физически изношено, поэтому большая часть

работ выполнялась вручную. Конечно, все это приводило к снижению качества восстановительных работ и низкой производительности труда [10, с. 123].

Конечно, на некоторых металлургических заводах процесс восстановления даже в самые в первые послевоенные годы сопровождался модернизацией оборудования, совершенствованием машин и агрегатов. Так, на Макеевском металлургическом заводе в результате технической реконструкции доменной печи №1 значительно уменьшился удельный вес ручного труда, существенной модернизации подверглось прокатное и мартеновского производства завода «Азовсталь». Уже с первых послевоенных лет на этом предприятии начали внедрять автоматизированное управление сталеплавильных агрегатов [13, Л. 167]. В доменных цехах «Азовстали», Макеевского, Сталинского и других заводов была проведена механизация засыпных агрегатов печей, усовершенствованные разливочные машины, проведены другие мероприятия [12, Л. 2]. В мартеновских цехах механизировались завалка и заправка мартеновских печей. Завалочные машины действовали на Енакиевском заводе, «Азовстали» и других предприятиях [20]. Однако такая модернизация или автоматизация касалась только отдельных машин и агрегатов, осуществлялась она не комплексно, так и эффективность ее была незначительной.

Однако, не смотря на все сложности и недочеты, в общем была проведена значительная работа по восстановлению металлургии региона. За эти годы в республике введено в действие 22 доменные и 43 мартеновские печи, 46 прокатных станов, большое количество других агрегатов. В связи с этим мощности по выплавке чугуна выросли почти на 8,3 млн. т, стали – на 5,3 млн. т, по производству проката – на 4,4 млн. т. Улучшились технико-экономические показатели. На начало 1951 г. средний полезный объем одной доменной печи увеличился до 823 м² по сравнению 716 м² в 1940 г. Повысился коэффициент использования полезного объема доменных печей, возросло среднемесячное снятие стали с одного квадратного метра мартеновских печей. Общая производительность труда в черной металлургии Украины в 1950 г. выросла по сравнению с 1940 г. на треть [1, с. 93].

В 1950 г. металлургическая промышленность Донбасса превзошла довоенные показатели по выплавке чугуна, стали, производства другой продукции. Так, в 1950 г. металлургия Донбасса производила чугуна больше, чем в 1940 г. на 8,3%, стали – на 2,3%, проката – на 13,9%, стальных труб – на 19,3%. Металлурги УССР давали почти 48% общесоюзного производства чугуна, более 30% стали и около трети всего проката [11, с. 50].

В сообщении Госплана СССР и ЦСУ СССР об итогах выполнения четвертого (первого послевоенного) пятилетнего плана СССР на 1946-1959 гг. указывается: «Выполнен пятилетний план по выплавке чугуна

Министерством черной металлургии. Производство черных металлов в целом в 1950 г. превысило довоенный уровень на 45% при задании пятилетнего плана на 35%; при этом производство чугуна увеличилось по сравнению с довоенным уровнем на 29%, выплавка стали – на 49% и производство проката на 59%. Металлургическая промышленность Юга, полностью разрушенная во время войны, восстановлена на новой технической базе и дает металла больше, чем до войны» [14, с. 163]. В данном сообщении акцентируется внимание не только на количественных, но и качественных достижениях в отрасли: «В черной металлургии совершенствовалась технология производства. В сталеплавильном производстве освоено применение кислорода. Освоено производство специальных профилей проката и марок стали для изготовления новых типов машин и приборов. В широких размерах осуществлена механизация трудоемких и тяжелых работ и автоматизация производственных процессов. Значительно улучшилось использование оборудования» [там же].

Особенно успешно развивалась металлургия Сталинской области. Заводы области достигли высоких показателей не только в регионе, но и в УССР. Завод «Азовсталь» первый в республике превысил довоенный уровень производства чугуна и стали, здесь впервые в 1948 г. началось производство проката. В 1950 г. превзошли довоенные показатели Сталинский, Енакиевский, Коммунарский и некоторые другие металлургические заводы нашего края [6, с. 165].

Таким образом, можно сделать вывод, что, несмотря на недостаточное финансирование и механизацию восстановительных работ, недостаток рабочих рук, все же металлургическая промышленность Донбасса была полностью восстановлена за первое послевоенное десятилетие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азовсталь: очерки / [редкол.: А. А. Шокул (пред.) и др.]. – Донецк : Донбасс, 1983. – 167 с.
2. Бровар, О.В. Вугільна промисловість Луганщини у початковий період відбудови (1943 – 1945 рр.) // Наукові праці: Науково-методичний журнал. – Т. 104. – Вип. 91. Історичні науки. – Миколаїв: Вид-во ЧДУ ім. Петра Могили, 2009. – С. 90-94.
3. Володарский, Л. М. Возрождение районов СССР, пострадавших от немецкой оккупации. – М. : Госпланиздат, 1946. – 104 с.
4. Донецкая область в годы Великой Отечественной войны (1941-1945 гг.) : Сб. документов и материалов / Парт. Арх. Донец. обкома Компартии Украины, Донец. обл. гос. арх.; [Сост. А. В. Грушко и др.]. – Донецк : Донбас, 1980. – 310 с.
5. История народного хозяйства Украинской ССР. - Т.3, кн.1. – М., 1985. – 416 с.

6. Казанцев, Б. М. Восстановление и развитие черной металлургии СССР, 1945-1950 / Отв. ред. А. В. Мирофанова. – М. : Наука, 1984. – 272 с.
7. Кацен, Л. Г. Основные и оборотные фонды черной металлургии УССР / Л.Г. Кацен, М. Р. Лукьянов. – К. : Техніка, 1965. – 191 с.
8. Книга Памяті України. Донецька область – Донецьк: Донбасс, 1999. – 336 с.
9. Колесников, Г. А. Ордена и медали СССР / Г. А. Колесников, А. М. Рожков – М. : Воениздат, 1983. – 302 с.
10. Михненко, А. М. Проблеми відбудови металургійних підприємств Донбасу в українській історичній літературі 1943 – 1985 рр. // Український історичний журнал. – 1986. – № 11 – 421 с.
11. Морехина, Г. Г. Восстановление народного хозяйства Советского Союза на освобожденной территории в период Великой Отечественной войны. // Вопросы истории. – 1961. – № 8. – С. 47- 48.
12. Объяснительная записка по годовому отчету / Макеевский ордена Ленина металлургический завод имени С. М. Кирова Министерства черной металлургии УССР г. Макеевка, Донецкой области // ГА ДНР Ф. Р-1813. Оп. 1. Д. 76.
13. Папка справок завода «Азовсталь» / Партийный комитет Мариупольского металлургического завода «Азовсталь» имени С. Орджоникидзе г. Мариуполь Донецкой области / Партийный комитет Мариупольского металлургического завода «Азовсталь» имени С. Орджоникидзе г. Мариуполь Донецкой области // ГА ДНР Ф. П-693. Оп. 3. Д. 194.
14. Промышленность и рабочий класс СССР. 1946-1950 : Документы и материалы. – М. : Наука, 1989. – 388 с.
15. Развитие металлургии в Украинской ССР / [Ю.А. Анисимов, Н. А. Терещенко, В.Г. Тищенко и др.; Редкол.: З.И. Некрасов (отв. ред.) и др.]. – К. : Наук. думка, 1980. – 959 с.
16. Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам : сборник документов / сост.: К. У. Черненко и М. С. Смиртюкова. – М. : Политиздат, 1967-1988. – Т. 3 : 1941-1952 годы. – 1968. – 751 с.
17. Саржан, А. О. Новітня історія Донбасу (1945 – 1999 рр.): Навчальний посібник / А.О. Саржан. – Донецьк: Стакер, 1999. – 463 с.
18. Социалистический Донбасс. – 1945. – 26 декабря
19. Социалистический Донбасс. – 1946. – 8 сентября
20. Социалистический Донбасс. – 1947. – 16 апреля
21. Терещенко, Н. А. Металл республики : Украина в 9 пятилетке. 1971-1975 / Н. А. Терещенко, Б. И. Буй, Л. П. Жилин. – К. : Техника, 1975. – 169 с.
22. Топалов, И. День скорби и памяти жертв войны в Украине / И. Топалов // Ильичевец. – 2002. – 22 июня.

23. Українська ССР в годы Великой Отечественной Войны Советского Союза: Хроника событий. – К. : Политиздат Украины, 1985. – 618 с.
24. Україна: Друга половина ХХ століття: Нариси історії : [Навч. посіб.] / П.П. Панченко, А.М. Веселова, Н.П. Барановська [та ін.]; ред.: П.П. Панченко (гол.) [та ін.]. – К. : Либідь, 1997. – 350 с.
25. Хорошайлов, М. Ф. На відбудові. З історії відбудови Донбасу. – Донецьк: Донбасс, 1966. – 180 с.

АННОТАЦИЯ

Шаверин А. М., Липинский В. В. Восстановление металлургии донбасса в первые послевоенные годы

В статье дается характеристика процессов восстановления металлургических предприятий Донбасса в послеоккупационный период. Рассмотрены сильные и слабые стороны этого процесса, а также его результаты.

Ключевые слова: Донбасс, послевоенный период, восстановление промышленности, металлургическая отрасль, чёрная металлургия, сталелитейное производство

SUMMARY

Shaverin A.M., Lipinsky V. V. Restoration of the metallurgy of Donbass in the first post-war years

The article describes the processes of restoration of metallurgical enterprises of Donbass in the post-occupation period. The strengths and weaknesses of this process, as well as its results, are considered.

Keywords: Donbass, post-war period, industrial reconstruction, metallurgical industry, ferrous metallurgy, steel production

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Баталин Руслан Александрович – аспирант кафедры философии и истории, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Величко Владислав Владимирович – студент-магистрант учебно-научного центра довузовской подготовки, переподготовки и заочного обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Вильгуцкий Сергей Юрьевич – студент-магистрант учебно-научного центра довузовской подготовки, переподготовки и заочного обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Войцеховская Александра Сергеевна – студент-магистрант II года обучения гуманитарного факультета ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Евсюкова Наталья Владимировна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Емельянова Ирина Федоровна – кандидат экономических наук, доцент кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков» г. Горловка, ДНР

Запаренко Никита Михайлович – студент-бакалавр IV года обучения, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Коротун Оксана Владимировна – старший преподаватель кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Липинский Виталий Владимирович – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры Гражданского права и процесса, ОО ВПО «Донецкий государственный университет», г. Донецк, ДНР

Медведев Сергей Сергеевич – ассистент кафедры философии и истории, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Навка Ирина Александровна – кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры философии и истории, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Никулин Юрий Александрович – преподаватель кафедры философии и истории, ГОУ ВПО «Горловского института иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Полякова Мария Андреевна – преподаватель кафедры философии и истории ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Рочняк Елена Владимировна – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и истории, ОО ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Смородина Виктория Александровна – студент-магистрант учебно-научного центра довузовской подготовки, переподготовки и заочного обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Фесенко Александр Александрович – студент-магистрант учебно-научного центра довузовской подготовки, переподготовки и заочного обучения ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

Шаверин Александр Михайлович – студент-магистрант II года обучения гуманитарного факультета ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков», г. Горловка, ДНР

СОДЕРЖАНИЕ

Руслан Александрович Баталин	
Елена Владимировна Рочняк	
ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ И ВИДЫ ПРОЯВЛЕНИЯ ФЕНОМЕНА ПАТРИОТИЗМА.....	3
Владислав Владимирович Величко	
Елена Владимировна Рочняк	
ПРИЧИНЫ ЗАБАСТОВОК ШАХТЕРОВ ДОНБАССА ПОСЛЕ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ НЕЗАВИСИМОСТИ УКРАИНЫ.....	9
Сергей Юрьевич Вельгущкий	
Елена Владимировна Рочняк	
КРУШЕНИЕ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ТРАГЕДИЯ КАЗАЧЕСТВА.....	16
Александра Сергеевна Войцеховская	
Ирина Александровна Навка	
ПРИОРИТЕТЫ РАЗВИТИЯ И МЕТОДЫ УПРАВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКОЙ В 1921-1924 ГГ.....	25
Ирина Федоровна Емельянова	
ИСТОРИЧЕСКИЕ ЭТАПЫ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ В КНР.....	34
Никита Михайлович Запаренко	
Ирина Александровна Навка	
ПРИЧИНЫ ПОБЕДЫ БОЛЬШЕВИКОВ НА ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА В ПЕРИОД ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ.....	42
Сергей Сергеевич Медведев	
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧИХ ДОНБАССА В НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	46
Ирина Александровна Навка	
К ПРОБЛЕМЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОНЯТИЯ «СОЦИАЛЬНАЯ МАНИПУЛЯЦИЯ».....	54
Ирина Александровна Навка	
ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В XX ВЕКЕ.....	60
Никулин Юрий Александрович	
НЕМЕЦКАЯ ГЕОПОЛИТИКА И «ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС» В ПЕРИОД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ.....	69
Полякова Мария Андреевна	
МАТЕРИАЛЬНАЯ БАЗА ВЫСШИХ ПЕДАГОГИЧЕСКИХ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА В 1954 – 1964 ГГ.....	78

Елена Владимировна Рочняк	
СОЦИОЛОГИЯ АРХИТЕКТУРЫ КАК АКТУАЛЬНОЕ	
НАПРАВЛЕНИЕ СОВРЕМЕННЫХ	
АНТРОПОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	83
Виктория Александровна Смородина	
Оксана Владимировна Коротун	
СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ	
ОТРАСЛИ ДОНЕЦКОГО РЕГИОНА	
В КОНЦЕ XIX – НАЧАЛЕ XX ВЕКА.....	92
Александр Александрович Фесенко	
Елена Владимировна Рочняк	
ОСОБЕННОСТИ БРОДОВСКОГО КОТЛА	
В ХОДЕ ЛЬВОВСКО-САНДОМИРСКОЙ ОПЕРАЦИИ.....	105
Александр Михайлович Шаверин	
Виталий Владимирович Липинский	
ВОСТАНОВЛЕНИЕ МЕТАЛЛУРГИИ ДОНБАССА	
В ПЕРВЫЕ ПОСЛЕВОЕННЫЕ ГОДЫ.....	110

ГУМАНИТАРНЫЙ ВЕСТНИК

Сборник научных трудов

Выпуск пятнадцатый
История

Ответственный редактор *С. Э. Зябрева*
Технический редактор *Н. А. Сытник*
Компьютерная вёрстка и макетирование *А. А. Витюк*
Корректоры *Е. В. Рочняк, О. Т. Захарова*

*За содержание и достоверность фактов, цитат, имён собственных
и других сведений ответственность несут авторы*

Подписано к изданию 26.05.2021.
Формат 60x84/16. Бумага 80 г/м².
Усл. печ. л. – 7,76 . Уч.-изд. л. – 7,75.
Усл.-изд. л. – 7,20.
Тираж 300 экз. Зак. № 47.

Издательство ГОУ ВПО «Горловский институт иностранных языков»
Справка ГЛАВСТАТА ДНР Серия АА № 08-22/1277 от 05.03.2020
284626, ДНР, г. Горловка, ул. Рудакова, 25